

У Р А Л Ь С К И Й № 9 (567), 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ДНЕВНИК
КИЛЛЕРА:
КТО ДОПИШЕТ
ПЯТУЮ СТРАНИЦУ?**

**КАК ЖИВУТ
КАЗАКИ
НА УРАЛЕ?**

**ПТЕНЦЫ
СТАНОВЯТСЯ
ВЗРОСЛЫМИ**

ПОДВИГ ТУРИСТА

Маршруты Уральского следопыта

Вишера – левый приток Камы и правый приток Вычегды.

Существует множество версий перевода названия реки на русский язык. Многие народности населяли берега Вишеры в разное время, и каждая из них могла дать реке имя, которое сохранилось по сей день. В коми языке слово «ви» означает «сила», а «сер» – река, следовательно, по этой версии Вишера – это «сильная река». Предки венгров, финно-угры, когда-то жившие на юге Предуралья, также могли назвать Вишеру, на их языке это бы значило «полуночная (или «северная») река».

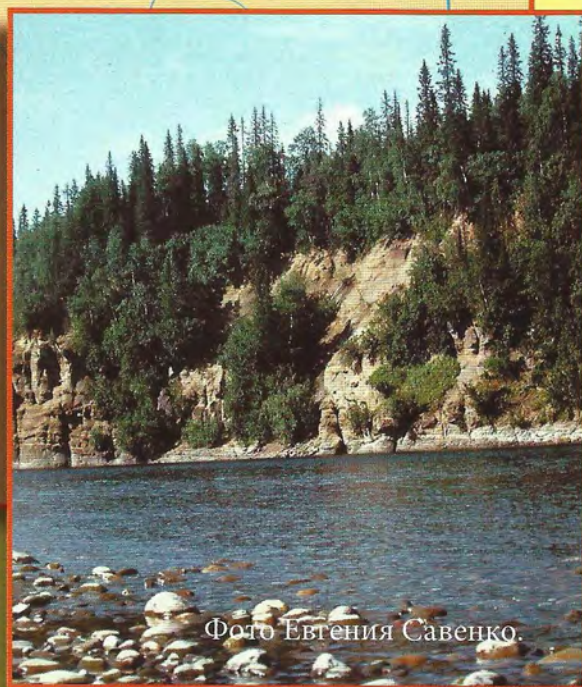
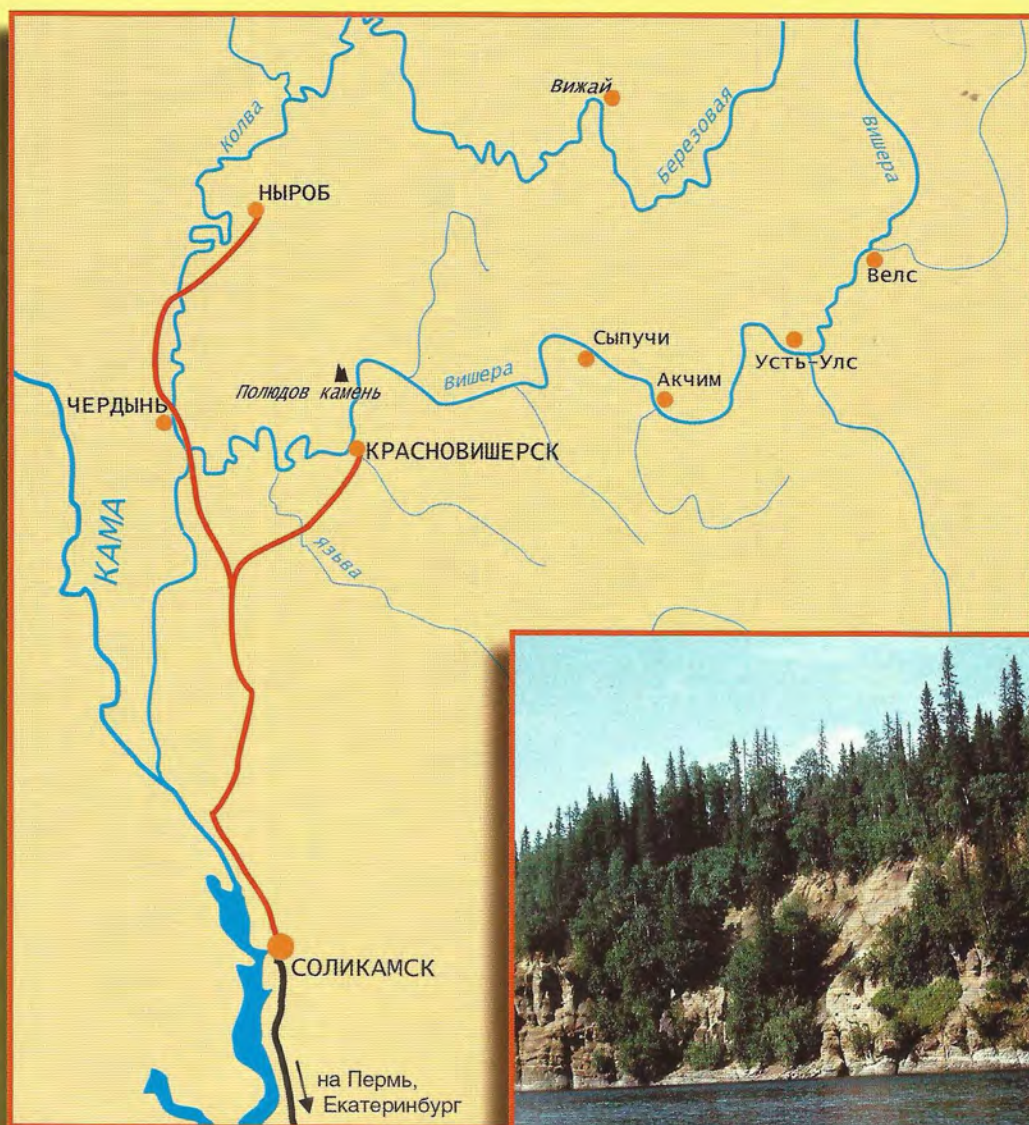

Фото Евгения Савенко.

Статью о походе
по реке Вишере читайте на стр. 77.

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 9 2004 (567)

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин
Художественный редактор,
верстка
Юлия Ульянова

Набор
Валентина Кадочникова
Корректор
Юрий Виноградов

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Пращкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

издано при поддержке

министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством

печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт» обладает исключительным

правом на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не

менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30

строк на странице. Каждая страница

рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об

авторе. В первую очередь рассматривают-

ся рукописи, дополненные электронной

версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений

обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт». Ссылка на журнал «Уральский

следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-36-62

Подписано к печати 15.09.2004 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага

офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: uralstalker@sky.ru

info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 9, 2004

Издается с 1935 г.,

возобновлен в 1958 г.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Далекое-близкое

В.ШИЛОВ Уральские казаки.....2

О.ЛУЗЯНИНОВ Дети войны.....16

Библиотечные чтения

Н.КРЫЛОВА Наставникам, хранившим юность нашу.....6

Тропой поиска

Ю.КЛЮШНИКОВ «Раг буду похлопотать».....20

В.ИЩЕНКО Будет ли золотым Золотой камень?.....53

Проекты «Уральского следопыта»

ФОТОКОНКУРС.....26

Человек и природа

Г.ПУДОВ Береста красивая и обиходная.....28

Музей одной фотографии

О.ШАБАРШИНА Дрова на площади «Железной столицы».....42

Краеведческая копилка

В.ВЕЙХМАН Лямбда аш.....43

Заповедные земли Урала

Е.ТАМПЛОН Игнатиевская пещера.....57

АЭЛИТА

Современная поэзия

Л.НАЗАРОВСКАЯ Стихи.....22

Наш гость

О.ПАВЛОВ Стихи.....31

Фантастика

С.ЧЕКМАЕВ Четыре страницы из черной тетради.....33

Дебют

А.КИНЯЕВА Стихи.....51

Рассказы в одну строчку

М.ГОЛДИНА Полосы жизни.....59

Современная проза

О.ВАКУЛЬСКАЯ Синица любит Журавля.....64

Юмор

А. ИЛЬЕНКОВ Байки.....75

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Записки очевидца

Н.БАЯНДИНА 12 подвигов туриста-водника.....9

Уральские тропы

А.КУРОЧКИН В одиночку по заповедным местам.....23

Ю.УСТЮЖАНИНА По реке по Вишере.....77

Советы специалиста

Ведение дневника в походе.....61

Леса Уральской горной страны

Е.САВЕНКО Приполярный Урал3 полоса обложки

Владимир ШИЛОВ

Владимир Шилов - давний автор «Уральского следопыта», преподаватель истории Отечества Березниковского филиала Пермского государственного университета.

Уральские казаки

(исторические заметки)

Слово казак, или козак, — тюркского происхождения и означает «свободный человек, бродяга». В начале XX века в нашем Отечестве существовало целых 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, Сибирское, Оренбургское и Уральское.

Каждое отдельное войско формировалось на занимаемых казаками землях, под началом своего атамана. А все казачье население России в 1916 году насчитывало свыше 4,4 миллиона человек и владело почти 53 миллионами десятин земли.

Советская власть это самобытное казачье сословие практически ликвидировала, но историческая справедливость в наши дни все-таки восстанавливается. Нередко и в наших Березниках можно сегодня встретить людей в казачьей форме, которые, наряду с милицией, охраняют покой горожан.

Кто же они такие, уральские казаки? Чем занимались в далекую уже от нас досоветскую эпоху? Какие у них были традиции и обычаи? Вот на этих вопросах мы и остановимся ниже.

Формирование вольного казачества на Урале историки связывают с разгромом правительственными войсками в 1577 году «воровских» волжских казаков стольника Мурашкина. Одна часть разбитых казаков с атаманом Ермаком, по версии некоторых исследователей, отправилась к нам на Каму в вotchины Строгановых, и именно они впоследствии разгромили Сибирское ханство, положили начало присоединению Сибири к России и даже формированию всего Сибирского казачества.

Именно за это, опять же по легенде, сам царь Иван Грозный простил им «воровские» грехи их бурной молодости, а Ермаку Тимофеевичу подарил две брони (кольчуги), серебряный кубок и шубу с царского плеча.

*Урядник Уральских казачьих полков.
Рисунок из фондов Государственного архива
Пермской области (ГАПО).*

Другая часть разгромленных «воровских» казаков отправилась на р. Яик (ныне р. Урал) и во главе с атаманом Нечаем разорила столицу татарских ханов Сарайчик и основала в 40 верстах от нынешнего Уральска укрепленный Яицкий городок, который и стал центром вольного Яицкого казачества.

К 1591 году относится первая известная государственная служба яицких казаков на Кавказе, вот этот год и считается официальным началом Яицкого (Уральского) войска. А в начале XVII века яицкие казаки уже признавали себя служилыми людьми Русского государства, сохраняя при этом значительную автономию.

Первоначально основу хозяйственной жизни вольного казачества составляли промыслы, охота, рыбо-

ловство, а позднее и скотоводство. Разумеется, важным источником существования вольного казачества была и военная добыча. Чего стоит так называемый «поход за зипунами» Стеньки Разина!

И хотя Степан Тимофеевич Разин (в отличие от нашего Ермака Тимофеевича) был донским казаком, но после военных действий с крымскими татарами и турками в 1662-1663 гг., с отрядами казацкой гольбы, совершил походы на Волгу и Яик (Урал). Потом он именно отсюда и далее по Каспийскому морю уплыл в Персию, где и захватил, кроме всего прочего, дивной красоты княжну, которую, как поется в известной народной песне, бросил за борт... Кстати, как пишут учебники по истории, Степан Разин в 1671 году был выдан царскому правительству казацкой старшиной...

В XVI-XVII вв. вольное казачество пользовалось автономией в области управления, суда, внешних связей, а важнейшие вопросы обсуждал казачий сход, или круг, то есть казачья община.

Как говорили в стародавние времена, «что круг порешил, тому и быть». А круг, как законодательная власть общины, всем казакам давал равное право голоса. В общих делах казак принимал участие с 16 лет, а право голоса приобретал с 21 года. Правда, сегодня планку опустили до 18 лет.

Исполнительной властью у казаков обладал сход, а во время между кругами правили атаман и правление.

На круг должны были собраться не менее 2/3 всего списочного состава общества; могли даже присутствовать казачата с 10-летнего возраста, но обязательно с отцом или старшим братом, дядей или родственником. Женщины же допускались только по специальным приглашениям, но правом голоса они не наделялись.

Тем не менее, муж, брат, отец всегда представляли на кругу интересы женщины-казачки, а если женщина была одинокой или вдовой, она пользовалась личной защитой атамана, членов атаманского правления и совета стариков.

«Заседание» круга всегда вел дежурный есаулец, который назначался собравшимися. Кстати, он имел право для наведения порядка пускать в ход нагайку и вместе с приставами выдворять буянов за дверь.

Власть атамана была ограничена советом стариков (они первыми приглашались на скамью и рядом с ними впоследствии имели право сидеть только георгиевские кавалеры), а также и священником. То есть без одобрения совета стариков и священника ни одно основополагающее решение не могло быть принято и исполнено. Но правом голоса священник не обладал, то есть в хозяйственные и прочие дела не вмешивался.

Работа круга начиналась после доклада есаульца о числе участников (по-современному: есть ли кворум?) и обязательно после выноса знамени и совершения молитвы.

Любой выступающий выходил всегда в центр или на сцену, обязательно снимал шапку и кланялся ата-

ману, священнику, старикам и всему собранию. Если выступающий надевал шапку, это означало, что он все сказал. И для всех это было обязательным правилом, несмотря на известную казацкую поговорку: «Кзаки все наголо (т. е. поголовно) атаманы!»

Команда есаульца «Кройсь!» означала для выступающего, что он говорит либо не по делу, либо нарушает регламент. Под протоколом расписывались атаман, писарь и есаулец. Заканчивался круг опять же молитвой и выносом знамени. Есаулец только после этого давал команду «Разойдись!» Решения круга выполнялись беспрекословно.

Такое народное, говоря современным языком, «самоуправление», было в царской России вроде бы немислимым делом. Но ведь казаки, как правило, жили на самых отдаленных и беспокойных границах державы и всегда первыми принимали на себя удары многочисленных супостатов. Поэтому власть имущие на такие «вольности» до поры до времени смотрели сквозь пальцы. К тому же, как гласила народная мудрость, «до Бога высоко, до царя далеко»...

Царское правительство долгие годы само активно привлекало вольное казачество для охраны государственных границ. Яицкие (уральские) казаки охраняли довольно успешно юго-восточные границы, за что уже в конце XVII столетия правительство начало им регулярно посылать жалованье «за службу».

Петр I в свое время даже предпринял попытку превратить вольное казачество в иррегулярное войско, которое отличалось от регулярного особым комплектованием и прохождением службы. Вот тогда-то, в 1721 году, яицкие казаки и были подчинены Военной коллегии, и была проведена перепись казачьего населения. Кроме этого, в 1723-м император Петр I впервые официально (царской грамотой) назначил войскового атамана, который до этого ежегодно избирался войском без утверждения правительством.

Впоследствии казаки в России принадлежали даже к особому сословию и по «статусу» часто были на положении «войскового обывателя», «поселенного воина», особого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Надо отметить, что были и пешие казаки.

Казак числился малолетним от 17 до 20 лет, потом служилым — до 50 или 55-ти лет, а затем еще 5 лет домоседным и в конце-концов отставным.

Царское правительство постоянно пыталось урезать автономию казаков (особенно, когда на границах стабилизировалась ситуация), что вызывало у казаков открытый протест.

Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством донского казака Емельяна Пугачева, (единственная, длившаяся целых два года!) потрясла всю державу и более всего Урал.

В движении низов только активных повстанцев участвовало до 100 тысяч человек, хотя в самом начале — 17 сентября 1773 года, когда восстали яицкие (уральские) казаки, было всего-то 800 человек.

«Слепой и беспощадный бунт» докатился и до

*Обер-офицер Оренбургского казачьего войска(1885);
Обер-офицер Уральского казачьего войска (1910);
рядовой Сибирского казачьего войска.
Художник Вячеслав Микрюков.*

пермского Прикамья. В Осинском краеведческом музее (Средняя Кама) есть замечательная диапано-рама о том, как пугачевцы берут Осу. Археологическая экспедиция Пермского госуниверситета под руководством профессора В.А. Оборина обнаружила захоронения, связанные с теми событиями.

На Верхнюю Каму войско Емельяна Пугачева не пошло, но, видимо, это было вполне реально. Владельцы вернекамских земель и соляных промыслов (большинство принадлежало тогда Строгановым) были не на шутку напуганы, о чем говорит ряд документов.

Само правительство поручило секунд-майору А.А. Мосолову организовать защиту соляных промыслов от пугачевцев. 11 февраля 1774 года он подписал документ об обороне Верхней Камы. Речь в нем шла о дополнительной мобилизации населения «с огнестрельным оружием, с луками, копьями и рогатинами, как из сел Дедюхинского, Нового Усолья, Ленвы, Веретьи, Орла и Зырянки...»

Мосолов планировал даже возвести редуты на высоком берегу Камы, а «в самом том месте, где злодеем итьти... по Каме реке лед надрубить».

Для прикрытия от войск пугачевцев села Новое Усолье и Соликамска были направлены значительные силы, «кроме обремененных старостию и малолетних».

Интересно, что этот документ, «разработанный» А.А. Мосоловым, подписали «важные лица» — уполномоченные Г.Н. Строганова, М.М. Голицына, В.А. Всеволожского, М.А. Строгановой, Б.Г. Шаховского, А.Н. Строганова и братьев Лазаревых.

Но, как известно, в 1774 году Е.И. Пугачев был арестован в заволжских степях заговорщиками, которые

и выдали его властям. А 10 января 1775 года в Москве, на Болотной площади, по приговору Сената он был казнен четвертованием.

За участие в Крестьянской войне императрица Екатерина II не только лишила яицких казаков элементов самостоятельности (управление было передано наказному атаману и войсковой канцелярии), но и приказала переименовать р. Яик в р. Урал. И Яицкое казачье войско впредь тоже было велено именовать Уральским. Яицкий городок был переименован в Уральск, отменен и войсковой круг и само народное правление уральских казаков. После 1775 года атаманы уже окончательно назначались царским правительством.

В эпоху Екатерины II, с 1782 года, Уральское казачье войско управлялось то астраханским, то оренбургским генерал-губернатором. Словом, за казаками царское правительство стало следить особенно зорко.

Тем не менее, казачество Урала принимало самое активное участие в войне 1812 года и в заграничных походах русской армии. Прославилось оно и в 1813 году в знаменитом Лейпцигском сражении. Понятие «Родина» не было для них пустым звуком.

В 1868 году было принято новое «Временное положение», по которому казачье войско в гражданских делах подчинялось общим местным органам, а в военных — генерал-губернатору вновь образованной Уральской области, который одновременно являлся и наказным атаманом. Прежнее деление на дистанции было заменено делением на станицы.

Не все казаки подчинились этому нововведению, за что несколько тысяч из них выслены в Среднюю Азию, в район Аральского моря.

И все-таки уральские казаки, как истинные патриоты, участвовали во всех крупных войнах, которые вела Россия в XIX — начале XX вв., показывая примеры храбрости и героизма. Огромную роль сыграли казаки и в присоединении Казахстана и Средней Азии к России.

Казаки Уральского войска в начале XX века имели территорию в 76 млн. га, а население в 1916 году составляло примерно 290 тысяч человек, в том числе 166,4 тысячи — казачьего сословия. В основном это были русские, 42 процента — старообрядцы, 2 процента — татары и калмыки.

В Первую мировую войну войско составило около 13 тысяч человек: 10 конных полков, 4 батареи, 8 сотен.

Оренбургское казачье войско, созданное в 1748-1755 гг. по инициативе правительства «сверху» (в отличие от Яицкого) на оренбургской укрепленной линии (центр — Оренбург), тоже находилось на территории нынешнего Южного Урала. В 1916 году его

население составляло около 533 тысяч человек, и имели они свыше 7,4 млн. десятин земли.

В Первую мировую войну это войско тоже выставило 21,5 полков, 9 батарей, 46 сотен. Упразднено оно было в 1918 году, а Уральское казачье войско — в 1920-м.

Можно напомнить и об Астраханском казачьем войске, которое, хотя и было создано лишь в 1817 году на Нижней Волге (центр — Астрахань), но было создано из казаков, живших там еще с середины XVI века. Многие астраханские казаки были потомками наших уральских и оренбургских.

Сибирское казачье войско, наш непосредственный территориальный сосед, было создано в 1808 году в Западной Сибири и Северном Казахстане (центр — Омск). Основу его тоже составили казаки, служившие еще с XVI века в сибирских городах и пограничной линии. Выходцами же они были из наших уральских земель. Во всяком случае, мало кто сегодня оспаривает, что именно Урал и являлся плацдармом для освоения Сибири.

В 1916 году население Сибирского казачьего войска составляло около 172 тысяч человек, и владели они почти 5 млн. десятин земли. В Первую мировую войну это войско выставило 9 конных полков, 3 дивизиона, 5 сотен, 3,5 батареи. Но в 1918 году тоже было упразднено.

Октябрьская революция поделила казаков на «белых» и «красных»; началась братоубийственная гражданская война.

В 1919 году «белые» казаки, которых в Оренбуржье возглавлял атаман А.И. Дутов, были вынуждены отступить в Семиречье (юго-восточная часть Казахстана), а затем в Китай.

Белоказаки-уральцы под командованием атамана В.С. Толстова ушли в Иран, часть из них потом вернулась в Россию, а другая часть вместе с атаманом подалась в Австралию, где и поныне проживают потомки уральских казаков.

Атаман В.С. Толстов, генерал-лейтенант (1919 г.), из семьи казацкого офицера, в годы Гражданской войны со своей белоказачьей уральской армией (с марта по июль 1919 года) был в подчинении А.В. Колчака, а затем А.И. Деникина. Умер же он в 1956 году в Австралии (Сидней), занимаясь предпринимательством.

Атаману А.И. Дутову повезло меньше. Этот русский политический и военный деятель из дворян, окончивший Академию Генштаба (1908 г.), генерал-лейтенант (1918 г.), как и В.С. Толстов, участник Первой мировой войны, руководитель белоказачьего движения на Урале, оказывал самую активную поддержку А.В. Колчаку, за что в апреле 1919 года Верховный Правитель России назначил его походным атаманом всех казачьих войск России. В 1920 году А.И. Дутов был вынужден эмигрировать в Китай, где 7 марта 1921 года при неудавшейся операции чекистов по его похищению был смертельно ранен.

Но и «красным» казакам от новой власти ничего не было дано. С конца 1917 года советское правительство начало проводить активную политику «расказачивания» и унификации всех казачьих территорий в рамках РСФСР.

И все-таки казаки были и в сталинскую эпоху: многие смотрели, например, наивно-помпезный фильм «Кубанские казаки». В 1936 году были даже созданы донские, кубанские и терские кавалерийские казачьи соединения, и в годы Великой Отечественной войны так называли бойцов кавалерийской воинской части. Но это отдельная тема. По большому счету, в годы советской власти многовековые традиции казацкого сословия были несправедливо преданы забвению.

В конце 1980-х годов во многих городах Урала началось возрождение казачьих организаций, а ликвидированное в январе 1920 года Уральское казачье войско, основанное, как отмечалось выше, еще во второй половине XVI века, было вновь воссоздано в 1990 году.

Г.-Ф.Х. Паули. Уральские казаки. Из альбома «Народы России». Копия Вячеслава Микрюкова.

Наставникам, хранившим юность нашу...

Среди садов и парков города Пушкина возвышается светлое здание лицея. Здесь учился великий русский поэт. Всю жизнь хранил он в своем сердце лучшие воспоминания о лицейских годах, о Царском Селе — так назывался город, о наставниках и первых друзьях. В лицее родилась вдохновенная муза поэта. В Царском Селе познакомился Пушкин с историком Карамзиным, с поэтами Жуковским, Батюшковым, Дмитриевым, Вяземским и с философом Чаадаевым. В лицее окрепла дружба с Иваном Пущиным, с верным товарищем Иваном Малиновским, завязалась идейная и поэтическая близость с Дельвигом и Кюхельбекером. В Царском Селе прошла юность поэта, здесь были одержаны первые творческие победы.

Название учебного заведения — лицей — возникло в глубокой древности. Одна из окраин греческого города Афины некогда называлась Ликей. Здесь стоял храм Аполлона. Аполлон, или Феб, то есть Блистающий, по верованиям древних являвшийся богом Солнца, покровителем поэзии, музыки, искусства, имел ряд

прозвищ в том числе Ликейский (Волчий). В обширном и прекрасном саду храма находился знаменитый «гимнасий». Здесь юношей учил сам основатель «гимнасия», величайший философ древности Аристотель. Царскосельский лицей символически был преемником славных традиций древней школы.

Лицей в Царском Селе был первым в России. Ранее лицеи получили распространение во Франции в VIII веке — как средние учебные заведения. Позднее открылись и другие Лицеи — привилегированные мужские, средние или высшие учебные заведения. Но лишь Царскосельский лицей 1811–1817 годов, составил яркую страницу в истории русской культуры. Именно Лицей в начале XIX века стал тем учреждением, в котором вольнолюбивые, антикрепостнические, антимоноархические настроения нашли свое выражение в просветительном и воспитательном процессе юношества.

При вступлении на пост его директора В.Ф.Малиновский оговорил за собой право лично подбирать преподавателей. Он пригласил в Лицей передовых, талан-

Вверху: И.К.Кайданов, А.П.Куницын - рисунки А.С.Пушкина
внизу: здание лицея, Царское Село. А.А.Тон. 1822.

тливых адъюнкт-профессоров из Петербургского педагогического института: Александра Петровича Куницына — по нравственным наукам, Ивана Кузьмича Кайданова — по историческим и географическим наукам. В.Ф.Малиновский создал в Лицее атмосферу свободомыслия, которую впоследствии назвали «лицейским духом». Лицейские кафедры явились трибуной для пропаганды передовых идей и взглядов. Преподаватели находились под непосредственным влиянием Малиновского и своими смелыми высказываниями также зажигали в воспитанниках чувства высокой гражданственности, патриотизма. В стихотворении «19 октября» А.С.Пушкин, обращаясь к своим лицейским друзьям, благословляет день открытия лицея, отдает дань уважения и своим лицейским наставникам:

Наставникам, хранившим юность нашу,
 Всем честию, и мертвым и живым,
 К устам подъяв признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадим.

Среди этих наставников лицейст Пушкин и его товарищи выделяли молодого профессора нравственных и политических наук Александра Петровича Куницына. Необычайно широк был спектр знаний, которыми обладал профессор. Логика и психология сменялись политической экономией и финансами, а потом пошли специальные курсы: право римское и публичное русское, право естественное и гражданское, право народное и частное... А.С.Пушкин более всех преподавателей ценил Куницына. По словам И.И.Пущина, он всего охотнее занимался именно в его классе. Впоследствии П.А.Плетнев писал, что о лекциях Куницына Пушкин «вспоминал всегда с восхищением и лично к нему до смерти сохранил неизменное уважение». В черновике стихотворения «19 октября», написанного в 1825 году в честь годовщины лицея, есть строки, посвященные Куницыну:

Куницыну дань сердца и вина!
 Он создал нас, он воспитал наш пламень,
 Поставлен им краеугольный камень,
 Им чистая лампада возжена...

усовершенствования себя по части политических наук. В Геттингенском и Парижском университетах он слушал лекции профессоров юридических, политических наук и дипломатии. По возвращении из-за границы выдержал экзамен и был произведен в звание адъюнкт-профессора, а в 1811 году 17 августа, определен в Царскосельский лицей. Стал преподавать там нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года был произведен в профессора 7-го класса. Взгляды А.П.Куницына сложились под влиянием прогрессивных, философских идей Запада, и тенденция его лекций была определенно либеральная.

В.Ф.Малиновский
 Портрет работы неизвестного художника.

Александр Петрович Куницын не сделал переворота в науке, не был новатором или первооткрывателем. Его знания основывались на достижениях современной ему философии и экономики. Он знакомил молодых людей с европейской философской мыслью в области политико-нравственных наук, еще мало известной в русских ученых кругах. Затрагивал самые животрепещущие вопросы: государственное устройство, законодательство, гражданские права и свободы; касался истории, религии, экономики, дипломатии.

В 1821 году Куницын был смещен с занимаемой им кафедры и даже отставлен от службы по приказу Министерства народного просвещения за изданную им книгу «Естественное право», в которой, по мнению правительства, изложено «весьма вредное, противоречащее истинам христианства и клонящееся к

ниспровержению всех связей семейственных и государственных», учение. Это произошло во время разгрома Петербургского университета, когда лучшие профессора были удалены за либерализм и во главе просвещения стали крайние реакционеры. Пушкин выразил свое негодование по поводу запрещения книги Куницына в своём «Послании к цензору» (1822), которое ходило в списках по рукам. Посылая 11 января 1835 года Куницыну свою книгу «История Пугачевского бунта», Пушкин написал на ней: «Александр Петрович Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности». Поэт на всю жизнь сохранил признательность к Куницыну и в последнем стихотворении, посвященном лицейской годовщине (1836), снова вспомнил речь А.П.Куницына.

Но еще до черных дней гонения судьба свела Куницына с самобытным человеком, «молодым другом» Александра I — графом Павлом Строгановым. С тем самым владельцем пермских лесов, земель и заводов. Граф получил в юности прекрасное заграничное образование. В дни Великой французской революции оказался в Париже, посещал там якобинский народный клуб.

Историческая справка: Строгановы — крупные купцы и предприниматели XVI-XVII веков, выходцы из разбогатевших поморских крестьян. Им принадлежали громадные владения по рекам Каме, Чусовой, Сылве, Тоболу, Иртышу, Оби и др.; соляные промыслы, железоделательные и медеплавильные заводы на Урале. Строгановы принимали деятельное участие в колонизации Урала и Сибири, давали деньги на освоение природных богатств этих краев, нанимали военную силу для насильственного захвата земель у местных народов и племен. В начале XVII века Строгановы были удостоены почетного титула «именитых людей», а с XVIII столетия их род становится дворянским: оценив их заслуги перед Отечеством, Петр I не только возвел бывших крестьян в дворянское достоинство, но и пожаловал им звание баронов, а затем графов. Строгановы влились в ряды русской аристократии, стали получать назначения на высокие государственные посты. Так, граф Александр Сергеевич Строганов (1733-1811) был президентом Академии художеств; граф Павел Александрович (1772-1817) занимал видное место при Александре I, пользовался его доверием и расположением, участвовал в подготовке реформ начала XIX века. Строгановы по-прежнему были крупными землевладельцами и заводчиками.

Пока сам Павел Строганов был занят войнами

против императора Наполеона, делами обширного имения на Урале заправляла его жена Софья, урожденная княгиня Голицына, на редкость энергичная и волевая женщина. После многократных переделок, исправлений и дополнений графиня Строганова прислала из Петербурга в Уральскую вотчинную контору в селе Ильинском «Положение об управлении Пермским имением». В нем слышались отзвуки идей профессора Куницына. (Писал он и Василию Волгову, главному управляющему в имении, который был образованнейшим человеком своего времени).

Из тетрадей куницынских писем сохранились лишь две: за 1837 и 1839 годы. Они раскрывают как сами методы, так и практические шаги по правлению обширными владениями. Судя по сохранившимся документам, Куницын в эти годы выступал как единственный посредник между графиней Строгановой и ее уральскими подданными. И поэтому его письма — это своеобразный кладъ сведений, поступавших из столицы в пермскую провинцию. Большинство сведений касаются дел по управлению вотчиной, попыткам ввести на этих землях более просвещенные порядки.

Но есть в «синих тетрадях» и другие письма. Они касаются строгановского законодательства. Дореволюционные историки Урала нередко умилялись тому совершенству, с которым были составлены строгановские документы. Европейский просвещенный профессор А.П.Куницын и государственный практик Сперанский знали толк в новейших достижениях английской и немецкой политической экономии, кодификации российских законов...

...Куницын быстро старел. Годы гонения сделали свое дело. Судя по пермским письмам, в конце тридцатых годов он уже не был таким, каким знали его в Царском Селе. На закате своих лет Куницын был реабилитирован правительством. Он получил давно заслуженную степень доктора прав. Петербургский университет избрал его своим почетным членом. По-прежнему с уважением относился к нему и А.С.Пушкин. Дальнейшая жизнь Александра Петровича внешне протекала достаточно ровно. Он служил в канцелярии министра финансов, затем в 1826 году был определен во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии и участвовал там в составлении свода законов. Последняя должность, в которой он состоял до конца жизни — директор департамента духовных дел иностранного вероисповедания. А.П.Куницын был женат, детей не имел. В 1841 году он умер и был похоронен в Петербурге на Георгиевском кладбище. Могила его утеряна.

Памятник А.С.Пушкину в Царском Селе.

Надежда БАЯНДИНА,
фото предоставлено автором

Премьера приключенческого фильма
«МОКРЫЕ»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ИЛИ

12 ПОДВИГОВ ТУРИСТА-ВОДНИКА

В то время, когда весь мир пристально следил за олимпийскими страстями, на севере нашей страны, в суровом краю озёр и болот, совершали свой скромный подвиг шесть уральских туристов. И пусть их победы и достижения не стали достоянием общественности, испытания, которые выпали на их долю, ничуть не уступали олимпийским.

ПОДВИГ 1 РЕШЕНИЕ

Их было шестеро... Нет, нет! Их и сейчас шестеро. Тех, кто решился на две недели поставить крест на сытной еде, горячей воде, тёплой и, замечу, сухой постели, телевизоре, по которому транслировали всю ту же Олимпиаду-2004, и последних августовских деньках. Чем не подвиг? Хорошо, приплюсуем к этому тот факт, что из шестерых было только два представителя сильного пола! Вам это ни о чём не говорит? А вот я, узнав это прискорбное известие, решила было повернуть стопы обратно. Не потому, что перспектива двухнедельного девичника меня пугает, а потому, что рюкзаки значительно прибавят в весе! Считайте сами. На шестерых полагается два катамарана («двойка» и «четвёрка»), а это четыре баллона (по два на каждый), четыре «шкуры», служащие защитой для баллонов, энное количество алюминиевых труб (или рам), из которых сооружается каркас для катамарана. Прибавьте к этому общественное и личное снаряжение, продукты на две недели, запас шерстяных вещей, — и вы согласитесь, что подвиг номер один — один из нелёгких. К тому же район для сплава был выбран хоть и экзотический, но явно не курортный, славящийся обили-

ем дождей, озёр и насекомых — Северная Карелия. Река пока оставалась под вопросом (кто-то говорил, что едем на Кереть, кто-то — на Охту, фигурировала в разговоре и Кемь). Выслушав все варианты, я удовлетворённо кивнула, вспомнив, как в мае мы собирались в Казахстан, на Коксу, а попали... на реку Чон-Кемин, берущую начало в Киргизии! Неизвестность манила. Да, забыла огласить список участников. Их было шестеро. Четверо юных студенток — Юля, Жанна и Наташа (о себе скромно промолчу), четверокурсник матмеха Саня и... «великий и ужасный» АС (Александр Сергеевич) из турклуба УрГУ, собаку съевший на походах пятой и шестой категории. А поскольку наш сплав по сложности тянул лишь на тройку, мы смело доверились нашему мудрому руководителю.

ПОДВИГ 2 СБОРЫ

Считается, что поход начинается с того момента, когда турист надевает рюкзак. Однако практика убеждает, что

Проведение катамаранов через протоки в районе озера Козледеги.

точкой отсчёта можно считать попытку уложить в рюкзак много больше того, что он в состоянии вместить. Екатеринбургские девчонки с тоской слушали ахи и вздохи родителей, возмущённым явным несоответствием содержимого рюкзака весовой категории их дочурок. Хорошо, что они благоразумно промолчали об ещё не упакованном общественном снаряжении! Наташка, как заправская прыгунья, утаптывала вещи ногами. А я старалась не думать о том, что на дно рюкзака неосмотрительно положила печенье. Итак, рюкзак собран (кило 30, не меньше), в руках — рамы и вёсла в чехлах, замаскированные под лыжи (нелишняя предосторожность, потому что лыжи в общественном транспорте можно провозить бесплатно, а вёсла — нет). Дружно атакуем троллейбус («Лыжи, лыжи заноси!»), целуем на прощание провожающих (кое-кто успел-таки сунуть авоську с домашней снедью) и... отчаливаем, пардон, отъезжаем в сторону Санкт-Петербурга.

ПОДВИГ 3

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ

В поезде поступила первая команда: «Есть!», и мы начинаем поспешно уничтожать продукты, не значащиеся в раскладке. Родители постарались на славу! Пирог с мясом, капустой, пицца... «Есть такая работа — есть», — сказал АС, и все с ним согласились. За едой шли горячие споры о том, какую же реку осчастливить своим присутствием — Кереть или Охту. Поступали предложения бросить монетку. За Кереть были

такие аргументы, как простота заброски, отсутствие озёр (а значит, присутствие течения, что способствовало бы экономии сил и энергии), проверенный и «непыльный» маршрут, исключающий неприятных сюрпризов и неожиданностей, но главное, возможность пройти по Белому морю под парусом! За Охту был единственный аргумент — никто из клубовских водников на ней ещё не бывал. Победил, как нетрудно догадаться, инстинкт первопроходцев (или «первопроходимцев», как выразилась Юля). Едем на Охту!

ПОДВИГ 4

ЗАБРОСКА

Волховстрой встретил уральских путешественников враждебно. Справочная оказалась не в курсе проходящих поездов, следующих в сторону Карелии, компьютер не хотел включаться ни в какую. Мы было приуныли, не имея представления об особенностях местной техники. К счастью, кассир эти особенности знал. После удара кулаком компьютер заработал, выдав информацию о прибытии в 5.30 утра попутного поезда. Получив на руки билеты, мы наконец вздохнули с облегчением. Как оказалось, рано. Проводник при виде нас схватился за голову и встал на защиту вагона: «У меня только четыре места!». «Нам хватит!», — успокоили его мы, оттеснив рюкзаками и рамами. Шумно («Раз, два, взяли!») закинули на верхние полки рюкзаки и спокойно улеглись. Вшестером на четыре места...

На станции нас уже поджидал сельский житель, промышленяющий заброской туристов («Сегодня уже две группы отвёз»), который и доставил нас к истоку Охты — реке Козледеги.

ПОДВИГ 5 МЕЛЬ

Утром приступили к сборке катамаранов. Смущала глубина реки, вернее, отсутствие необходимой глубины. Однако, положившись на безопасное «там, где никто не пройдёт, мы пройдем», высказанное руководителем, группа отбросила сомнения. К обеду оба катамарана были готовы. Взяв в руки весло под номером девять и надев спасжилет с цифрой 13 на груди, я предстала перед руководителем, о суеверии которого ходили легенды («На дорогу не шить (не к добру), купальники не брать (к дождю)!»). Обошлось! Дана команда к отплытию. И вот оно, счастье! Мы едем, вернее, идём. АС то и дело сверяется с картой, Саня с умным видом поглядывает на компас, я же, начисто лишённая способности к ориентированию, доверчиво гребу, не выпуская из вида «четвёрку». Та сперва уверенно направилась налево — мель, уже не так уверенно направо — тупик. В раздумье мы опустили головы, некстати обнаружив под водой две рыбацкие лодки.

«Наверное, они тоже искали выход», — мрачно констатировала Наташа.

Однако настрой был оптимистичный. Вспом-

нив народную мудрость: «Любишь кататься, люби и саночки возить», мы, почувствовав под ногами хоть и нетвёрдую, но почву, взяли катамаран с двух сторон и... понесли. Поначалу было даже весело. Мы шутили, поскальзываясь на камнях и падая в воду, поздравляли друг друга с боевым крещением, однако скоро выбились из сил и уже с выжиданием поглядывали вперёд (не покажется ли, наконец, озеро), наивно полагая, что грести всё же лучше, чем нести). «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт!», — сквозь зубы цедила я. «Так вот почему она никак не плывёт, — тут же подхватил Сашка. — Мы её никак не назвали!». Решили на первой стоянке исправить эту оплошность и тут же почувствовали, что уже не мы несём катамаран, а река. «Жизнь прекрасна!», — закричала я отставшему АСу («четвёрка» значительно тяжелее «двойки»), и вышла на катамаране в открытое... озеро.

ПОДВИГ 6 ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

О том, что мель — это цветочки, мы поняли при появлении «ягодок» в образе неистового встречного ветра. Встречный ветер — это и так не подарок, но когда он настигает тебя на озере, на стоячей (!) воде — самое время кричать «Кар-ул!». «Четвёрка», будучи более устойчивой, быстро ушла в отрыв. А мы налегли на вёсла. Ветер кидал наше «утлое судёнышко» то вправо, то влево. Пока мы исправляли курс, нас успевало от-

Преодоление каньонного участка.

бросить назад. Создавалось впечатление, что гребёшь впустую, не продвигаясь вперёд ни на шаг. Кевязозеро было только началом. За ним следовало Муёзеро. В голове вертелась песня на мотив «Родины» «ДДТ» (нашла время для творчества!):

«Озеро, еду я на озеро,
Озеро Муёзеро,
А оно мне нравится...».

Однако чувствовала, что при таком раскладе я воспылаю к ни в чём не повинному Муёзеру лютой ненавистью. Наконец-то! АС внял нашим немым мольбам и причалил к берегу, посчитав, что утро вечера мудренее.

Так оно и вышло. Уже на следующий день мы с опаской разглядывали странное сооружение, прозванное «сексомараном» (от слова «six» — шесть). Как оказалось, ничего сложного: АС соединил оба катамарана («чтвёрка» спереди, мы — сзади) при помощи двух жердей, здраво рассудив, что так мы, по крайней мере, не потеряем друг друга из виду. Нагрузка распределилась на шестерых, и нам с Саней стало значительно легче. Девчонки тихо негодовали по поводу того, что им приходится везти нас на себе, в ответ мы невозмутимо цитировали АСа: «Самое страшное — это разрыв группы».

Ветер рвал и метал, но «сексомаран» оказался достойным противником. Вопреки опасениям, Муёзеро оставило о себе приятные воспоминания, особенно после посещения на острове Троица памятника архитектуры — деревянной церкви Николая Чудотворца, которая была построена староверами в 1602 году.

ПОДВИГ 7 ДОЖДЬ

Собственно, дождь преследовал нас с первого дня. Весь поход мы, по меткому выражению Сани, «не просыхали». Я уже оставила надежду хотя бы раз сесть на катамаран в сухом гидрокостюме. Жанна свыклась с мыслью, что ночевать опять придётся в мокром спальнике. Наташа каждое утро безропотно надевала на ноги влажные шерстяные носки (три пары). Утешением служила фраза: «главней всего погода в группе, всё остальное — ерунда...» Благоприятную погоду создавал АС. В запасе у него всегда

Староверческая церковь (1602) на острове Троица.

было рекордное число страшных историй, которыми он без устали сыпал, методично убеждая нас в том, что могло быть и хуже... Когда я выгребала из котла остатки каши, АС рассказал, как двое туристов решили поохотиться, а потом догнать группу. Однако заблудились и, проплутав два дня, вернулись к месту прежней стоянки, голодные как волки. И тогда один вспомнил, как выкинул в реку остатки завтрака. Это и спасло жизнь туристам. В другой раз АС поведал, как много лет назад их группа утопила в пороге рюкзак с провизией. Осталась одна манка, по случайности оказавшаяся в другом месте. От неё не посмели отказаться даже те, кто испытывал стойкое отвращение к манной каше ещё с детского сада. Другая группа после переворота катамарана обнаружила, что все деньги вымокли, разложила их на берегу для просушки и распрощалась с ними при первом же порыве ветра... Нам же, по словам АСа, «ещё повезло», и мы охотно этому верили. Когда же становилось невмоготу, приставали к берегу, разворачивали

над головой тент и готовили на костре горячий обед, вымывающий из наших душ оставшийся там осадок.

ПОДВИГ 8 ДЕЖУРСТВО

В этот подвиг я бы включила, во-первых, подъём в семь утра (согласитесь, встать в то время, когда остальные сладко посапывают, а твой сон, как всегда, прервали на самом интересном месте, мягко говоря, нечестно!), во-вторых, расставание с тёплым, хоть и мокрым, спальником, в-третьих, вылазку на свежий воздух (а надо сказать, что температура редко поднималась выше десяти градусов тепла). А потом ещё нужно развести костёр при отсутствии дров, принести воды трясушимися от холода руками... Моё первое дежурство было омрачено с утра, когда, заглянув в котёл с чаем, я обнаружила там... мышь! Саня, вздрогнув от крика (от него, по-моему, вздрогнули даже в палатке), оценил обстановку и мужественно взял на себя обязанность наполнить котлы. Я пылала от возмущения, АС издевался: «Бедняга, решила утолить жажду и захлебнулась!». Однако чай, заваренный в котле, в котором нашла свою гибель норушка, вся группа нашла восхитительным. А я-то знала, что «виной всему» ягоды черники, брошенные Сашкой.

Надо сказать, в походе каждый открыл для себя пару секретов «туристской кухни»; например, что рис можно сдобрить рыбными консервами, а манную кашу — шоколадом, что из крошек, оставшихся от печенья, получается изумительный торт, стоит только добавить туда сгущёнку. Жанна подрядилась в грибники. А поскольку в лицо она видела лишь шампиньоны, то вернулась из леса с гордым видом и целой охапкой поганок, которые мы, к счастью, вовремя разглядели. Зато к концу похода Жанна приготовила такую «жарёху», что удостоилась всяческих похвал. Воздержалась одна Наташа, обучавшая её грибной премудрости, так как сама на дух не переносит грибы.

ПОДВИГ 9 ОБНОС

Если у читателей создалось впечатление, что на протяжении всего похода мы не вылезали из озёр, поспешу его развеять. Иногда всё-таки вылезали. Правда, с тем, чтобы войти в очередное. Неудивительно, что столь редкие промежулки были самыми отрад-

ными за весь день. Изредка попадали перекасты и разрушенные плотины (это уже было верхом мечтаний!). Тогда мы ненадолго отвлекались от изматывающей гребли, забывали о жадно сосущих нашу кровь насекомых и чувствовали себя туристами-водниками, а не жертвами, отданными на растерзание дикой природе севера. В один из тех счастливых дней, когда мы вновь ощутили силу течения, наш путь перекрыла... гряда камней. «Обнос», — спокойно сказал АС, однако я уловила в его голосе тревожные нотки. Ещё бы! Вся тяжесть такого решения в прямом смысле слова ложилась на плечи единственных в группе мужчин. Обносить было решено по левому берегу. Девчонки перенесли рюкзаки и вёсла, груз АСа и Сани был куда тяжелее: сперва один, потом другой катамаран были спущены на воду. Наградой за тяжкий труд послужил перекус, которому мы и отдали должное.

ПОДВИГ 10 В ПОИСКАХ ВЫХОДА

По какому озеру мы тогда шли, уже не припомню (сбилась со счёта). Помню только, что шли долго. День клонился к вечеру, и мы опять не поспевали за «четвёркой»: давали знать о себе мозоли. АС изучал карту, Саня не выпускал из рук компас.

- Выход должен быть там.
- Должен, но не обязан, — мудро заметил АС.
- Скажите, а на карте был рыбак?

Наконец АС принял решение, и мы с грустью констатировали, что на этот раз народная мудрость о том, что «утро вечера мудренее», его не остановит.

- Уже недалеко, — подбадривал АС.
- Сколько? — с надеждой спрашивали девчонки.

Порог Охта.

Порог Кивиристи (Каменный крест).

— Видите ту чёрную точку...

Каждый утешал себя как мог. Саня грезил о накачанных бицепсах, я — о том, что уже не придётся садиться на диету... На берег мы выползли на коленях, не потому, что возносили хвалу Всевышнему, а потому, что ноги было не разогнуть...

...Утром выяснилось, что пришли не туда. АС предложил назвать место ночлега «Пристанищем заблудших душ». Согревала единственная мысль, что всё когда-нибудь да кончается. И озёра тоже. АС обещал, что это произойдёт уже скоро. На перекус встали на «Острове Добрых духов», музее туристического творчества. Встали и... начисто забыли о еде. Поделки всех мастей и фасонов манили к себе. Чего стоит гитара в форме обнажённой женщины, сундук на цепи (эх, сюда бы ещё коту учёного!), компьютер из дерева («мышка» и вилка со штепселем прилагаются), избушка на курьих ножках и десятки других материализованных всплесков вдохновения. На прощание мы раскрутили «барабан» с предсказаниями (прямо как в «Поле чудес»). Стрелка остановилась на... «дожде», чему мы даже не удивились.

ПОДВИГ 11 ПОРОГ

Пороги бывают разные: простые (II категория сложности) и опасные (V и VI категории). Звучные («Горизонт», «Буревестник») и смешные («Петрушка», «Поп с гармошкой», «Не зевай, Миша!»), с водопадами и без. На нашем марш-

руте их было... около сорока! Однако в памяти остался один — «Кивиристи». Это имя мы твердили как заклинание. Кивиристи — «каменный крест». Кивиристи — пятая категория сложности. Кивиристи — трёхступенчатый порог водопадного типа. Кивиристи — мощный и прекрасный... Только там пронзительное «спасибо, что была с нами, прости, что не сберегли» соседствует с кошунственным «мы покорили порог девять раз». Только там захватывает дух и начинает бешено колотиться сердце, а в голове почему-то вертится «сейчас или никогда!» Мы шли к нему долго и трудно и были вознаграждены. С мольбой я смотрела на АСа, сейчас он скажет: «Обнос», разбив мечту вдребезги. Но АС сам был не прочь вступить в бой. «Четвёрка» — первая. Мы — на страховке. Самая сложная вторая ступень — трёхметровый слив, почти водопад. Рука судорожно сжимает выброску. Вот она, «четвёрка»! Точный заход, стремительный спуск, крик восторга — зачалились! Мы — следующие. «Сейчас или никогда». Предусмотрительно разгруженная «двойка» повинуетя малейшему движению. Мы приближаемся. Взволнованное лицо АСа, кто-то из девчонок с фотоаппаратом. Вспышка, прыжок, на секунду всё теряется из виду, катамаран погружается в пенный котёл и выстреливает из него... Вижу спешащего к нам АСа, счастливо-растерянное лицо Сашки и понимаю: прошли. Все до предела возбуждены, эмоции плещутся через край, чувствую, ещё немного, и

мы захлебнёмся. «Быстро, за рюкзаками», — командует АС, но мы его не слышим, а только твердим, как заклинание: «Кивиристи»...

ПОДВИГ 12 РАЗБОР КАТАМАРАНОВ

А как хорошо начиналось! Солнце, попутный ветер, несущий катамаран в сторону дома, вернее, Подужемской ГЭС, месту последней стоянки. Катамараны были разобраны в считанные минуты. Баллоны сохли на верёвке, там же сушились вещи и Наташкины носки (три пары). Пригревшись в солнечных лучах, мы потеряли бдительность. А враг не дремал. Передышка была временной. Не успели опомниться, как дождь зарядил с удвоенной силой. Баллоны собрали в своих складках даже не лужи, а озёра. Наташа выжимала носки (три пары), я — «гидру». Стало ясно, что лимит удачи мы на сегодня уже исчерпали. Как пришли сюда мокрыми, мокрыми и уйдём. Мечте АСа («хочу, чтобы мне на спину не капало») не суждено было сбыться. К автобусной остановке шли, неся вместе с баллонами еще литра три воды. Думаете, унывали? А вот и нет! Шлёпали по лужам и напевали нашу излюбленную песенку: «Неприятность эту мы переживём!».

Их было шестеро. Нет, нет! Их и сейчас шестеро, совершивших 12 ратных подвигов на севере нашей страны, в суровом краю озёр и болот. Мы покинули тебя, Карелия, с тем, чтобы вернуться снова. Чтобы почувствовать бешеный стук сердца, ощутить на губах вкус твоей воды и повторить, как заклинание: «Кивиристи».

P.S. Несколько слов о судьбе Наташкиных носков: они всё-таки высохли! В поезде на третьей полке.

ПОДВИГ «ВЕ»

Карелия расположена на северо-западе европейской части Российской Федерации и составляет отдельную административную единицу — Республику Карелию. На востоке омывается Белым морем, на юге — Ладожским и Онежским озёрами. На западе граничит с Финляндией. На территории 172, 4 тыс. кв. км. проживает 746 тыс.

человек (по большей части русские). Столица республики — город Петрозаводск.

Карелия — край озёр (всего — около 40 тыс.), которые составляют 18 процентов территории, такую же площадь занимают болота.

Природные условия, ландшафты и исторические памятники обусловили популярность Карелии как одного из крупных центров туризма. Мировую известность имеет архитектурный ансамбль на острове Кижы, Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам, церковь Св. Николая Чудотворца на острове Троица, построенная в 1602 году, и музей туристического творчества на острове Воронье.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Река Охта (древнее название, означающее «Путеводная река») — третий по величине приток реки Кемь. Исток Охты — река Козледеги, впадающая в Кевятозеро. До 1966 года по реке проходил лесослав. В верховьях преобладают мелководные перекаты, а, начиная с порога Ойнегайне, река прорезает коренные породы, образуя мощные пороги: Хемег, Кивиристи, Печко-порог, Тютюрин, Охта. Всего на реке 46 порогов и шивер.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТУРИСТА-ВОДНИКА

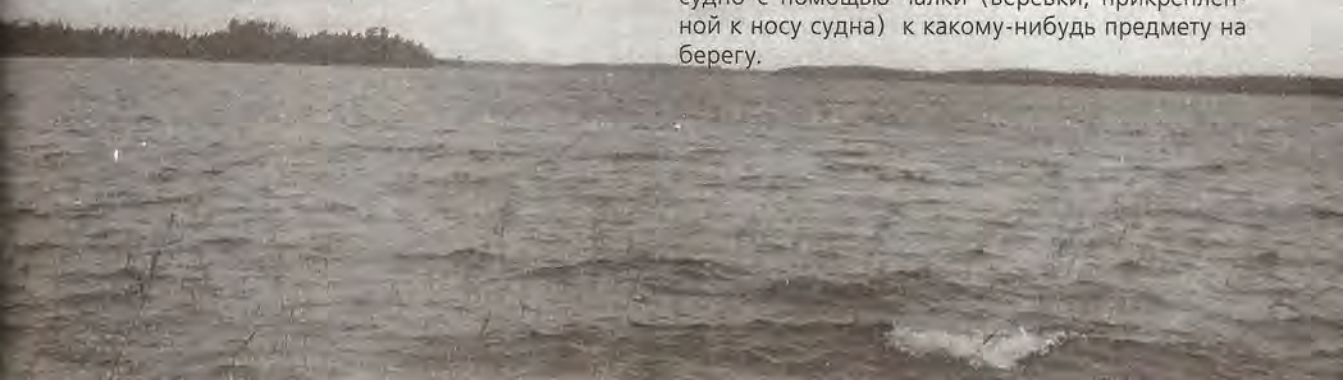
Порог — препятствие на реке, состоящее из одного или нескольких камней, сопровождаемое перепадом уровня воды. Вода, обтекая камни, создает косые валы — по бокам от препятствия и «бочки» — пенистые участки непосредственно за камнем, где вода.

Слив — ярко выраженная струя воды между двумя камнями.

Катамаран — судно с двумя соединенными сверху корпусами.

Спасательный конец (выброска, «выкидыш», «морковка») — кусок веревки или тесьмы длиной около 30 метров, упакованный в мешок с карабином и пенкой для придания плавучести. Используется для спасательных работ или для просушивания мокрой одежды спасенных с его помощью.

Зачалиться — пристать к берегу и привязать судно с помощью чалки (веревки, прикрепленной к носу судна) к какому-нибудь предмету на берегу.

Олег Лузянинов — давний автор и друг журнала. В «Уральском следопыте» печатались его очерки: «Поклонись печной трубе», «Прощай, колокол!», «Шагнув из портретной рамы» и другие. Живет в Нижнем Тагиле.

Дети войны

Когда началась Великая Отечественная, мы жили в старательском поселке Кытлым Карпинского района и в первые дни не очень понимали, что такое война и доберется ли она до нас. Двумя годами раньше случилась «Финская кампания», так в магазинах враз исчезли многие продукты, а в очередь за хлебом поднимал нас папа в шесть утра. Стояли два, три часа на трескучем морозе, чтобы получить в одни руки по буханке серенького хлебца. Из продажи исчезли спички, так папа наловчился толстые спички фабрики «Белка» разделять бритвой надвое. Иногда получался брак — селитра отлетала с обеих половин.

Но та «кампания» как-то незаметно кончилась, и в наших детских «головёшках» застряло лишь броское словосочетание, слышанное по радио — «Линия Маннергейма», о которую споткнулась Красная Армия и потеряла много людей.

А Отечественная война добралась и до Кытлыма — центра добычи в стране платины, платиноидов, без которых немислимо самолестроение и приборостроение. Драги работали на электрической тяге, а электростанция местного значения работала на дровах: в топках горели дрова, в котлах вырабатывался пар, он под давлением подавался на паровую турбину — вот вам и электрический ток.

В первые же недели забрали в армию и на фронт самых молодых призывников. Слово «забрали» еще не вышло тогда из употребления, с тех пор, как в 1937—39 годах по ночам забирали тех, на кого было подозрительное «досье», или тех, кто просто был жертвой тоталитарного стукачества, иногда платного сексотного промысла.

На фронт сразу же угнали всех лучших лошадей, грузовые машины (легковых тогда еще не было), а взамен прислали чудовища инженерной мысли — газогенераторные грузовики, которые работали на березовой чурочке, сжигаемой в бункерах медленно, при малой подаче воздуха. Этот газ и приводил в движение авто, как нынче это делает бензин, газ, солярка.

Остались в Кытлыме старики, дети, большинство женщин и «бронированные» специалисты.

В 1941 году (я учился тогда в седьмом классе) летом нас отправили на покос — это на границе

домой. В школе основательно ввели военное дело: Левитан скорой победы не обещал. Копали на школьном пустыре окопы, ползали по-пластунски, поудобней устраивались на бруствере с тяжелой винтовкой «капитана Мосина», целились в призрачного врага, учились ненавидеть его, разбирали и собирали затвор винтовки, метали учебную гранату в го-

Пермской области. Место называлось «Кырвинский камень». Кто не имел подходящей рабочей обуви, тем выдавали лапти. Детских размеров не было, пришлось наматывать толстые портянки. Спали в шалашах под многоголосье комариного писка. Питались кашами да макаронами из общего котла, но строго по норме. На десерт ягоды, выпас свободный.

По первому снежку 1942 года в школе на несколько дней отменили занятия старшеклассников, и они вместе с учителями шли в лес под Черный бугор помогать заготавливать дрова для школы, детсада и других учреждений. Война не терпела проявлений иждивенчества.

А зимой ездили с концертной бригадой в поселок Серебрянку, где жили раскулаченные выходцы с юга России да выселенные в 1939 году из Польши не очень надежные граждане интеллигентского толка — угодили на лесоповал вместе с нашими «кулаками»! Ездили мы с концертами и в старательскую Сосновку, где до революции промышленял мой дед Василий Сидорович Абатуров и где родилась в 1908 году моя мама — Елена.

Летом 1943 года нас, восьмиклассников, послали в колхоз — в село Банное около Красноуфимска. Строили какой-то сарай. Голодали страшно, а взять хоть что-то с колхозного поля — ни-ни! Трибунал. Так, иногда ухватишь метелочку овса, пожужьешь... Помню, сидел одиноко на берегу мелководной речушки с заиленным дном и, тихонько повизгивая, плакал под аккомпанемент лягушачьего кваканья. Подошли братья Жильцовы — Витя и Юра, спросили, на какую тему реву.

— Есть охота.

Они говорят, вот сейчас достанем со дна двухстворчатых ракушек, разведем из сухих веточек костерок, испечем их и... Так и сделали. Попробовал я это кушанье без соли — эка пакость!

По осени нас вернули

лову того же подлого фашиста. И все это было тяжёлым делом.

Летом 1944 года послали меня, девятиклассника, на военные сборы в районный поселок Ис. Жили в школе, обустроенной на казарменный манер, спали на мешках, набитых сеном. Весу во мне было тогда на шестнадцать килограммов меньше, чем полагалось по росту. Командир взвода, одноглазый мужик, пожалел меня и предложил вместо строевой подготовки выпускать «Боевой листок».

Когда заканчивался срок сборов, ко мне из Кытлыма приехала на том «газогенераторном самоваре» сестра Тамара. От Старой Ляли добиралась до Иса «кукушечкой», то есть по узкоколейке в каких-то игрушечных вагончиках и с таким же паровозиком. Случалось, если паровозик свихнется с рельсы, ляжет на бочок, так пассажиры поднимут его жердями — вагами, поставят «на ноги» — и понужай дальше! О, времена, о чудеса техники!

Тамара звала меня — Лёлочка.

— Лёлочка, а нам в профкоме прииска дали две путевки в пионерлагерь! Айда в деревню Осокино, это тут недалеко, версты полторы будет.

Долго ли ополченцу преобразиться в пионеры — только подпоясаться! Наконец-то наемся каши до потери пульса... Точнее, до его восстановления...

Приближался учебный год в Кытлымской школе. Грозилась зима лютая. Перед новым годом к

гда. И слово «хорошие» брал в кавычки. А вот нынче... Давайте обойдемся без кавычек. Граждане хорошие! Да, именно так. Так даже лучше, чем товарищи. Тема сегодняшнего урока... Впрочем... В последнее время я все чаще думаю, как ни странно, не о своем предмете, а о гражданском порыве, о подвиге. Почему рождаются все чаще и чаще герои на фронте, в тылу? Ведь это же не вдруг, не на ровном месте бугорок, граждане хорошие. Гражданин начинается исподволь, негромко, с малого благородного самоотречения, с малого самопожертвования — в этом азбука, ведущая к подвигу в себе. По этой

нам прислали на «довыздоровление» после госпиталя учителя физики и математики — Ковалева Романа Петровича. Высок ростом, очки с толстыми стеклами, соколиный взгляд. Кадык острый, при разговоре ходит «туда-сюда». Рядовой. Валенки очень толсто подшиты, видно, про запас. Шагает тяжело, еле переставляя ноги. Видать, не в валенках дело...

Однажды после уроков мы делали из бумаги и картона елочные игрушки. В класс зашла техничка с ведром и шваброй. Сказала, что наш учитель физики «уж вовсе ног не таскат. Штаны-то на ём как на вешале болтаются. Кабы совсем не залег. Ох, доконает его голодуха».

Ушла. Мы затихли, притаились. Кто-то пробовал запеть. Фигушки. Не пошла песня. Кое-как вырулили на разговор — как помочь Роману Петровичу. Упирались, увиливали, за свою шкуру радели. И все-таки решили отдать свои каждодневные школьные кусочки с ложкой сахарного песку учителю — целую буханку ржанины и полтора стакана сахара! Договорились с завхозом, чтобы нам выдали это богатство за неделю вперед, кучкой...

Через три дня он пришел на урок. Поздоровался:

— Здравствуй-те, товарищи.

Я со своей заячьей храбростью ему:

— А Вы всегда говорили нам — «граждане хорошие!»

— Так то ж все-

внеклассной дисциплине у вас хорошие оценки!

Роман Петрович почти до самого звонка говорил о страданиях людей и целых народов, восставших против фашизма. Из его математически точных фраз рождалась гениальная чеховская романтическая формула равновесия: страдания ныне живущих и уже умерших за благое дело должны перейти в радость грядущих поколений.

Слышала бы директор школы Мария Александровна, на что тратит урочное время Ковалев, когда в журнале нет ни одной дохленькой пятерки ни по физике, ни по математике.

Роман Петрович с того дня стал самым любимым учителем.

После войны Роман Петрович уехал в свой разбомбленный город Богучар на Украине, где и умер в 1964 году.

Коллективный портрет кытлымских детей ми-

нувшего времени не так уж одинаково хорош, не так безупречен. Самыми крепкими оказались дети раскулаченных родителей, которых свезли сюда по первому обильному снегу и бросили на выживание. Но они выкопали ямы, накрыли их бревнами срубленных деревьев — вот вам и землянка с печкой-буржуйкой, взятой взаймы у старателей. Потом поставили стандартные домишки-полубараки, раскорчевали на вырубках землю под огороды, обзавелись скотинкой — и выжили. Дети работали наравне с родителями.

Об этой категории граждан есть в архиве области интересный документ от 8 марта 1931 года — это докладная записка комендантского отдела Уральской области — «О расселении и использовании ссыльных кулаков в области»: «На эти дни в области числилось спецссыльных семей — 31851, численностью в 134421 человек. Взрослых — 85930, детей до 16 лет — 48491. В основном они размещались в северных районах области и строили себе жилища по типу «Зырянская изба» в поселках на 80—100 дворов. Каждый спецпереселенец получил жилья по 0,91 квадратного метра». (Это же меньше, чем на кладбище!)

У нетрудоспособного контингента нет одежды, обуви. При работе в лесу одежда подвергается быстрому износу, замена же ее не производится, и она не восстанавливается и не ремонтируется вследствие отсутствия починочного материала, главным образом ниток. Дети, как правило, обуты в лапти собственного производства. Особенно страдают новорожденные и грудные дети. Они укутываются в ремки, почти не подвергающиеся мытью за отсутствием мыла и находятся в весьма низкой температуре сырых изб».

Конечно же, не все мои кылымские одногодки были положительными персонажами. Случались и криминальные эпизоды с участием детей в безвыходных ситуациях.

В семье С. отец ушел на фронт. Осталось четверо детей и вот-вот должен родиться пятый. Работы нет, надежда только на хлебные и продовольственные карточки, которые тоже «заедены на пять дён вперед». Мать, ее старший сын-подросток и его приятель решили ограбить детский сад. Пришлось убить ночную сторожиху-прачку Любу. Взяли бочку растительного масла, мешок сахара, крупу, муку и патефон с пластинками. На пластинке — фокстрот «Брызги шампанского» — получился прокол, и компанию вычислили.

Женщину, как многодетную и кормящую, перевели в свидетели и освободили от уголовного наказания.

Осенью, когда поспели кедровые шишки, она с восьмилетним сынишкой пошла «шишкарить». Залезла на высоченный кедр, сбила удилицем шишки, но не удержалась и упала на камни, разбившись насмерть. Четверых детей раскидали по разным детдомам...

Я узнаю вас, драгоценные мои старики-ровесники, достойные большего уважения, почтения и лучшего материального достатка. Но увы! Я вижу вас стоящими в трамвае, автобусе, где ваше место занял балбес, потягивающий «продвинутое пиво» из горла. Я вижу вас каждый день в погоне за провиантом, где он на полтинник дешевле, я сижу рядом с вами в поликлинике, где облегчат ваш «туго набитый кошелек» посредством рецептов, инъекций, платных услуг и процедур.

У вас часто спрашивают мандат на право бесплатного проезда, а у вас его с собой нет, а может быть, его нет вообще, потому что нет возможности оформить эту нищенскую льготу: свидетели померли, архив сгорел или провалился в преисподнюю. А ведь тут достаточно бы дать право на привилегию просто по возрасту, обозначенному в паспорте, или просто по виду вашего беспомощного физического состояния.

Фотографии предоставлены автором.

«Рад буду похлопотать»

Декабрист М.А.Фонвизин, защитник туринцев

«Вам сообщу»

Ссылный декабрист Михаил Александрович Фонвизин никогда не жил в Туринске. Но туринцы с полным правом могли бы назвать его своим, поскольку он сделал для них, возможно, не меньше, чем вся туринская колония дворянских революционеров в первой половине XIX века. Фонвизин был прославленным кутузовским генералом, обладал многими воинскими наградами за подвиги в войне с Наполеоном и даже в опале имел огромный авторитет и влияние. Зачастую решение житейских просьб, жалоб жителей Туринска зависело от губернских властей Тобольска, и тогда туринцы обращались за содействием к Михаилу Александровичу, отбывавшему ссылку в Тобольске в 1838—1853 годах.

Обычно в роли ходатая от лица нуждающихся выступал туринский ссылный декабрист, друг Пушкина Иван Иванович Пущин. Получив очередную просьбу, Фонвизин выполнял ее, используя свои связи, действуя через тобольского гражданского губернатора Ивана Дмитриевича Талызина, с которым был дружен, и привлекая своих тобольских союзников — «героев 14 декабря». Письма пересылались из Туринска в губернский город и обратно с нарочным или с оказией. Доставкой их занимались: тобольская знакомая декабристов, жившая одно время в Туринске, Ольга Васильевна Андронникова, помогал ей сын Василий; туринский окружной стряпчий (законник, наблюдающий за правильным ходом дел) Яков Васильевич Бахметев; советник тобольского губернского правления Дмитрий Иванович Францев; туринский стряпчий Василий Михайлович Любимов; ссылные поляки, возвращавшиеся на родину после отбытия наказания; туринская повивальная бабка Матрена Григорьевна Силина; туринская барыня Текутьева и другие. Судя по переписке, Михаил Александрович охотно помогал всем.

Фонвизин — Пущину из Тобольска в Туринск, 25 марта 1841 г.: «Дело г. Панаева кончено по желанию его». Туринский художник Василий Панаев просился на должность учителя рисования в Туринское уездное училище. В ноябре того же года по просьбе Пущина

тобольский изгнанник хлопочет о назначении жалования Панаеву, просит Степана Михайловича Семенова, советника тобольского губернского правления, ссылного декабриста, бывшего туринского поселенца, «узнать о жалованье Панаева». В письме Пущину от 22 апреля 1841 г. Михаил Александрович подробно объясняет, почему туринские педагоги Александр Иванович Сатыгин и Николай Яковлевич Сутормин своевременно не получили денежное награждение. Выяснить причину просил Пущин. Оказывается, директор тобольских училищ по настоянию губернатора поспешил подать общее февральское представление о награждении преподавателей и не включил туда обоих туринцев. Представление уже у губернатора, теперь поздно что-либо исправить, «новое будет не прежде будущего февраля, когда и награды могут выйти». В итоге награды были получены претендующими.

М.А.Фонвизин.

Кстати сказать, не без поддержки Фонвизина Сатыгин был восстановлен, как потомок остяцких князей, в княжеском звании, занял в Тобольске место смотрителя уездного училища и сумел продвинуть свой литературный перевод на остяцкий язык, о чем подробно информировал Пущина: было подано две рукописи перевода — Сатыгина и березовского священника. «Обе губернатор отправил на рассмотрение остяцких ученых. Северные академики отдали преимущество рукописи господина Сатыгина, найдя ее более удовлетворительною. Рукопись передана архиерею. Об участии княжеской рукописи, и что от него услышу, то вам сообщу».

Поступил тревожный сигнал: Пелымский край (в ту пору входивший в Туринский округ) терпит притеснения от тамошнего судебного заседателя А.В.Калинина, а туринские священники совершают безнравственные поступки. Узнав подробности от Пущина, отставной генерал-майор докладывает губернатору Тобольска, тот посылает Д.И.Францева с инспекторской проверкой в Пелым. Посланный по возвращении представляет отчет губернатору о беззакониях Калинина. «И он, конечно, будет уничтожен» (то есть наказан) — делает вывод Фонвизин и продолжает в письме Пущину: «О нравственных (очевидно, безнравственных. — Авт.) поступ-

ках (двух) туринских попов я рассказал (тобольскому) архиерею, не говоря, от кого узнал соблазнительную историю. Он пришел в ярость, особенно на попа Ивана, и хотел обоих истребить». Владыка Афанасий, которому Фонвизин все поведал, подтвердил: попа Ивана «непременно уберут из Туринска».

«Дело решено по желанию»

Помощь в сдаче рекрута-наемщика вместо одного из сыновей туринского купца Кудашева и радость Кудашевых со слезами на глазах после благоприятного для них исхода дела обычно ставят в заслугу Пущину. Между тем, именно Фонвизин, к которому обратился Пущин, устроил сдачу наемщика, избавив купца от противозаконных издержек и затруднений. Он же помог туринскому жителю Федору Пестову, отцу семейства, освободиться от сдачи в рекруты, поскольку последний — единственный кормилец жены и детей и его уход в армию оставил бы близких без средств к существованию. При этом Фонвизин рисковал. Сопроводительное письмо Пущина Пестов вез с собой, в Тобольске туринца обыскали жандармы, письмо отобрал жандармский офицер и передал Фонвизину нераспечатанным. Кабы распечатал и прочел, у тобольского поселенца могли быть неприятности. Да и, по мнению бывшего туринского поселенца, декабриста С.М. Семенова, с точки зрения этики закона освобождение Пестова от рекрутчины выглядит все же не совсем пристойно, и новый рекрут, вынужденный идти на службу военную вместо Пестова, не скажет за это спасибо.

Михаил Александрович добился перевода туринской повивальной бабки Матрены Силовой по ее желанию в Тюмень, где для нее открывалось больше практики. Подсказал Буданцеву, туринскому кантонисту (солдатскому сыну, числившемуся со дня рождения за военным ведомством), как уволиться из кантонистов, какие нужны дополнительные сведения из Туринска, каков порядок увольнения. При этом обнадежил: Буданцева непременно уволят, на сей счет вышел новый закон. Содействовал в устройстве на службу Ивана Черкасова, сына туринского исправника Гаврилы Львовича Черкасова.

Горячее участие принял в удовлетворении просьбы госпожи Померанцевой, жены туринского бухгалтера, о переводе ее сына из губернского суда в туринскую ратушу. 9 июня 1842 г. информирует О.В. Андронникову, для передачи «бухгалтерше», что «дело давно бы было исполнено, но молодой человек, вкусив приятности шумной губернской жизни, не хочет променять их на однообразную тишину уездной, и объявил, что перевод... повредит его служебному карьеру. Если бы не это препятствие, то он давно бы переведен был на службу в Туринск, только не в ратушу, где не полагается писцов, а есть только один секретарь». Консультируется с Василием Яковлевичем Стефановским, чиновником тобольского губернского правления. Последний просит узнать о свойствах матери, «и если она порядочная женщина и просит о переводе к ней сына единственно с желанием удержать его от пороков, то можно будет его пере-

сти, не спрашивая его согласия. По собранным сведениям, молодой человек точно погуливает: общество, в котором он живет, не отличается нравственностью, (молодой человек) очень любит тенериф — напиток, употребляемый канцелярскими, которые еще не унизились до посещения питейных домов (письмо Пущину — от 16 июня 1842 г.). В итоге дело было решено по желанию матери.

«Научите бедного поляка»

Туринские политические узники также пользовались поддержкой влиятельного тобольского поселенца. Последний добился для Пущина поездки из Туринска в Тобольск для лечения. «Генерал-губернатор изъявил желание на то, чтобы вы, любезный друг Иван Иванович, приехали в Тобольск для лечения». Далее совет, куда и как обратиться, какие сведения для этого иметь. (Фонвизин — Пущину. Письмо от 17 июня 1840 г.). Беспокоится насчет обустройства туринского политпоселенца Соколова. «Когда Соколов вьется сюда (в Тобольск), то я рад буду за него похлопотать и надеюсь иметь успех, потому что верховный распорядитель политических судеб П.Ф. Попов, глава приказа ссыльных, со мною в отношениях хороших и, вероятно, уважит мою просьбу» (Фонвизин - Пущину, 22 декабря 1839 г.)

Приходит на выручку Никодиму Павловичу Баландовичу, выпускнику Виленской медико-хирургической академии, пельымскому лекарю. В связи с созданием в Вильне особой комиссии для расследования фактов революционного движения польских студентов у Баландовича, как участника тех волнений, по предписанию из Петербурга отобрали бумаги. Тем бы все и кончилось, но лекарь при следователях похвастал, что если бы и были какие бумаги (касательно революционного движения польских студентов), то их не отыщут. Жандармский офицер донес об этом, после чего губернатор уже не мог замять дело. Фонвизин — Пущину, 25 февраля 1841 г.: «Баландовичу надобно приготовить к вопросам и в ответах своих дать какой-нибудь оборот сказанной им глупости. Губернатор сам жалеет об нем и говорит, что если бы не было тут голубого (жандармского) мундира, то он не дал бы хода извету и уничтожил бы его сам... научите бедного поляка, что ему ответить, если его спросят. За бумаги же ему бояться нечего — сам губернатор пересматривает их и слишком добр и умен, чтобы сделать кому-либо вред».

До конца дней своих участник трех войн — 1805 г. (Аустерлиц), 1809-1810 гг. (со Швецией), 1812-1815 гг. (с Францией), кавалер орденов Владимира 4 степени с бантом, Анны 2 степени с алмазными знаками, прусского ордена За заслуги и Кульмского креста не расставался с расписными шкатулками, заказанными для него Пущиным у туринских художников, — этим благодарным приношением провинциального города на реке Туре. И когда освобожденный от наказания тобольский изгнанник в 1854 г. нашел последний приют в усыпальнице у Бронницкого городского собора, туринские шкатулки нашли в его комнате родового имени подмосковного Марьина.

Назаревская Лариса Кирилловна.

Родилась в г. Сухой Лог Свердловской области 4 августа 1947 года. В 1973 году окончила Ленинградский государственный университет. По образованию — историк.

Поэтесса выступает в различных читательских аудиториях, учащих школ, среди ветеранов, творческой интеллигенции. Такие встречи прошли в г.г. Харькове, Москве, Екатеринбурге, Березовске, Каменск-Уральском и др. Писать начала в декабре 1993 года.

С 2001 года Л. Назаревская живет в г. Москве, преподает историю в физико-математическом лицее.

* * *

Ты пробудил во мне стремление жить,
Строкою обозначив счастья радость...
Не так ли солнце снегопадов святость
Стирает, чтобы землю воскресить.

Метель и ночь мной пальцы жгут тебе,
Бессонницы компьютера блаженны,
Ямбические клятвы совершенны,
Поют любовь, поют моей судьбе.

Они, как родниковая вода,
От жажды и беспамятства спасают
И вздохом электронным удивляют,
И утверждают в слове навсегда.

Я не спешу отвергнуть строк любовь,
Смирить ее, и верю притязаньям
Адамовых очей и грез желаньям.
Хочу любви! Мне жжет тобою кровь.

Художник

Восторги глаз художника — лучи,
Скользкие по граням мирозданья,
Прозренья сердца, тайнопись свечи,
И разума, и чувства сочетанья.

Чем взор пытливей — тем мазок точней
И строже негативы впечатлений,
И штрих к штриху упорнейших ночей
На холст ложится оттиском мгновений.

Теперь не краски — звездность глубины,
И проявление исчезнувшего мира,
То гром небесный, то полет волны,
И сечь, и плаха, и триумфы пира.

И жреческих немногословность уст,
Попранье смерти златоглавой кистью,
Крыло и камень изреченных чувств,
Овеянных и радостью, и грустью.

И пронизательность слепит зрачка,
Пронзает зримой мыслью бесконечность,
Теперь и кисть подобие смычка,
Что вслушиваться не устанет в вечность.

* * *

Замри, душа! К березке прислонясь,
Я вижу, как в полнеба занялась
Прощальная заря, в луче багровом.
Преобразился мир дыханьем новым.

С листа перебегая на листы,
Светлели тени трепетны, чисты;
Из края в край пространство затихало,
И лес, и поле в алость пеленало.

И, вспыхивая, меркла высота,
И солнце тяжелело, красота
Небес прозрачных тлела в кронах,
Земля в росистых остывала звонах.

Вдруг лунный засветился водоем,
И звезды потекли со всех сторон,
Мир насыщая родниковым светом,
Чтоб вспыхнул день божественным рассветом.

* * *

Еще январь... Но что за наважденье
Сегодня на меня весны нашло?
Ее так ощутимо зарожденье
В душе моей, и небеса светло

Проникновенным чувством отвечают
Глазам, безбрежности манящим свет,
Восторгом до краев переполняют,
Что в сердце занимается рассвет,

Пронизывая нежности свеченьем,
Пространства обнимающее даль,
Необычайной радости движеньем
Преображая и снегов эмаль,

В журчащее алмазов совершенство,
И в драгоценные свирели птиц,
И в удивленье тайного блаженства:
Читать весну в иконописи лиц.

В одиночку по заповедным местам

(записки начинающего туриста)

По окончании летней биологической практики в Челябинской области, которую мне довелось проходить на территории Ильменского государственного заповедника, я решил отправиться не домой, а в находящийся в 1,5 часа езды от города Миасса хребет Большой Таганай.

Мои коллеги по практике неоднозначно отнеслись к моей одиночной затее, и те из них, кто был поосторожней, совсем от меня отстранились, так как если бы что со мной случилось, то они тут вроде как и ни причем. Уехал неизвестно куда, а мы ничего не знаем.

И вот в последний день моей полевой практики я не спеша собирал вещи, напоследок искупался в озере Большое Миассово, и вместе с остальными сотрудниками мы пошли в Миасс через Ильменский хребет. Спустя 2 часа мы сели в городской троллейбус и доехали до автовокзала. В Миассе автовокзал и железнодорожный вокзал находятся рядом, поэтому мне тут же удалось купить билет на ближайшую электричку до города Златоуста.

Ну вот, наконец я еду один в электричке. Солнечный летний день поднимал настроение. Электричка сильно петляла среди невысоких горных хребтов, и солнце заглядывало то в левые, то в правые окна вагона. Выхожу в Златоусте и сажусь на городской автобус, который за 20 минут меня доведет до окраины города. Выйдя на конечной остановке автобуса, я увидел хребет Большой Таганай. Захожу в лес и вижу символические ворота в национальный парк «Таганай».

Неподалеку за столиком, под деревьями, сидели мужики и что-то праздновали. Я поинтересовался

насчет дороги и сколько по ней идти. Они, конечно, говорили много, постоянно преувеличивая и пугая дикостью здешних мест. В итоге разговора я поделил их слова на три части, две из которых попросту выбросил из головы, так как, кроме страха и сомнения, больше информации в них не содержалось.

Вход в национальный парк в те времена был платный, но, поскольку денег с меня никто не берет, я перешагнул границу национального парка, обозначенного деревянными воротами, и очутился в темнохвойной тайге. Здешний густой еловый лес совсем не походил на находящийся в сорока километрах. Отсюда по прямой лес Ильменского заповедника, который большей частью состоял из сосны, липы, березы с примесью лиственницы и был значительно светлее и проходимее таганайского.

За полчаса дошел до речки Тесьмы, переправился на другой берег. Каменистая тропа начала понемногу уходить в гору. Темные ели, сгустившиеся тучи и 8 часов вечера наводили скучные мысли. Понимая, что надо искать место для стоянки, я начал оглядываться. Присмотрел место для ночлега. Положил на землю коврик и лег, завернувшись в чехол из-под спальника (настоящего спальника у меня тогда не было). Долго пытался уснуть, но так и не получилось. Еще засветло сгустившиеся тучи ночью пролились грозовым дождем. Ни палатки, ни тента у меня не было, поэтому вскоре мне стало сыро.

Нет, это не дело. Собираю все немногочисленные вещи, беру коврик и, отойдя на край поляны, нахожу там раздвоенную от самой земли березу. Между двумя стволами вставил туристический коврик и сел под ним на корточки. Зажигалкой раз-

жег маленький костерок, и сразу стало веселее. Когда таким образом устроился, то начал прислушиваться к ночным шорохам леса. Любой подозрительный шорох вызывал у меня напряжение.

Уже под утро дождь прекратился, и стало холодней. В эти минуты я мечтал о златоустовской бане. Почему именно о златоустовской — не знаю. Наверное, златоустовские бани были ближе всех от меня. А тем временем постепенно начало светать. Я засунул спасший меня от окончательного намокания коврик в рюкзак, а рюкзак спрятал между камнями под корягой и пошел на вершину. Вершина называлась Двуглавая сопка. Это было первое мое восхождение. Я знал, что высота горы составляет 1034 м., и выходит она за пределы границ леса.

Сначала мне пришлось аккуратно перелезть, потом я освоился и стал бод-

ро прыгать по крупным валунам. Стоп!!! Куда это я разбежался? Что я спешу куда-то? Так ногу можно сломать. Ведь камни от ночного дождя еще не просохли. Поскользнуться здесь ничего не стоило. Кто же меня тащить будет в случае такого поворота событий? Пришлось подавить в себе желание быстро двигаться, аккуратнейшим образом я начал облезать каждый камень, неуклонно продвигаясь вверх.

Случайно окинув взглядом долину реки Тесьмы, я почувствовал, что у меня захватило дух. Облака частично покрывали долину, а в просветах между ними просвечивал темно-зеленый пихтово-еловый лес. Верхушки облаков были подсвечены первыми лучами восходящего солнца и их цвет менялся с бледно-белого на голубовато-бирюзовый. Эта картина медленно менялась, так как температура воздуха повышалась, и облака начали подниматься. Взгляд так и прилип к этой картине, но тут мне пришла мысль: а что если я еще выше залезу и не буду смотреть вниз, а потом — раз и взгляну: экстаза от восхищения увиденным будет еще больше.

Продолжая лезть дальше, мне волей-неволей приходилось облезать здоровенные курумники. В противоположной от г. Златоуста стороне показались скалы горы Откликной Гребень. Подобно хребту динозавра возвышались скалы этой вершины. Основание гребня было покрыто лесом. Скорей всего, этот гребень и называли Откликным, так как звук, издаваемый каким-либо субъектом, долго носился над таганайским лесом, отражаясь от его каменной стены.

Прошло еще какое-то время, и, вылезая на очередной курумник, следующего за ним камня я не увидел. Это была вершина Двуглавой сопки. Светило солнце, ветра не было. Я разложил на камне подмоченные ночным дождем вещи для просушки. Облаков осталось мало, все испарились. Обзор стало больше, но без облаков пейзаж немножко проигрывал. На юге виднелся город Златоуст. На западе одиноко торчала гора Ицыл. А на востоке, совсем близко, был Откликной Гребень. Тишина. Кроме изредка доносившихся криков птиц, ничего не было слышно. Волей неволей я задремал: сказывалась бессонная ночь, проведенная у подножия горы.

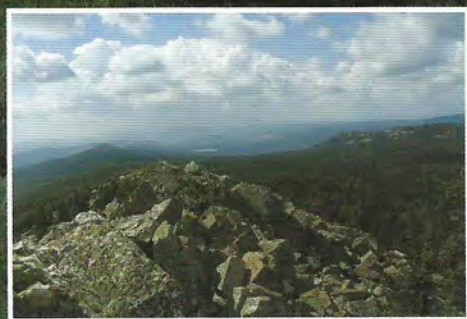

Вдруг звук: «шшух». Я проснулся. Это был внезапный порыв ветра. Как никак, высота была чуть больше 1000 метров. Постепенно мои вещи окончательно высохли. Здесь надо что-то оставить вроде монетки или еще чего-нибудь, чтобы еще раз пришлось побывать в этих местах. Порылся в карманах и нашел монету достоинством в 1 рубль. Этот рубль я оставил на самой вершине горы в щели между камнями, так что край монеты остался виден. Окидывая последним взглядом южно – уральские леса, я мысленно рисовал схему будущего маршрута по этим местам, который я организую в мае следующего года. Да, скорей всего, именно тогда я смогу повести в поход первой категории сложности. Но как я организую такой поход в качестве руководителя? Для этого надо участие в подобном походе и иметь о его прохождении справку. Эту задачу мне предстоит решить в ноябрьские праздники.

Посмотрев на часы, я начал неторопливо спускаться. Вскоре вышел на тропу, по которой

поднимался сюда. Уже наступил вечер. Со стороны Златоуста надвигалась свинцовая туча. Вдруг вспыхнуло несколько молний, грянул гром и спустя пару минут пошел сильный дождь. Из-за отсутствия тента мне пришлось промокнуть еще раз за время моего одиночного похода. Как мог прятал фотоаппарат в полиэтиленовых мешках, которые были кое-где рваные, где-то дырявые. Несмотря на дождь, пленка в фотоаппарате не пострадала, хотя кофр изрядно подмок.

Вышел в Златоуст и, стоя на остановке, твердо решил пройти по этим местам полноценный категорийный туристический маршрут летом следующего года. Всё, разведка местности совершена, теперь можно вести сюда группу.

Фотографии Евгения Савенко, Алексея Курочкина

Женская фигура

Каменное изваяние Богородицы

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

В соответствии темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

При предоставлении информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

Изображение змеи

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон

- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

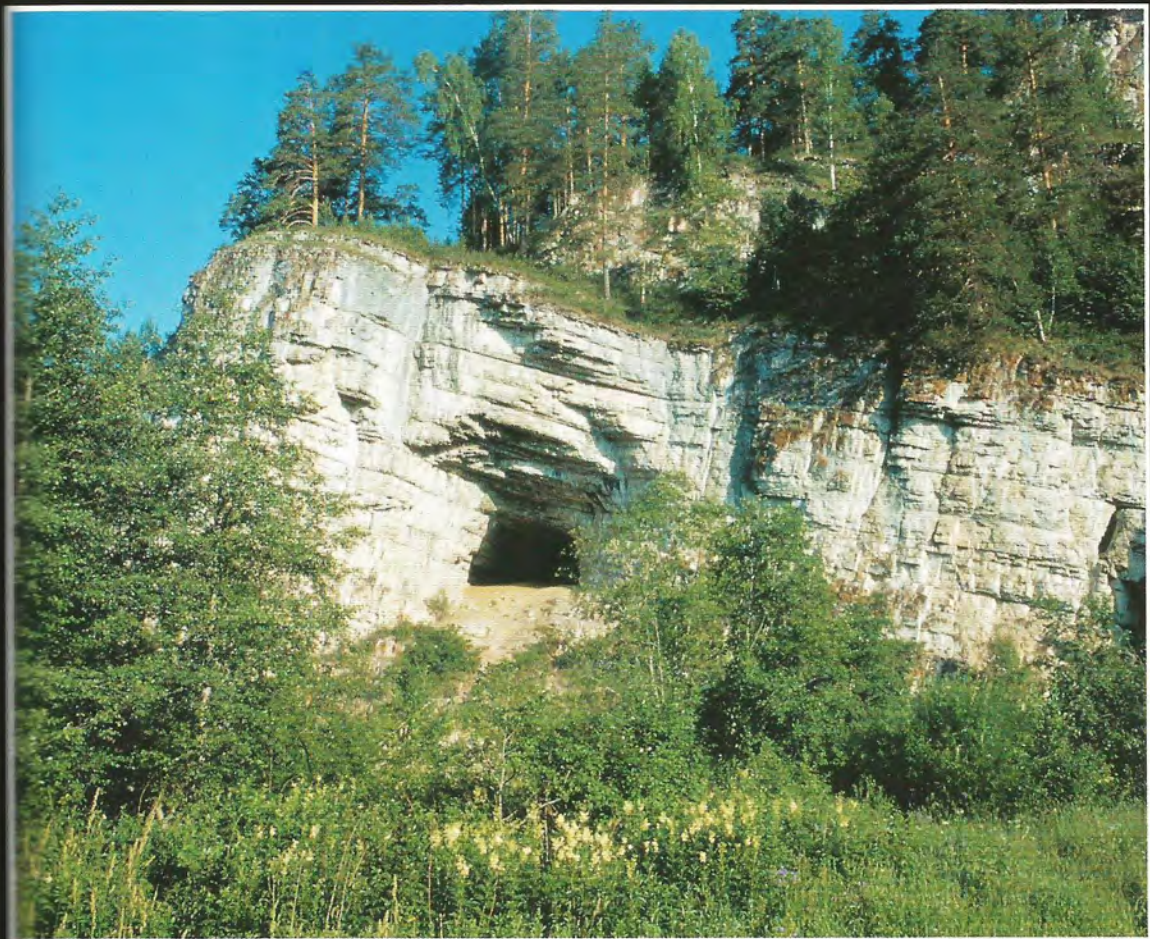
не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

Вход в Игнatieвскую пещеру

Пещерный зал

На западе Челябинской области есть уникальный природный объект – Игнatieвская пещера. Стены этой пещеры сохранили рисунки древних обитателей Урала. Более 10 тыс. лет назад художники каменного века нанесли охрой изображения хорошо знакомых им животных, людей и духов. Каждый рисунок имел глубокий мистический смысл. Для наших предков Игнatieвская пещера была священным местом, где проходил обряд посвящения мальчиков в воины.

Победитель фотоконкурса Сергей Евгеньев

Береста красивая и обиходная

Вы когда-нибудь пробовали хранить молоко в берестяных туюсках? Поверьте мне на слово, лучшего сосуда для этого вы не найдете. Береста - вещь многофункциональная: это и термос, и строительный материал, и дамское украшение, и детская игрушка. Порою кажется, что нет на свете такой вещи, которая не могла бы быть изготовлена из бересты руками умелого мастера

Один такой умелец живет недалеко от Екатеринбурга, в городе Заречном. Его зовут Анатолий Алексеевич Быков. Он давно занимается художественной обработкой бересты, участвовал во многих выставках. Не только земляки уже успели оценить его мастерство: изделия Быкова украшают частные собрания любителей русского искусства в Германии, США, Франции, Финляндии.

Анатолий Алексеевич вспоминает, что его как будто что-то подтолкнуло к бересте. Годами жил как обычный человек: ходил на работу, сидел вечерами возле телевизора, пропадал в саду.

Однажды попробовал смастерить что-нибудь из бересты, и показалось, что вспомнил что-то родное, будто вернулся домой после долгого и далекого

путешествия. С тех пор без бересты он обойтись не может.

С годами у него сложился и собственный стиль. Он никогда не покрывает свои изделия лаком. Очень осторожно относится к украшению берестяных туюсков, конфетниц, шкатулок, считает, что береста красива и сама по себе. Она как женщина, которую только портит переизбыток макияжа. Поэтому и росписи мы не найдем на его изделиях. В украшении своих туюсков тиснением или прорезанием он тоже знает меру. Быков использует только 10-15 чеканов. Это позволяет ему дать волю своей фантазии. Глядя на произведения мастера, никогда не удастся с точностью сказать: его это рисунок на боку туюска, или же это природа потрудились. Настоящее искусство тем и отличается, что из прежних и природных элементов создает что-то новое, доселе невиданное.

человек и природа

РЕКА ВРЕМЕНИ

Подлинный мастер всегда старается найти опору в вековой традиции, и только тогда пытается сказать свое слово в общем хоре миллионов его предшественников. Связь с многовековой историей народного творчества настолько тесна, что порой даже в разных видах искусства можно увидеть некоторые созвучия. Например, украшения нижней и верхней частей туесков отдаленно напоминают аркатурный пояс храмов Владимиро-Суздальской Руси. Это украшение встречается

А.А.Быков.

и в произведениях Быкова. Он часто его использует, в отличие от так называемого «прошивания» берестяной лентой краев туеска.

Он не отдает предпочтение какому-нибудь одному мотиву украшения: растительному или геометрическому. На его изделиях они часто соседствуют. Ведь геометрический орнамент — это лишь схематическое изображение растений, животных и птиц. Мастер признается, что ему очень нравится «чусовской» тип тиснения с его ромбами, полосками и полукруглыми шевронами. Эта же «замаскированная» растительность появляется и в прорезной бересте, которая украшает произведения Быкова. Декор многочисленных шкатулок, входящих в набор дамских туалетов, часто напоминает волшебное кружево. Бес-

покойные линии переплетаются друг с другом в каком-то неистовом танце и затем вдруг разбегаются, как соперники.

Впрочем, великолепный декоративный эффект достигается и без росписи. Возникает ощущение, будто шкатулки мастера сверху донизу покрыты легким узорным покрывалом. Кажется, что где-то здесь проходит та невидимая черта, которая отделяет ремесло от подлинного искусства. Хотя, надо сказать, мы не всегда верно употребляем слово «ремесло», противопоставляя его понятию «искусство». Без навыка не было бы воплощения художественной идеи; мало задумать — надо уметь реализовать замысел. Талант без мастерства — лишь сырьевой материал.

Произведения народного мастера поначалу имели лишь практическую функцию (например, хранение в туесах молока или ягод). Лишь позднее появилась эстетическая составляющая, которая сегодня часто преобладает над практической. Кажется, что это губительно для народного творчества. Произведения постепенно становятся сувенирами, годными лишь для туристов. Но так бывает не у всех мастеров. У того же Быкова

изделия никогда не превращались в скучную коммерческую продукцию. В его туесок не страшно налить молоко — он не развалится. Его корзину можно доверху наполнить ягодами — выдержит.

Мастеров, работающих сегодня с берестой, можно условно разделить на три группы: «крестьяне», «сувенирники», «классики». Можно наметить и два пути развития берестяного промысла. Первый — нежелателен. Это полный уход в «лакированную» продукцию, сувениры; игра со «старым» искусством и его элементами, попытки «легитимизировать» свои поделки с помощью использования крестьянских приемов. Этот «рыночный» путь постепенно перейдет в «сверхрыночный».

Для творчества нашего мастера характерен принцип: максимум эстетического содержания и функциональности при минимуме технических средств. Его искусству не свойственны изощренность, рафинированность и «классицизм». Изделия Анатолия Алексеевича скорее принадлежат крестьянскому искусству. Кажется, что оно таким и должно быть: неприязательным и красивым.

Второй путь сулит

более радужные перспективы. Использование элементов смежных искусств обогатит берестяной промысел, искренность мастеров придаст ему внутреннюю силу и внешнюю устойчивость. Но возможен и еще один вариант. Он касается крестьянских мастеров. Деревня нынче пустеет и беднеет. Многие блага цивилизации ей недоступны. И чтоб выжить, крестьянин вновь, как в древние времена, начнет использовать природный материал не для красоты, а для практических нужд. И все вернется на круги своя. Но если деревню не поднять с колен, этот путь полностью бесперспективен: умрут мастера, а с ними уйдёт в небытие и промысел.

Из осеннего леса

Из осеннего леса не выйти дорогой прямой —
Только этой — глухой, с колею, подернутой мохом,
Что петляет в урманах, где филин вопит скоморохом,
Из осеннего леса не выйти дорогой другой.

Из осеннего леса не сыщешь короткой тропы —
Кроме той, над которой сердечек рябиновых грозди,
Вдоль которой зима насыпает без счету погосты,
Начиняя сугробы разрывною силой травы.

Но не сразу трава одолеет пучины покоя —
Во скорлупах сугробов ворочаясь, будто в гробах,
Оборот к обороту в ней копится что-то такое,
Что не в силах смирить полотно белоснежных рубах.

Из осеннего леса не выплыть в челне золотом,
Только вброд — наугад, по апрельскому талому бору,
Где древесные девы гурьбою бегут с косогору
И по белые груди заходят в зеркальный затон.

Из осеннего леса не выйти куда бы глаза —
Наши тропы запутаны лешими и межевыми.
Полудённую стражей в зените звенит стрекоза —
От ее арбалетика нам не укрыться живыми.

Из осеннего леса не выйти уже никуда,
Кроме новых палат все того же осеннего леса...
Да и нужен ли путь, коли вызрело время, когда,
Кроме леса осеннего, нет ни к чему интереса?

Кроме леса осеннего, где ни грибов, ни людей,
Где одна костеника — прощальною кровушкой брызни!
Где звучание вечности прячется в рощах теней,
Где дыхание смерти предвидит дыхание жизни.

Свет предвечерний

Свет предвечерний... Не закат еще,
Но краткий час зачатия заката —
По крышам города
 неспешно он течет,
Как теплая река по перекатам.
Течет неслышно, но в его волне
Такая сила и такое право,
Что где-то там, в потемках, в глубине,
Сгорает всё, что мелко и лукаво.
Как будто солнценосные гребцы,
На миг поднявши колкие весельца,
Творят молитву

«Твёрдо слово рцы»,

Пред тем, как затопить
 галеру Солнца.

Вздохнет небесный океан, до дна
Встревожен погружением светила,
И через край плеснувшая волна
Уже к востоку ток поворотила.
И всё, что прежде напитал рассвет,
Вся — полднем напоенная природа

Теперь к востоку
 шлет возвратный свет
Во имя сил грядущего восхода.
Свет излучённый,
 свет неизреченный,
Любую вещь преобразует он —
В простом кувшине
 зреет тот же звон,
Что льют на нас колокола вечерни.
Медовый, медный...
 Веером пыльца...
Неопалимой купины объятья,
Что как рентген,
 пронизывают платья,
Высвечивая светлые сердца.
А темные... А темных нет на свете,
Во всяком случае,
 при предвечернем свете.

* * *

Уже на юг,
 любимый север бросив,
Ложатся нити птичьих поездов...
Вчера в лесу
 опять вздохнула осень —
Я подсмотрел,
 подслушал этот вздох.

Пахнуло снегом,
 задрожали листья...
Еще не все, еще придет тепло!
И солнце в небесах
 еще не низко,
И небу от него еще светло.
Но подан знак!
 Не обжигая веток,
Горят деревья
 ярче с каждым днем,
Пытаясь растопить
 холодный ветер
Своим напрасным золотым огнем.

Но ветер оборвет живое пламя,
Тяжелый дождь
 ударит по костру,
И первый снег
 прозрачными крылами
Накроет облетевшую листву.

Уже на юг,
любимый север бросив,
Ложатся тени птичьих поездов.
Вчера в лесу
опять вздохнула осень —
Я подсмотрел,
подслушал этот вздох...

Божья кровка

Чуткое ухо стопы
наглухо заобув,
Ты идешь без тропы,
нагло и наобум.
Ты не слышишь,
как стонут
Тонкие стебли травы,
Ты мозжишь чьи-то головы,
Не наклонив головы.

А там, внизу,
осторожненько,
Трогательно, неловко —
Детство твоё
с подорожника
Божьей
сползает
коровкой.

* * *

Смотри, какая небыль снега —
что за напасть?
Не может быть, чтоб это с неба
могло упасть...
Ты помнишь: на весенних кронах,
поверх воды,
в цветеньи яблонь и черемух
снегов следы?
А после снег таился где-то
внутри берез
и ждал, когда раскатит лето
грома колес.
Когда ж отгрохотали грозы
за край земли,
снега осыпались с березы
и в нас легли.
И пусть мы их не замечали
в своих телах —
хранился снег в моем молчанье,
в твоих словах.
Копился снег, живые души
похороня...
Но вот покой его нарушил
росток огня,
так под сугробом вызревает
весны побег —
душа однажды прозревает
и гонит снег!
Все думают, что сыплет с неба...
А это мы
освобождаемся от плена
своей зимы.

Пиано-форте-пиано

Наш дом покрыт опавшею листвою,
Под этим пледом и тепло, и пряно...
И наши голоса — и мой, и твой —
Невольню опускаются в пиано.
Мы сведены до шепота: едва
Слышны слова,
зато понятны жесты...
И, оглушая нас, шуршит листва,
Прощальный круг вальсируя
по жести.
...Вдруг детский смех,
как бы апрельский звон,
Раскалывает тусклое пространство!
Самозабвенно детское дисканство,
Ему неведом желтый камертон.
В их птичьих голосах царит весна,
Она полна и щебета, и пенья!
И, как из гипнотического сна,
Наш дом выходит из оцепененья.
В нем все бурлит! —
Кричит входная дверь;
Как клавишин, клавиатура лестниц
Грассирует;
И загнанный, как зверь,
Ревет диван под пятками наездниц!
И вспугнутая птица тишины
Взлетает с крыши
в лиственном эскорте,
А наши голоса уходят в форте,
Фортиссимо детей окружены.

А в доме все в движенье —
ходит стол,
Дрожит окно, пугаясь самосуда,
И в завершеньё
ахает об пол
К самоубийству склонная посуда.

Но день пропет...
Часы сменили бег
Сперва на шаг, затем остановились,
И листья осторожно возвратились
И засветились, призывая снег.
В пиано возвратился разговор,
Наш дом опять охвачен тишиною,
Что сходит к нам
всесильною луною
И выползает из мышинных нор.
И слышно, как с твоих стекая спиц,
Мир заполняет легкое вязанье,
Как будто заповедное сказанье
Соскальзывает
с клювов чудных птиц...
И в небе
вдруг распахивают дверцу,
И кто-то Вышний нам дарует нить,
Чтоб форте детства
и пиано сердца
В гармонию любви соединить.

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ

Художник *Марина Овсянникова*.

Лейтенант внимательно изучил документы, пропуск, буркнул:

— Сейчас.

Лениво взял с пульта трубку. Доложил:

— Дежурный. Тут адвокат пришел. К задержанному Ивлеву...

Дальнейшего разговора Влад не слышал — лейтенант развернулся в кресле, широкая спина в пропотевшем милицейском кителе скрыла все звуки.

В следственном изоляторе жарко и душно. Прикрученный к стойке китайский вентилятор лениво ворочает лопастями, гоняя по коридору раскаленный воздух.

— Проходите, — процедил лейтенант сквозь зубы. — Второй этаж, комната двести шесть.

Следователь поначалу вел себя сухо и официально, но расстегнутый на две пуговицы ворот рубашки и темные пятна под мышками не слыш-

ком шли к суровому тону. Постепенно он расслабился, а узнав, что они с Владом заканчивали одну и ту же юридическую академию, даже проникся к адвокату сочувствием:

— Вот ведь как бывает, а? В каком году ты академию-то закончил? Во-во, на два года позже меня, только я уже старший следователь, а ты за босса своего бумажки носишь. Знаю я такие расклады! Вашему бюро предложили защищать этого гнидника Ивлева, зеленых пообещали отсыпать. Начальство заинтересовалось...

— Аркадий Наумович сказал...

— Наумыч твой... — следователь понимающе хохотнул, — сын юриста, да? Ха. Прежде чем всерьез братья за дело, решил тебя вперед послать, чтоб посмотрел, можно ли из него чего-нибудь извлечь: по ТВ раскрутить, если дело громкое, или же, если защиту легко будет построить, еще кусочек славы себе отхватить. Ну, как всегда у вас, по обычной схеме — справедливость, милицейский

произвол, правовое государство! Только гиблое это дело, Слава, гиблое...

Влад поморщился: с самого детства терпеть не мог, когда называли Славой, — слишком уж похоже на лозунг.

— Ладно, — следователь поднялся, отпер сейф, достал тоненькую пластиковую папку. На корешке мелькнула белая наклейка с номером дела. — Чего я тебе мораль читать буду? Дело возбуждено, первичная экспертиза проведена, свидетели опрошены. Читай. Сам все поймешь.

Кивнув, Влад придвинул папку к себе. Следователь иронически улыбнулся и, не спуская с адвоката глаз, закурил, стряхивая пепел в форточку.

Из протокола опроса свидетельницы Козинец Аллы Тарасовны, соседки, выходило, что подозреваемый позвонил в квартиру своей жертвы — некой Татьяны Вилановой:

«...Да я, сынок, мусор собралась вынести, подошла к двери с ведром-то и слышу: лифт к нам на этаж приехал. Кто бы это, думаю? Игорек мой, сын, значит, только к концу недели обещался приехать, у Борьки Веснина все на работе сейчас, разве что к Танечке кто-нибудь... Ну, я на всякий случай в глазок посмотрела. Времена опасные, сам знаешь, у нас второй год на подъезде объявление висит: угроза, мол, террористических актов... Гляжу, значит, парень из лифта вышел, невысокий такой, в темной рубашке, статный, — ну, думаю, у Таньки-то нашей ухажер новый объявился!»

Показания свидетельницы лаконичностью не отличались, да еще помощник следователя попался молодой, дотошный, записывал дословно, поэтому Влад стал читать быстрее, пропуская рассуждения и многочисленные «значит».

«Статный» парень что-то сказал — что именно, свидетельница не расслышала, а когда Виланова, видимо, успокоенная его словами, открыла дверь — выхватил пистолет и застрелил Таню. Перепуганная свидетельница моментально задвинула засов, накинула «на всякий случай» еще и цепочку и побежала вызывать милицию. Вернувшись, она осторожно выглянула в глазок — убийца все еще стоял в дверях Таниной квартиры и разговаривал с кем-то по мобильному телефону. Застывшая в неестественной позе Танечка лежала на пороге, вытянутая вперед рука все еще сжимала очки, которые близорукая хозяйка так и не успела надеть. Застиранный домашний халат побурел от натекшей крови.

«...Да-да, сынок, трубку около уха держал вот так, слушал. Потом вдруг как закричит: «Что?! Опять?! Нет уж, хватит!» — и хрясь телефон об пол! А он, небось, не одну сотню... этих... долларов стоит. Да еще ногой по нему со всей силы вмазал, только клочки во все стороны полетели. Потом вошел в Танюшкину прихожую, огляделся, значит, по сторонам — и застыл. Так и простоял все время, пока ваши не приехали».

На счастье, недалеко от места происшествия

проезжал патруль, дежурный перебросил вызов, и буквально через пять минут после звонка соседки у подъезда тормознул бело-синий «уазик».

Удивительно, но преступник все еще находился в квартире. При виде решительно настроенных милиционеров он бросил на землю пистолет и поднял руки. Старший патруля признался в рапорте, что не успел ничего крикнуть, преступник разоружился сам: «При задержании сопротивления не оказал».

— Ну что, — спросил наблюдавший за Владом следователь, — влип клиент?

Адвокат пожал плечами.

— Посмотрим. Экспертиза оружия есть?

— Есть, как не быть. В этот раз быстро обернулись. И оружия, и пули, и следов пороха на одежде Вилановой, и смывов... все есть. Писец твоему клиенту.

— Это как суд решит.

Следователь хмыкнул, перебросил Владу еще несколько листов:

— Читай дальше.

Действительно, экспертные заключения все, как один, обличали Ивлева в преступлении. Пуля, найденная в теле погибшей, была выпущена из представленного на экспертизу пистолета марки «ПМ», производства Тульского оружейного завода, 1981 года выпуска, номер 4356789443. На рукояти «пэзма» наличествуют отпечатки пальцев, идентичные контрольным отпечаткам Ивлева. Фото и химические пробы, смывы с рук и одежды Ивлева явно показывают, что из пистолета стрелял именно он. Медэксперт заключил, что смерть наступила от огнестрельного ранения в область сердца. На теле и одежде Вилановой найдены следы несгоревшего пороха, и можно однозначно утверждать, что выстрел произведен с расстояния не больше полутора метров.

Влад вопросительно посмотрел на следователя:

— А это зачем?

— Был такой случай. Лет пять тому назад. Взяти одного — тоже с пушкой, прямо над трупом. Так он на суде изо всех сил пытался доказать, что убивал, мол, не он, а некий снайпер с километровой дистанции. А он как раз у жертвы телохранителем был, да вот не сберег — подстрелили. Над трупом стоял, потому что бросился к упавшему посмотреть, не нужна ли помощь. Пушку достал только когда увидел, как клиент падает, — для защиты. Никому ничего он не доказал, конечно, но с тех пор подстраховываемся.

Мимоходом Влад отметил, что следователь разговорился. Хорошо. Значит, не считает серьезным противником. Есть шанс, что прямо сегодня разрешит встречу с подозреваемым. А это не помешало бы. С такими уликами об оправдании или условном сроке нечего и думать.

Протокол допроса подозреваемого, наоборот, оказался верхом лаконичности. На казенном

бланке после сухих протокольных фраз о месте и времени допроса снизу было приписано: «Задержанный отвечать на вопросы следствия отказался».

Влад усмехнулся. Ну да, «отказался»! Если бы не грядущая встреча с адвокатом, дали бы ему в молчанку играть! Били бы до тех пор, пока всю подноготную не рассказал, включая детские страхи и комплексы. Да и не только били — может, чего и похуже. Это только в сериалах милиция переполнена тупыми костоломами, а на деле brave сотрудники органов вовсю используют достижения технического прогресса. Электрошок, например, — а от длительного воздействия тока начинаются произвольные конвульсии, — действует почище любого детектора лжи.

— Хорошо, — Влад поднялся, спрятал в дипломат органайзер, — когда я могу переговорить с Ивлевым?

— Через час будет готов пропуск. Подожди, если хочешь.

Он совсем не был похож на убийцу. Невысокий, скорее даже шупловатый, с неряшливой трехдневной щетиной, Ивлев скорее напоминал загубленного после полочки шоферюгу.

Конвоир расстегнул наручники, кивнул и вышел. Загremели засовы.

— Добрый день, Семен Алексеевич, я — ваш адвокат Владислав Хмельницкий, адвокатское бюро «Щепетов и партнеры». К нам обратился независимый фонд «Демократия и правосудие» с просьбой...

— Я знаю.

Голос Ивлева показался Владу странным — бесконечно усталый и какой-то отрешенный. Так обычно разговаривают люди, которым все равно, что будет с ними дальше. Неужели успели чем-то накачать?! Нет, вряд ли. Дело прозрачное, все как на ладони, с такими уликами следователю, по большому счету, и признание не нужно. Скорее Ивлев просто испугался, стоя над трупом, не ожидал, что все будет именно так — кровь, бездыханное изломанное тело. Потому и застыл на пороге...

Хорошо. У него сейчас единственный шанс — написать признание и сотрудничать со следствием. Суд это учтет.

Влад еще в кабинете следователя понял, что Аркадий Наумович дело Ивлева не возьмет — слишком уж проигрышное. Явно проигрышное. Так что придется самому тянуть эту лямку до конца.

— Знаю, мне говорили...

Влад приложил палец к губам, указал на потолок, покачал головой. Быстро написал в блокноте:

«Разговор наверняка записывается. Говорите осторожнее. Если хотите сказать что-то важное — пишите», — и придвинул блокнот к Ивлеву.

Тот помотал головой.

— Мне все равно.

— Хорошо, — Влад кивнул, но блокнот не убрал. — Давайте сразу проясним один вопрос. Вы согласны, чтобы я был вашим адвокатом?

Одновременно Влад писал: «Вы убили Виланову?»

— Да, — Ивлев посмотрел адвокату прямо в глаза и чуть заметно кивнул.

— И хотите, чтобы я представлял ваши интересы во время следствия и в суде?

«То есть вы признаете, что стреляли в Виланову»

— Да.

Влад быстро приписал снизу:

«Случайно или намеренно? Не отвечайте вслух!»

Ивлев взял протянутую ручку, хмыкнул и написал:

«Намеренно. Именно ее я хотел убить и убил».

— Фонд обещал нам финансовую поддержку, если мы займемся вашим делом, так что об оплате не беспокойтесь...

«Улики против вас очень сильные. Вы, скорее всего, будете признаны виновным, ни о каком условном приговоре здесь речь идти не может. Если удастся скостить срок хоть немного, и то будет большая победа. Я искренне советую вам написать полное признание, это поможет мне...»

Жестом попросив блокнот, Ивлев написал:

«Мне очень жаль, но процесс вы проиграете. Я собираюсь на суде отрицать свою вину. Хочу получить по полной».

Он поставил жирную точку после слова «полной» и добавил вслух:

— Пора уже.

Разговор не заладился с самого начала. Дальше — хуже. Ивлев отвечал односложно, писать отказывался, лишь когда Влад уже засобирился в контору, вдруг неожиданно попросил блокнот и быстро-быстро написал:

«Вы мне понравились, Владислав, но помочь вам я ничем не могу».

Влад потянулся было за ручкой, но Ивлев, словно поддавшись какому-то внезапному порыву, добавил:

«Впрочем, если вам интересно, в камере хранения Киевского вокзала в ячейке номер 14265 лежит тетрадь. Прочитайте — вам все станет понятно. Код ячейки — 2312».

Никаких других пояснений Влад так и не добился. Пока конвой выводил Ивлева, Влад закурил и, улучив момент, сжег в пепельнице — измятой банке из-под «Пепси» — последнюю страничку блокнота.

Домой он добрался только к вечеру. Пока договорился со следователем, пока заехал в бюро, отчитаться перед Аркадием Наумовичем, да и на Киевский — торопись-не торопись — крюк вышел немаленький.

Код подошел, внутри ячейки действительно оказалась тетрадь. Старая, советских еще времен, черная коленкоровая тетрадь с изрядно потрепанной обложкой.

Не удержавшись, Влад наскоро пролистал страницы — ничего особенного. Какая-то таблица, густо исчерканные записи.

Ладно, дома разберемся.

Телефон зазвонил именно в тот момент, когда Влад стаскивал в прихожей ботинки. Пришлось бросить на стул дипломат, тетрадь, бежать в комнату, лавируя между коробками. Рубашку Влад скинул невыносимым акробатическим движением, умудрившись не выпустить из рук трубку.

— Хмельницкий слушает.

— Пап, привет!

Маришкин голос показался Владу немного рассерженным. Впрочем, она большая выдумщица, навоображала себе Бог знает что, теперь приотворяется сердитой.

— Привет, доча!

— Ты почему меня сегодня из школы не забрал? Договорились же! Я целый час после уроков просидела, а ты так и не приехал.

Влад мысленно хлопнул себя по лбу: конечно! Сегодня как раз был его день, а он, лопух, заматался совсем, даже и не вспомнил.

— Пап, ты слышишь?

— Ох, я, старый маразматик! Склероз на мою голову, цирроз на мою печень, ревматизм мне в ребро!

В трубке хихикнули.

— Доча, прости, милая, совсем забегался. Давай договоримся на вторник, хорошо? Мне завтра и в выходные надо с бумагами посидеть, а во вторник я тебя заберу.

— Ладно, пап. Только ты не забудь!

— Нет, никогда! Крест на пузе!

Любимая дочкина поговорка развеселила ее еще больше. Влад понял, что почти прощен.

— Да, — как будто вспомнив нечто важное, воскликнул он, — у меня есть для тебя кое-что интересное...

— Ой, а что?

— Не скажу! Во вторник узнаешь!

— Ну, пап!

— Нет, не проси даже. Секрет. А если я тебе скажу, то уже не будет секретом, правда? Потерпи. И... Мариш, не обижайся. Папа исправится, обещаю. Простишь папу?

— Ладно, — милостиво согласилась дочь, — но только в самый последний-распоследний раз. Пока, пап.

Влад открыл шкаф, девственно пустой, если не считать идеально вычищенного делового костюма «для процессов» — единственной дорогой вещи в доме, — повесил на треснувшие плечики рубашку. Кивнул своему отражению в матовом зеркале на дверце шкафа, постучал пальцем по лбу:

— Эх, ты, растяпа!

Маришке, конечно, не место здесь, в его пыльной берлоге. Влад огляделся — типичная нора холостяка, занятого только работой и ничем больше: пыльные углы, отклеившиеся кое-где обои, голый крюк на месте люстры (Катерина при разводе забрала свадебный подарок матери), заваленный бумагами стол. Да и на кухне не лучше — стопка немытой посуды, холодильник с прогорклыми полуфабрикатами.

Надо будет в выходные хоть немного прибраться. Маришка ничего не скажет, даже носик не наморщит: лишний день, проведенный с папой, для нее дороже всего на свете, но самому как-то неудобно.

Конечно, когда Влад заканчивал академию, ему грезились совсем другие картины. Многомиллионные дела олигархов, давление прокуратуры и он, Влад Хмельницкий, спокойный и вальяжный, дает интервью телевизионщикам.

Вышло не так.

После не очень удачной дознавательской практики в милиции Владу ничего не оставалось, кроме как идти в бюро, работать на чужой имидж и чужую славу. Где он и прозябал вот уже пятый год. Как на самого молодого и неопытного, на него спихивали, естественно, всю рутину, все малозаметные дела, где не было никаких шансов раскрутиться. Амбиции остались в прошлом, теперь Влад тянул бесконечную ляжку «мальчика на побегушках». Иногда ему доверяли вести государственные дела по 48-й статье или вот такие малоперспективные процессы вроде сегодняшнего.

На кухне Влад поставил чайник, кинул в кружку пару пакетиков заварки, скормил микроволновке шмат замороженной пиццы. Еда не удовольствие, еда — просто необходимый для поддержания жизни процесс. И уже почти забылись те дни, когда Катя встречала его вкусными ароматами борща, котлет и пельменей.

Чайник засвистел, Влад плеснул кипяток в кружку, притащил из прихожей тетрадь, пододвинул стул. Ну-ка, посмотрим.

Первые четыре страницы тетради занимала аккуратно разграфленная карандашом таблица в два столбца, в одном ровным подчерком отличника вписаны фамилии, в другом — странный перечень катастроф и шифрованные пометки. Против каждой фамилии — одна-две, редко больше.

«Шибяев Юлий Николаевич — отказ правого двигателя рейсового ТУ-154, Нр-Вл, ж142;

Амбарцумян Ашот Нагибович — взрыв бытового газа, ул. Коммунаров, 16, Липецк, ж12, п24; оползень в районе курортного поселка «Отдых», Краснодарская обл, ж63;

Северцева Анна Игоревна — отказ бортовых систем СУ-25, Северокавказский ВО, учебный полет, ж2; авария в насосной системе 4-го цеха

«Уралхиммаш», поселок (зачеркнуто), ж4, п-250;

Яковлев Константин Максимович — ДТП: столкновение рейсового «Икаруса» с большегрузным трейлером «СуперМАЗ», федеральная трасса Уфа—Челябинск, ж8, п27; пожар в вагоне метро, Санкт-Петербург, ст. «Черная речка», поражение эвакуированных эл. током, ж12, п29;

Игнатьев Борис Степанович — землетрясение на Сахалине (эпицентр — 7 баллов, в районе Углегорска), ж89, п-300...»

У левого столбца таблицы, рядом с каждой фамилией, стояла жирно выписанная галочка, видно было: ставили их с удовольствием от выполненного дела.

Странно, но ни одной из катастроф и чрезвычайных происшествий, указанных в левом столбце, Влад, как ни старался, вспомнить не смог. Все они были без дат, кое-где даже указания на конкретные географические пункты сокращались до одной-двух букв. Вот, например, самолет, против фамилии Шибаева, написано: «ТУ-154 Нр-Вл». Что это: Норильск—Владивосток? Или Новосибирск—Владивосток? Или даже Новороссийск—Владимир? Хотя в Владимире вроде бы нет аэропорта... С «Икарусом» этим тоже непонятно — «федеральная трасса Уфа—Челябинск». Да в ней километров 400, если не больше!

Зато пометки «ж8, п27» Влад расшифровал легко: «ж» — это, скорее всего, «жертвы», «п» — «пострадавшие». При крупных авариях, когда число пострадавших точно неизвестно, стоит значок «~» — «приблизительно».

И все-таки, что же это за катастрофы такие? Про ДТП в Уфе еще простительно было не услышать — проскользнуло по региональным новостям раз-другой, и все. Но аварию на химкомбинате СМИ раскрутили бы так, что ночью в холодном поту бы просыпался!

Влад читал дальше:

«...Непейвода Олег Тимурович — оплавление активной зоны реактора АПЛ «Псков» СФ (на стоянке), ж4, п37; ДТП: столкновение ВА3210Б, ВА32110 и «Мазда», 212-й км Новосимферопольского шоссе, ж3, п7; сход с рельс (повреждение полотна) электропоезда «Мо (замазано)—Сергиев Посад», ж2, п29;

Железнякова Антонина Григорьевна — обрушение жилого дома (ветхий фундамент), проспект маршала Жукова, 7, Краматорск, жб, п17; ДТП: авария очистных сооружений первой очереди, химкомбинат АО «Росбытхим», пос. Вознево, Воронежская обл, ж8, п-500; прорыв грунтовых вод, шахта «Дальняя», объединение «Саха-уголь», ж12, п19;

Солодовников Иван Сергеевич — столкновение ремонтной дрезины и грузового состава, участок Фролово—Михайловка, 140 км от Волгограда, ж19, п3; пожар на нефтяной скважине, месторождение «Полярные Зори», вышка№29, ж2/14, п7/19».

Всего в списке было двадцать шесть фамилий. Прочитав последнюю, Влад от неожиданности вздрогнул, не поверил, перечитал еще раз:

«Виланова Татьяна Андреевна».

Против фамилии недавней жертвы стоял целый список катастроф: пожар на крупном складе боеприпасов где-то в Курганской области, обвал автомобильного тоннеля на Военно-Грузинской дороге, гибель авиалайнера в аэропорту Якутска, еще одно ДТП с туристским автобусом, землетрясение на Камчатке. На привычном месте слева от таблицы вместо галочки едва угадывалась карандашная пометка — маленький вопросительный знак.

Ниже кто-то начал писать новую фамилию, но передумал. Можно было прочитать только две буквы — большое «Р» и «а». Дальше — зачеркнуто.

На этом все записи в тетради обрывались. Остальные страницы оказались девственно чистыми. Влад в недоумении пролистал дальше, перевернул тетрадь и только теперь обнаружил, что с обратной стороны густо исписаны еще десятка полтора страниц.

Мелкий и убористый почерк разбирать было тяжело. Но первая же запись настолько захватила Влада, что он уже не мог остановиться.

«Сегодня работал по Шибаеву. У цели есть машина, так что на этот раз все получилось быстро и удачно. Ослабил крепления колес, надрезал тормозной шланг. Завтра утром он поедет на дачу, как-никак 180 километров».

Следующая запись лаконично отмечала:

«Шибаев отработан».

И еще — строчкой ниже:

«Менты посчитали, что во всем виноваты тормоза. Машина так обгорела, что почти невозможно провести качественную экспертизу. Сегодня сообщили: ТУ-154 благополучно сел во Владивостоке».

Это был отчет, нет, даже, скорее, дневник Ивлева. С каждой строкой брови Влада поднимались все выше.

«Вышел на Амбарцумяна. Цель — пенсионер, торгует на рынке».

Дальше:

«Снял место рядом с Амбарцумяном, разговорился. Завтра надеюсь подружиться».

«Сработались хорошо, когда ему нужно отойти, просит присмотреть за товаром. Вечером он подарил мне персиков, звал к себе выпить за знакомство. Еле отговорился».

«Сегодня угостил Амбарцумяна в ответ».

Небольшой пропуск и та же лаконичная приписка:

«Амбарцумян отработан».

«Посылал на рынок человека, на вопрос, где армянин с персиками — мол, очень вкусные были, хочу еще купить, ответили — не будет больше армянина, вчера умер. Грибами отравился. Вечером подтвердили: ботулизм, тяжелая форма».

«Вечером сообщили: в Липецке все в порядке».

Шибяев... Амбарцумян... Влад раскрыл тетрадь с начала. Это же первые две фамилии из списка!

Влад нетерпеливо читал дальше, сердце стучало как сумасшедшее, на лбу выступила испарина: он что, их всех убил?! Ивлев писал короткими, точными фразами, словно отчитываясь перед самим собой, иногда сбиваясь на доверительный тон. Кое-где перед записями стояла дата, иногда просто — «вторник», «следующее утро», «вечер»...

Из тетради явно следовало, что

Ивлев убил отнюдь не двух и даже не десять человек. Он — сотрудник некоей глубоко законспирированной организации, которая странным образом вычисляет связь между ничем не приметельным человеком и страшной, разрушительной катастрофой. Пока человек жив, катастрофы и аварии неизбежны. Если его уничтожить, то катастрофу можно остановить.

Влад отхлебнул из кружки давно остывший чай, скривился, выплеснул остатки в раковину.

Получается, что подзащитный — фактически самый настоящий серийный убийца, пусть и считает себя лишь палачом, приводящим в исполнение приговоры!

Изредка, правда, Ивлева мучили сомнения:

«Почему они не хотят говорить, как вычисляют цели? Почему я не могу знать правду?»

«...А если все это случайность, простые совпадения?! Тогда я — самый обыкновенный убийца! Господи, прости меня грешного!»

После шестого убийства Ивлев заполнил такими размышлениями целую страницу. Неделей спустя он старательно записал подслушанный разговор между двумя «спецами» из организации. Странно, но Ивлев ни разу не назвал ее, даже сокращенно или аббревиатурой, просто «организация», с маленькой буквы, — и все:

«Услышал сегодня в приемной, что Энгл и Грэйнджер обнародовали доказательство своего метода корреляции статистических моделей Шевера и что теперь стало легче работать — вероятность ошибки не более одной на тысячу. Кто такие эти двое — не знаю, но, говорят, им дали Нобелевку. Уверен, они ее заслужили».

В тот день Ивлев узнал совсем уж страшные вещи, оказывается, организация иногда ошибается, подводит их какая-то там статистика.

Последняя запись гласила:

«Вышел на Виланову. Торопят. Ничего точно не ясно, но цель надо ликвидировать, первая строчка из списка через два дня. Попросил день на отработку цели — запретили. Придется ликвидировать грязно».

«Подтверждения все нет, а ждать больше нельзя. Надеюсь, эта цель — не ошибка».

Отодвинув от себя тетрадь, Влад постарался припомнить показания соседки. Вроде бы что-то такое, по ее словам, Ивлев кричал в трубку. Как же там было? «Опять?! Нет уж, хватит!»

Влад потер виски ладонями, зажмурился.

Выходит, подследственный убил не просто невинного человека, он убил невинного человека по ошибке, так и не предотвратив надвигающуюся череду катастроф?!

Тьфу, черт! Что за чушь лезет в голову! Не хватало еще поверить во всю эту галиматью!

Хотя... фамилии есть, даты смерти тоже. Кто мешаает проверить?

Влад открыл органайзер, пробежался пальцами по клавишам: ну-ка, кто у нас в такое время еще на работе и может базу сводок по городу поднять? Юрка!

Сотрудник пресс-службы МВД города Юрий Сеченов действительно оказался на месте:

— Старик, все понял, сделаю, если так надо. Только не сейчас, о'кей? У меня через пятнадцать минут совещание, ты мне скинь пока по почте письмишко — фамилии, даты, а я, когда вернусь, пробую по базе и тебе сообщу.

— Юр, спасибо, век не забуду!

— Да ладно, какие вопросы!

Поздно вечером Влад получил письмо от Сеченова. Все указанные в списке (до Вилановой) жертвы погибли или в результате несчастных случаев, или просто умерли своей смертью. Ника-

ким криминалом ни в одном случае и не пахло. У следствия даже подозрений ни разу не возникло.

Влад еще раз пролистал тетрадь, перечитал некоторые записи. Теперь он ясно видел в каждом слове «дневника» почти клиническую ненормальность.

Господи, неужели можно было хоть на секунду подумать, что весь этот бред имеет под собой какие-то основания!

У подзащитного просто не все ладно с головой. Маньяки частенько присваивают себе лишние жертвы, а то и просто зачисляют в трупы прекрасно здравствующих людей.

Бывает.

Влад хмыкнул, сказал вслух:

— А ведь это не так плохо...

Если удастся доказать, что Ивлев психически нездоров или хотя бы был таковым в момент совершения убийства Вилановой, то...

Ну, загадывать пока рано. Первым делом Влад решил отвезти завтра тетрадь своей институтской подруге Инге Костюковой. Она сейчас работает в институте Сербского, не откажет в помощи в память о прошлом. Ингуля точно определит диагноз, в этом деле она профи. Вот тогда можно будет вокруг черной тетради и защиту строить, экспертизу назначить сначала почерковедческую, чтобы доказать авторство, потом — психолого-психиатрическую. А дальше — посмотрим. Вдруг клиент и вправду из той же категории абсолютных психопатов, что слышали голоса, приказывающие убить того или иного человека, либо действовали якобы по распоряжению «директора КГБ»...

Утром Влад созвонился с Ингой, та согласилась помочь. Договорились на вечер.

В двенадцать его ждал следователь, потом надо было наведаться в изолятор, еще раз переговорить с Ивлевым.

После вчерашней духоты ночью прошел дождь, температура упала. Влад пожалел, что не взял куртку или пиджак. Впрочем, когда двигатель «шестерки» прогрелся, в машине стало тепло и уютно. Влад положил на соседнее сиденье дипломат, включил радио.

Со двора он выезжал под хрипловатый голос Северянина — играло «Радио Шансон».

За три квартала до изолятора, в тот самый момент, когда Влад стоял на последнем светофоре, динамик вдруг оборвал песню. Зазвучала тревожная заставка выпуска новостей. Голос диктора ворвался в салон, как таежный снежный заряд:

— Мы прерываем нашу программу. В эфире — экстренный выпуск новостей. Как только что стало известно, в Курганской области горит склад боеприпасов длительного хранения — у поселка Сипаево. До наблюдателей доносятся взрывы, раскаленные обломки разлетаются в радиусе

более полутора километров. Власти Курганской области приняли решение об эвакуации нескольких десятков жилых домов, вплотную примыкающих к опасной территории. Официального сообщения о погибших и раненых пока не поступало, но, по непроверенным данным, пропавшими без вести числятся двенадцать человек — охрана внутреннего периметра, начальник караула и три человека из обслуживающего персонала. Несколько местных жителей уже госпитализированы с обширными ожогами кожи. Солдаты размещенных поблизости воинских частей приступили к тушению пожара. К восемнадцати часам ожидается прибытие взрывотехников из УФСБ по Курганской области.

Влад с силой ударил по тормозам. Сзади протестующе гуднули, новенькая «десятка» с ревом пронеслась мимо.

Именно эта катастрофа первой стояла против фамилии Вилановой! Не веря себе, Влад достал из дипломата тетрадь, просмотрел таблицу еще раз.

«Виланова Татьяна Андреевна — пожар на крупном складе боеприпасов в поселке (зачеркнуто) Курганской области, ж12/1, п3/8;»

Получается, что те двенадцать, что сейчас числятся пропавшими, уже мертвы, и еще один человек погибнет при тушении?

Влад выключил приемник, отшвырнул на сиденье тетрадь, задумался. Дай Бог, если Ивлев действительно сумасшедший...

В изоляторе Влада встретили совсем иначе, чем вчера. Лейтенант испуганно вскочил при его появлении:

— Извините, следователя Родимова сейчас нет на месте, будет через полтора часа. Он просил передать вам вот это.

«Это» оказалось заключением медэкспертизы. Подследственный Ивлев ночью, приблизительно в 4-15 утра, покончил с собой. По всем признакам — самоубийство через повешение. Подпись, печать.

Пообещав, что заедет к концу дня, Влад собрался уходить и уже на пороге поймал неуверенный, чуть испуганный взгляд дежурного. Вздрогнув, тот быстро отвел глаза.

В изоляторе повеситься почти невозможно: у задержанных отбирают всё, включая шнурки и ремни, а в камере нет даже простыней, которые можно порвать на полосы, чтобы свить веревку. Влад знал это не хуже лейтенанта.

Ночью Ивлева убрали. Кто — теперь уже неважно.

Дома Влад первым делом включил телевизор и чуть не выронил пульт. Ярко накрашенная ведущая вещала на фоне карты Кавказа с большой пульсирующей точкой посередине:

— ...Обрушение сводов тоннеля произошло из-

за местного карстового землетрясения. По данным Северо-Кавказского МЧС, сместилось около семи миллионов тонн грунта. Пока трудно установить, находятся ли внутри заваленного тоннеля люди, хотя некоторые свидетели утверждают, что видели, как перед самым обвалом по дороге в сторону тоннеля проследовала колонна большегрузных трейлеров...»

Тетрадь невозмутимо подтвердила:

«Виланова Татьяна Андреевна — обвал автомобильного тоннеля на Военно-Грузинской дороге, ж17, п2;»

Вторая катастрофа из списка. Влад рухнул в кресло. Если верить черной тетради, скоро должно случиться еще несколько ЧП — гибель авиалайнера, ДТП, землетрясение на Камчатке. И это только по Вилановой, а сколько еще?!

Боже, если они знают, почему не остановят! Не хотят? Или не могут?

Всю ночь и весь следующий день, отпросившись у Аркадия Наумовича, Влад провел у телевизора. Небритый, с воспаленными глазами, он с содроганием переключал каналы. До вечера ничего не случилось. Часов в семь, поддавшись навалившейся бесконечной усталости, Влад задремал прямо в кресле. Он так и не понял, проспал ли хотя бы час. Сквозь сон донеслись слова: «...крупнейшая катастрофа...»; Влад вздрогнул, проснулся, прибавил громкости на пульте.

На экране горел в ночи самолет, вокруг суетились пожарные бригады. При посадке в аэропорту Якутска разбился лайнер со ста восьмьюдесятью тремя пассажирами. Почти все они погибли, только семерых спасатели смогли достать из огненного хаоса.

Выходные Влад просидел почти без движения, намертво прилепившись к телевизору, сжимаемая потными, дрожащими руками пульт и злополучную тетрадь. А катастрофы шли одна за одной. Точно так же, как описано в тетради, только пятая по счету — российский танкер налетел на скалы у берегов Японии — не указана в списке. Но потом была и шестая, и седьмая... и десятая. Список давно закончился, а катастрофы все продолжали происходить.

Почти неосознанно Влад повторял про себя: «Найдите его, найдите... Пожалуйста, найдите».

Теперь он мог только мечтать о том, чтобы неведомая ему организация определила, наконец, нужного человека и устранила его. Собственные мысли временами пугали Влада: как же так он, адвокат, законник, готов чуть ли не овациями приветствовать убийство!

Наверное, так сходят с ума.

Он не походил к телефону, а после особо настырных звонков — отключил его, ни разу не вышел из дому, почти ничего не ел, только сидел и глазами, покрасневшими, в жилках лопнувших сосудов, неотрывно глядел на экран.

Телевизор превратился в цель его существования.

И вот на третий день... Ночью Влад почти не спал, ворочался с боку на бок, представлял все новые катастрофы, под утро вскочил на час раньше начала телетрансляции, слонялся по квартире из угла в угол, дожидаясь первой новостной передачи. Когда она началась, Влад жадно вцепился взглядом в экран, ожидая и одновременно боясь новых катастроф, но за утро НИЧЕГО не произошло.

Он не мог поверить: неужели нашли?!

Всю первую половину дня он привычно просидел перед экраном, но опять — ничего. В стране все спокойно, ничего не падает с неба, не горит и не взрывается. Влад понемногу начал приходить в себя, выкарабкиваться из трехдневного кошмара.

Господи, наконец-то! Значит, нашли. Погиб ничем не примечательный человек, отдал свою наверняка бесполезную жизнь, чтобы прекратилась эта ужасная карусель аварий и катастроф.

Влад встал с кресла, потянулся, все еще с опаской поглядывая на экран.

Впервые за три дня он со вкусом поел. В холодильнике, правда, ничего не оказалось, пришлось готовить что-то на скорую руку из дрянных полуфабрикатов, но разве это важно? Влад небрился, надел свежую рубашку, поколебался немного и достал-таки из шкафа «деловой» костюм.

Сегодня можно.

Влад решил выехать пораньше: днем Маришку забирать, а ведь он ей «кое-что интересное обещал». Наврал, конечно, ничего такого у него не было, но раз уж обещал — надо купить.

Перед выходом Влад открыл форточку — проветрить, подвинул в угол коробки с книгами, которые за два года после развода он так и не удосужился разобрать, подхватил дипломат и вышел.

За его спиной тревожно мигала на телефоне лампочка «call». Звонок был выключен.

В конторе все прошло гладко — шеф даже похвалил за четкий доклад по Ивлеву. Как выяснилось, неведомый фонд «Демократия и правосудие» все-таки перевел деньги, и бюро вышло из всей этой истории с некоторой прибылью. Владу даже выписали небольшую премию, и, пользуясь хорошим настроением Аркадия Наумовича, он отпрашился пораньше.

Подарок лежал на заднем сиденье, красиво упакованный в блестящую фольгу, перевязанный ленточкой: нарядный вязаный шарфик с изображением любимого Маришкой хоббита Фродо, который Влад купил в Детском мире час назад. Должен понравиться. Да и практично — сентябрь идет к концу, осень в самом разгаре, зима не за горами.

Два года назад, когда они с Катериной раз-

водились, Влад выторговал себе одну неделю в месяц на общение с дочерью. Жена, теперь уже бывшая, на удивление быстро согласилась. С разводом жестко стояла на своем: «Я устала ждать от тебя успехов, понимаешь, устала! Я хочу жить нормально!» — а тут почему-то не противилась. В глубине души Влад надеялся, что дело не в свободной неделе, которую можно провести с... — ну, кто-то же там есть у нее! — а в том, что Маришка действительно любила отца чуточку больше. Впрочем, Катерине наверняка было все равно.

Так и повелось: Маришка поочередно живет то у отца, то у мамы. И ни он, ни дочь никак не могут привыкнуть к тому, что она больше не Хмельницкая, а Рамазанова. Маришка то и дело жалуется: учителям приходится по два-три раза ее вызывать. Ну не лежит душа к новой фамилии!

Радио, будто бы объявившее сегодня мораторий на плохие новости, наигрывало легкие танцевальные мелодии. Влад, развалившись в кресле, легко покручивал руль, насвистывал в такт музыке.

Четырехчасовые новости прошли незаметно — никаких тревожных вестей и катастроф. В конце диктора радостно сообщила:

«...Сегодня после ремонта открылся кукольный музыкальный театр. Главный режиссер театра сказал в интервью нашей программе...»

Влад подумал, что надо бы сводить Маришку на какой-нибудь спектакль. В принципе, если попытаться выполнить все, что он наобещал дочери за последнее время, то и месяца бесконечных походов не хватит. Но надо же с чего-то начинать.

У дверей школы Влада встретили заплаканная учительница и директор, внешне собранный, но с растерянным лицом.

— Владислав Игоревич, успокойтесь, у нас плохие новости...

— Что случилось?!

— Мы с утра пытаемся вам дозвониться... Никто не брал трубку, и мы...

— Да в чем дело!

— Марину сегодня утром сбила машина... Почти у самого входа...

Влад почувствовал, как земля под ногами, только что такая твердая и крепкая, вдруг стремительно ухнула куда-то вниз.

— Что?! Какая машина?

— Мы не успели рассмотреть, она была вся перемазана грязью... Иностранная какая-то...

Крепко, до боли сжав кулаки, Влад выдохнул, помотал головой.

— Ладно, после разберемся. А куда Маринку повезли, в какую больницу..?

Директор странно посмотрел на Влада, хрипло произнес:

— Вы не поняли. Марины больше нет.

Дрова на площади «Железной столицы»

В конце XIX в., когда была сделана эта фотография, Нижнетагильский завод, не имея статуса города, носил неофициальный титул — «Железная столица России».

К середине XIX в. самостоятельные заводские поселки и близлежащие слились в единое селение, получившее название «Нижнетагильского завода», или «Нижнетагильска». По статистике, к 1855 г. его население составляло 27717 человек, и он был первым среди уездных городов Пермской губернии. В 1858 г. здесь имелось более двухсот кустарно-ремесленных и четырехсот торговых заведений. Тагильские купцы держали лавки на ярмарках Ирбита и Нижнего Новгорода, отправляли товар в Бухару, Персию, на Кавказ. В это время Тагил был не только крупным промышленным, торговым, но и культурным центром горнозаводского округа. В нем действовали заводской «музеум», библиотека и семь образовательных учреждений, шли представления в заводском театре, работала своя литография; его площади украшали памятники и монументы.

Путешественников, приезжавших в Нижний Тагил в XIX в., поражал архитектурный ансамбль главного заводского управления, по выражению Д. И. Менделеева, «сделавший бы честь любому губернскому городу».

Но была в центре старого Тагила еще одна достопримечательность, которой не принято было гордиться. Поленицы дров занимали почти всю главную заводскую площадь, оставляя лишь небольшие прохо-

ды. Д. Н. Мамин-Сибиряк в своем очерке «Платина» так и пишет: «площадь была наполовину завалена дровами».

Т. К. Гуськова, исследуя развитие заводского хозяйства Демидовых во второй половине XIX в., отмечала, что «технический прогресс и общее увеличение объема производства, а также крупнейшие рудники и прииски привели к увеличению потребления топлива», которым в это время были древесный уголь и дрова. Ян Вильчковский, который проработал в должности главного лесничего с 1892 по 1910 год, в своих мемуарах писал, что «два горных округа (Нижнетагильский и Луньевский.— О. Ш.) ежегодно расходовали 30 тысяч кубических сажень дров». Уже то, что в Нижнетагильском правлении была должность главного лесничего, который был вторым помощником главного управляющего (первый — горный инженер — занимался делами заводов и рудников), говорит о значении дров в заводском хозяйстве.

Л. Шмаков в своем очерке «В старое время» отмечал, что на заводских складах хранилось громадное количество строевой древесины, «особенно лиственничной, которую требовал медный рудник для копей». Но, оказывается, не только на складах...

Вот и осталась запечатленной на почтовой открытке, изданной в начале XX в. екатеринбургским фотографом В. Л. Метенковым для Всемирного почтового союза, отличительная особенность нижнетагильского заводского поселка — дрова в самом его центре.

Музей одной фотографии

РЕКА ВРЕМЕНИ

Н.-Тагиль

№ 136 Общий видъ завод

Владимир Вейхман, уроженец Невьянска, морской инженер, педагог. В нашем журнале печатались его очерки: «Сомнерова линия» (2002, №6,7), «Операция «Страна чудес» (2003, №11,12). Живет в г. Ашкелон (Израиль).

Лямбда аш

ДЕВИАЦИЯ — 1) отклонение магнитной стрелки компаса (от магнитного меридиана) под влиянием больших масс металла; 2) отклонение от правильной линии, от должного направления, например, судна от курса, под влиянием каких-либо внешних причин.

Словарь иностранных слов

Мы вышли из бухты на острове Спафарьева, что у западного входа в Тауйскую губу, где сдали улов и получили снабжение, необходимое для продолжения промыслового рейса. Траулер бодро бежал на юг, следуя намеченным курсом в район постановки сетей. Стояла ясная безветренная погода ранней охотморской осени. Вот-вот могут упасть затяжные туманы, и нужно было, пока еще виден берег, понадежнее привязаться к нему и определить свое местоположение. Я несколько раз поднимался на верхний мостик к главному компасу и брал пеленги — направления по компасу — на одни и те же два приметных ориентира. Уже вторая нанесенная на карту точка заставила меня насторожиться, а третья и вовсе ввергла в серьезные сомнения. Мы шли постоянным курсом, и полученные точки должны были располагаться по прямой, совпадающей по направлению с линией курса, но вместо этого они явно образовывали кривую. Точно так, как это описано в книжке Михаила Михайловича Лескова, бывшего деканом нашего факультета. Это, скорее всего, означало

наличие ошибки в принятом значении поправки компаса. С чего бы это появиться ошибке? А может быть, все-таки действует какое-то неучтенное течение с переменной скоростью, которое сносит нас с линии курса? Фантастика, конечно, но чего только в море не бывает.

Немного подумав, я произвел замысловатую процедуру: сличил показания главного компаса с путевым, установленным в рулевой рубке, пересчитал пеленги на путевой компас и проложил их на карте. Точки легли точно на линию курса. Так, значит, правильны мои первоначальные соображения. Неверна поправка главного магнитного компаса, точнее, та составляющая поправки, которая относится именно к этому компасу, то есть его девиация.

Девиация главного компаса изменилась, а путевого — не изменилась. Почему? Что-то произошло с железом, расположенным вблизи главного компаса. Вспомнился топор Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана». Откуда тут взяться топору? Внимательно оглядываю верхний мостик. Мостик, как это обычно

бывает на нашем небольшом промысловом судне после получения снабжения, загружен бочкотарой, ступить негде, — но ведь бочки деревянные, девиации они не производят. Что еще? Проекторы закреплены в своем обычном положении, снятый с компаса брезентовый чехол штертом подвязан к нактоузу — тумбе, на которой компас установлен, — правильно, чтобы ветром не унесло... В чем же дело, в чем же дело, отчего

девиация может измениться, вспоминай! Изменение расположения грузовой стрелы — нет, стрела закреплена в обычном положении, по-походному. Сварочные работы — нет, не производились. Удар молнии — какая уж тут молния! Со злостью пинаю чехол, привязанный к нактоузу, — ай, больно!

Отворачиваю край брезента — к нактоузу принайтовлен металлический бочонок литров на двадцать! Диверсия! Кто?! Зачем?!!

Непродолжительное следствие открывает истину. Пока мы стояли в бухте Беринга, артельщик, получивший продовольствие, решил спрятать бочонок с растительным маслом на верхнем мостике — то ли чтобы ночная вахта до него не добралась, то ли чтобы он охлаждался на свежем воздухе, — выяснить так и не удалось; а чтобы он не катался при качке, надежно закрепил его...

II

После возвращения в Находку я получил направление на учебное судно «Секстан». Николай Иванович, заместитель начальника мореходного училища, с которым нужно было согласовать назначение, вдумчиво глядя мне в глаза, спросил: «Не хотите ли получить курсантов девиации магнитного компаса? У нас преподаватель уже второй месяц болеет и, судя по всему, еще не скоро поправится. А «Секстан» всю зиму будет стоять у причала в ожидании ремонта. Почему бы вам не попробовать? Как вы относитесь к девиации?»

Как я отношусь к девиации? Положительно я отношусь к девиации. Я изучал ее не в аудитории, а в море, на экспедиционном судне, на котором проходил практику. Учился этой науке у выдающегося специалиста Валентина Петровича Кожухова, и в его изложении это была увлекательная, удивительно стройная и ясная наука. Я мог щегольнуть непонятными непосвященным терминами «флиндерсбар» и «дегауссинг» или поговорками девиационного жаргона: «Встань мордой к норду», «Вест под призму, деньги в карман». Словом, ну как я мог отказаться от такого интересного предложения? Поработаю до весны, а там видно будет.

Николай Иванович не скрывал удовлетворения моим согласием. Я отправился готовиться к занятиям.

III

Для моряков слова «компас» и «компас» обозначают разные понятия: компас устанавливается на морском судне, а с компасом дачники ходят в лес по грибы. Слово «компас» (с ударением на втором слоге) пришло в русский язык, по-видимому, из итальянского. Оно с самого начала употреблялось как название мореходного инструмента и до сих пор применяется в этом значении в морской лексике. Слово «компас» с ударением, на первом слоге, в русском

языке появилось позже — как заимствование, скорее всего, из немецкого.

Русские поморы, ходившие на Грумант и в Мангазею, называли компас «маткой»: «Матка ходит, судно водит».

Откуда взялся магнитный компас?

Толком этого никто не знает. Ссылаются на древних китайцев, на средневековых арабов, у которых «волшебную иглу» переняли рыцари-крестоносцы, но в особенности популярна итальянская легенда о том, как любовь послужила усовершенствованию компаса.

Молодой ювелир Флавио Джийоя из городка Амальфи был влюблен в Анджелу, дочь богатого рыбака Доменико, который не хотел отдавать ее за бедного ремесленника. Часто туман накрывал пролив, отделявший от города остров, на котором жила Анджела. Чтобы в тумане верно провести лодку к любимой, сообразительный ювелир прикрепил к намагниченной стрелке картушку — бумажный диск, разбитый на румбы — деления, отмечающие направления основных сторон света, и промежуточные между ними. Стрелку он поместил на острие вертикальной иглы и уравновесил ее, чтобы она могла свободно вращаться, всегда указывая одним из своих концов на север. Доменико понравилось изобретение; он получил его в подарок от Флавио, а Флавио женился на Анджеле. В честь этого события, которое легенда относит к 1302 году, в городе Амальфи поставлен памятник.

Однако ни эта легенда, ни связанная с нею дата изобретения компаса не имеют научного подтверждения. Пьер Перегрин из Марикурта (где этот Марикурт?) описал подобное устройство компаса еще почти на полсотни лет раньше. Поэт Гюйо Прованский упоминает о компасе за сто лет до приписываемого Флавио Джийоя изобретения, а английский монах Александр Некэм — за сто двадцать лет. Более того, по одной из версий, компас действительно был изобретен в Амальфи, только не ювелиром Джийоя, а неким Гвискарком почти на двести лет раньше. Словом, никакой ясности.

IV

Способ Эри придумал, конечно, Эри. Джордж Биддел Эри, английский астроном, член Лондонского Королевского общества (по российским понятиям, академик), в те годы директор Гринвичской обсерватории. Способ оказался настолько удачным, что, начиная с его первого применения в 1838 году, он продолжает оставаться основным способом уничтожения наибольшей части девиации.

Как раз со способа Эри мне и предстояло начинать свою преподавательскую деятельность.

Я засел за книги.

Как всё просто казалось в изложении Валентина Петровича и как всё сложно в собственной интерпретации! Практическую часть способа я знал, что называется, на зубок, а вот с теорией оказалось куда слож-

нее. Собственно говоря, понимать-то я все понимал, но воспроизвести самостоятельно эту карусель магнитных сил, изменяющих направление с изменением курса, было так трудно!

Когда, наконец, вроде бы запомнил правило определения направления каждой силы, возникло новое препятствие: надо было на чертежах соблюсти соразмерность изображений этих сил. А у меня то одна линия накрывалась другой так, что нельзя было разобрать, где какая сила, то на одном чертеже силы в их многоугольнике я располагал в одной последовательности, а на другом — в другой, и никакого обоснования способа не получалось...

Сказать, что я волновался, входя в первый раз в учебный класс, — значит, ничего не сказать. Главное, я не знал, что делать с руками: вытянуть ли их по швам, скрестить на груди или, может быть, сцепить пальцы за спиной? А можно ли ходить вдоль доски, или, наоборот, надо замереть у преподавательского стола? Я старался об этом не думать, но никак не получалось. Звук собственного голоса казался чужим, как бы долетавшим откуда-то со стороны. Особенно противно было то, что во рту пересохло.

Однако курсанты смотрели на меня с дружелюбным любопытством, и я, сам недавний курсант, использовал приемы, вводившие урок в обычное русло: рапорт дежурного, проверка присутствующих по списку, тема урока... Всё, всё, кажется, пошло. Итак, полукруговая девиация, способ Эри, его назначение и условия его применения...

Но не тут-то было. Надо делать чертежи на доске, а как их на ней разместить? Да, нужно сделать четыре чертежа, но на доске все четыре явно не поместятся. Может быть, сделать чертежи поменьше размером? Но тогда трудно будет на них что-нибудь разобрать. Или рисовать чертежи по одному, стирать с доски и выполнять следующий чертеж? Нельзя, ведь доказательство заключается в сопоставлении чертежей... Кажется, на лбу у меня выступила испарина. Как бы ее стереть, чтобы курсанты не заметили? А что я сейчас должен нарисовать? Ах, вот эту... нет, вот эту силу... А куда она направлена? Скорей вспоминай, курсанты ждут, на тебя смотрят. Не помню, ничего не помню... какой ужас, я все позабыл!!! Вспоминай, вспоминай... Лихорадочно рисую что-то на доске — нет, не то, тут же стираю. Может быть, заглянуть в конспект? А что я позабыл? Нет, и этого не помню.

Выручает веселый курсант с первой парты — уж на всю жизнь запомнилась его редкая фамилия — Комиссар. Он, оказываясь, следил за моим доказательством и все понял, какие и как должны располагаться силы. Он диктует мне название силы и ее направление, и я, стремясь сохранить независимый вид,

в точности следую его подсказке. Уф! Далее следует практическая часть способа. Я с гордостью выпаливаю чуть ли ни зарифмованный порядок действий: «Лечь на курс норд магнитный, определить на этом курсе девиацию и перемещением поперечных магнитов довести ее до нуля...»

V

Как говорится, лиха беда начало. Арчибальд Смит и Иван Белавенец тоже, должно быть, начинали «с нуля».

Девиацией пришлось заняться всерьез в середине XIX века, когда на смену дереву в качестве основного судостроительного материала пришло железо. На железных судах стрелка компаса могла показывать направление, далекое от северного, вплоть до того, что вместо севера указывала на юг. Иногда она вела себя вообще непредсказуемым образом: на каком-нибудь курсе безвольно замирала на произвольном показании, перестав «чувствовать» север. Французским физиком и математиком Симеоном-Дени Пуассоном были выведены уравнения, которые выражали физическую сущность воздействия магнитного поля Земли и судового железа на компас, но они были неудобны для вычисления величины девиации в зависимости от курса судна.

Арчибальд Смит, адвокат по профессии и математик по призванию, занимался вопросами морского страхования. Обратив внимание на аварии судов, вызванные неправильными показаниями компаса, он без труда установил, что законы, по которым ведут свой хоровод магнитные силы, изучены совершенно недостаточно.

Смит нашел такой способ преобразования уравнений Пуассона, который позволил в наглядной и удобной для практического анализа форме описать поведение магнитного компаса на судне.

В результате выполненных им преобразований стало ясным и понятным, чем надлежит компенсиро-

вать влияние на компас различных видов судового железа. Он вывел формулы, по которым можно вычислить величину девиации для любого курса. В результате его исследований моряки получили практическое руководство по определению девиации, составлению таблицы девиации и учету ее при плавании. Труды Арчибальда Смита, магистра искусств и доктора права, в области девиации были отмечены благодарностью британского правительства и властями многих стран мира. Он стал членом Королевского общества. За успехи в создании теории девиации Арчибальд Смит был награжден русским императором Александром II большим золотым жетоном в виде компаса, украшенного бриллиантами на каждом из 32 румбов его картушки.

Такую же награду получил офицер российского флота Иван Петрович Белавенец.

Когда он встретился с Арчибальдом Смитом на Лондонской всемирной выставке магнитных компасов, ему было что рассказать своему британскому коллеге. Белавенец участвовал в знаменитом плавании на фрегате «Паллада», исследовал дальневосточные моря на шхуне «Восток», в Крымской войне получил ранение на севастопольском бастионе. В длительной служебной командировке изучил постановку магнитно-компасного дела в Северо-Американских Соединенных Штатах и в качестве штурмана обеспечил переход в Россию фрегата «Генерал-адмирал». Во всех своих плаваниях он выполнял наблюдения за магнитным полем Земли и девиацией компасов.

Посланный в Англию для установки компасов на строившейся там броненосной батарее «Первенец», Белавенец тщательно исследовал магнитные условия в тех местах корабля, где предполагалась установка компасов, и обнаружил, что девиация в этих местах может достигать таких больших значений, при которых компасами будет практически невозможно пользоваться. Для уменьшения девиации он применил метод перемагничивания судового железа. Еще издавна было известно, что предметы из железа, в течение долгого времени лежащие в одном положении, приобретают намагниченность в направлении север-юг. По указанию Белавенца корабль после спуска на воду был установлен для достройки на курс, обратный курсу при построй-

ке на стапеле. Магнитное поле Земли стало действовать на корпус корабля в противоположном направлении, уменьшая первоначальную намагниченность. Благодаря этому девиация в местах установки компасов уменьшилась до приемлемых значений. Англичане запрашивали за страховку броненосной батареи при проводке ее на Балтику около ста тысяч рублей золотом, но работы Белавенца позволили отказаться от страховки и сэкономить эту огромную по тем временам сумму.

Белавенец был первопроходцем в решении вопросов, связанных с работой магнитных компасов в тяжелых условиях, разработал прибор, позволяющий оценить воздействие судового железа на компасную стрелку, и с его помощью обеспечивал выбор наиболее благоприятных мест для установки компасов на корабле. Ему принадлежит первенство в установке компаса внутри подводной лодки, там, где железные массы окружают магнитную стрелку со всех сторон и ослабляют воздействие на нее магнитного поля Земли. Даже правительство далекой Португалии воспользовалось консультацией Ивана Белавенца при установке девиационных знаков в Лиссабоне.

Арчибальд Смит, с которым Белавенец после встречи в Лондоне продолжал поддерживать отношения, одобрил нововведения, сделанные им, а тот, в свою очередь, перевел его работы на русский язык, прокомментировал и дополнил.

Одним из главных достижений короткой жизни Ивана Петровича было создание им морской компасной обсерватории. Там производились проверки компасов, определялась девиация на судах, выходящих из Кронштадта, и выполнялись экспериментальные исследования. Чтобы облегчить определение девиации, на стенку Купеческой гавани Кронштадта были нанесены знаки, обозначавшие направления с внешнего рейда на трубу Морского завода.

Уже второе столетие суда, выходящие в плавание из Петербургского порта, определяют девиацию, используя знаки, придуманные Белавенцем.

VI

Через несколько лет я перешел на работу в один из морских вузов Владивостока, и одной из первых задач, вставших передо мной, стало создание своего рода компасной обсерватории — кабинета девиации для практических занятий с курсантами и проведения задуманных исследований. Помощником мне в этом деле был учебный мастер, которого все, от ректора до курсанта-первокурсника, называли дядя Коля.

Я уже не первый год знал дядю Колю, еще с тех времен, когда он в звании мичмана служил в военном-морском училище. Там он тоже обеспечивал работу кабинета девиации. И технические средства, и методика девиационных работ были ему хорошо известны. Порученное дело он выполнял, не требуя пояснений, поэтому я надеялся положиться на него, как на квалифицированного специалиста.

В кабинете девиации нужно было установить на поворотных платформах, с помощью которых имитируется изменение судном курса, 6-8 магнитных компасов. Чтобы исключить взаимное влияние компасов друг на друга, одна платформа должна отстоять от другой на расстоянии не менее трех метров. Я присмотрел просторную аудиторию на шестом этаже и не без труда получил от руководства разрешение на установку в ней компасов.

Ах, как нравилось мне новое помещение! К стенам прикреплены миниатюрные девиационные знаки. В два ряда расставлены новенькие платформы. На каждой закреплена тумба, на морском языке именуемая нактоузом. В верхней части ее в кардановом подвесе помещен котелок компаса — латунный сосуд, в котором находится в жидкости картушка. Жидкость нужна для того, чтобы картушка с прикрепленной к ней системой магнитных стрелок как можно меньше давила на шпильку — вертикальную иглу, на которую она посажена. За счет этого уменьшается трение между топкой — выточенным из агата цилиндром, закрепленным в центре картушки, и шпилькой, и тем самым повышается чувствительность компаса. В качестве компасной жидкости применяется не замерзающий на морозе водный раствор этилового спирта — та же водка, только чуть более крепкая, чем обычная сорокаградусная. Ее, компасной жидкости, в каждой котелке содержится без малого полтора литра.

Котелки только что прошли профилактический ремонт в навигационной камере порта, полностью залиты компасной жидкостью, а пробки, закрывающие отверстия, через которые производится доливка, маркированы киноварью, чтобы никакой злоумышленник не мог незамеченно вскрыть котелок.

Дядя Коля рассказывал в потайные местечки нактоузов маленькие магнитики, которые должны создавать в центре картушки магнитное поле, имитирующее магнитное поле судна. Хотя размеры магнитиков

несопоставимо малы по сравнению с размерами судна, зато они находятся совсем рядом с картушкой и производят такое же действие, что и огромные массы судового железа.

Итак, первое практическое занятие в новом кабинете — уничтожение девиации способом Эри. Курсанты по два-три человека распределены по компасам, всё идет в обычном порядке. То одна, то другая группа громкогласно жалуется: «Владимир Вениаминович, у нас не получается!» Что же, дело обычное, с первого раза редко у кого всё выходит правильно. Подхожу, объясняю, показываю, — вроде бы уничтожение девиации курсанты проделали правильно. Переходим ко второй части работы — определению девиации на восьми компасных курсах. Успокоенные моим одобрением, курсанты уже не оглашают аудиторию жалобами, но вижу, что при выполнении этой нехитрой части работы что-то не вяжется. В группах происходит взволнованное обсуждение каждого наблюдения, один курсант сменяет другого на месте наблюдателя: «Ты посмотри!..» — «Нет, ты сам посмотри!..»

«Ребята, в чем дело? Что случилось?» «У нас отсчеты не получаются!» Что за нелепость, как могут «отсчеты не получаться»? Любкой отсчет по картушке компаса, когда платформа неподвижна, — величина вполне определенная, считывай да записывай ее значение. «Мы так и делаем, но не получается».

Подхожу к ближайшему компасу, навожу пеленгатор — устройство для определения направления — на девиационный знак, — всё нормально, отсчет как отсчет, что тут может не получаться, — и вдруг... неподвижная только что картушка компаса — поехала! Она отклонилась на несколько градусов в одну сторону, чутко помедлила — и пошла в противоположную! Лихорадочно перелистываю в памяти чуть ли ни все 600 страниц всеобъемлющего учебника профессора Рыбалтовского «Магнитно-компасное дело» — нет в нем такого явления! Еще раз смотрю: картушка постояла-постояла, а потом снова поехала — сначала в одну сторону, после в противоположную. «А ну-ка, — команду, — встаньте к компасам и последите за картушкой! Куда картушка пошла?» Дружный хор голосов: «Впра-а-аво!» «А теперь куда?» «Вле-е-ево!» С улицы доносится звонок тронувшегося с остановки трамвая. «Впра-а-аво!»

Все ясно. Я не прав — есть такое у Рыбалтовского! Внизу, напротив здания нашего вуза, находится остановка трамвая. Когда трамвай трогается с места, возникает мощный пусковой ток, который является источником магнитного поля. Сила этого поля столь значительна, что даже здесь, на шестом этаже, оно ощутимо воздействует на магнитный компас, который, в сущности, представляет собой его чувствительный индикатор. Эх, как жаль, что такую хорошую аудиторию придется оставить.

Несколько дней подряд я перемещаюсь по удаленным от трамвайных путей частям нашего здания и выполняю магнитные наблюдения с целью выбора подходящего места для развертывания кабинета

девиации. Задача, прямо скажем, нелегкая, — ведь все помещения заняты, свободных аудиторий нет. Наконец, на третьем этаже нахожу комнату с окнами, выходящими на внутренний двор. Это устроенная недавно по распоряжению ректора курилка — помещение, впитавшее запах дешевых сигарет. Ясно, что никакого другого мне не найти. Дядя Коля вставляет в дверь новый замок, ключи от которого имеются только у нас, наводим в комнате возможный порядок и перетаскиваем в нее оборудование. Число рабочих мест пришлось, конечно, сократить, но зато влияние трамвая практически не ощущается. Правда, когда во двор въезжает автомашина, картушки компасов чутко на нее реагируют, но ведь машины въезжают не так уж часто.

Практические занятия по девиации проводились в течение одного семестра учебного года, а на свободный от них семестр котелки компасов убирали в подсобное помещение, подальше от греха.

Дядя Коля нередко стал в течение рабочего дня куда-то исчезать, чтобы потом появиться с изрядным запахом какой-то гадости и в том смурном состоянии, когда с трудом ворочал языком. Мои душеспасительные беседы мало помогали. Учебный мастер неизменно со мною соглашался, бурчал извинения, отводя мутные глаза в сторону, но потом опять заметно исчезал.

Однажды, когда мы начали готовить кабинет девиации к очередному циклу занятий, я обратил внимание на странное поведение картушки, которая при всплывала и покачивалась при вращении котелка. Второй, третий котелок — то же самое. Марки на пробках отверстий для доливки компасной жидкости — на месте. Вывинчиваю пробку, капаю на ладонь — никакого запаха, вода, она и есть вода.

Эх, дядя Коля, дядя Коля. Я-то полагался на твою профессиональную честность. А твой профессионализм заключался только в том, что, вылакав содержимое котелка, ты заливал его из водопровода и аккуратно маркировал пробку киноварью. Сколько их было у нас — котелков с компасной жидкостью? Почти полтора десятка. Еще нетронутыми остались лишь два-три котелка. Значит, так. Купишь питьевой спирт, по ареометру доведешь раствор до нужной крепости, зальешь котелки, а засим — прощай. Ищи себе другую работу. В этом случае все произошедшее останется между нами.

Нужно было видеть, с каким мученическим выражением на лице дядя Коля разводил питьевой спирт в большой стеклянной посудине, взятой, как и ареометр, напрокат на кафедре химии. Я лично проверил заливку всех котелков.

Дядя Коля вскоре уволился, на прощание снова осушив два котелка и оставив в них вместо спирта воду из-под крана.

VII

Однажды летом мне предложили поработать девиатором в морском рыбном порту. Предполагался

наплыв заявок в связи с выходом в промысловые экспедиции большого числа судов, а тут как раз один девиатор всерьез заболел, другой ушел надолго в отпуск. Я был не против попрактиковаться во время своего отпуска, а заодно проверить некоторые свои разработки.

В редком словаре встретишь значение этого слова: «ДЕВИАТОР — должностное лицо (навигационной камеры морского порта. — В.В.), отвечающее за проведение работ по определению и компенсации магнитной девиации компасов и радиодевиации радиопеленгаторов».

Девиаторы, как правило, — это судоводители, иногда — окончившие специальные курсы. Вообще-то девиационные работы должен уметь выполнять любой судоводитель, но девиатор обладает лучшими профессиональными навыками в их выполнении, знает местные условия девиационного полигона, на котором происходит маневрирование при проведении работ, а кроме того, некоторые работы выполняются на берегу, где есть необходимое оборудование, отсутствующее на судах.

Каким отдыхом для души была работа девиатора после многомесячного пребывания в душной, замкнутой аудитории! Прихватив портфель, в котором пара отверток, фигурный пеленгаторный ключ, ключ для нактоуза — всё из немагнитных материалов, инклинатор — прибор для уничтожения так называемой креновой девиации, поутру выходишь на разъездном катере или на самом обслуживаемом судне на зеркальную гладь Амурского залива. Небо безоблачно-голубое отражается в такой же голубой воде, в стороне неподалеку сонно покачиваются на легкой зыби лодки рыбаков. В прицеле пеленгатора на одну прямую с белой башенкой Токаревского маяка приходят одно за другим светлые пятнышки девиационных знаков, установленных на зеленом берегу Русского острова. Перемещаешь магниты вверх или вниз, добываясь нужного отсчета, записываешь показание на пластмассовую пластиночку, а потом в рубке быстро рассчитываешь таблицу девиации для каждого компаса. Третий помощник капитана повесит таблицу над штурманским столом, и ею будут пользоваться для расчета курсов по крайней мере полгода, а может быть, и больше.

По сохранившейся с незапамятных времен традиции, девиатора принято угощать — чашкой кофе или хорошим обедом. Частенько предлагают стопку-другую. Вообще-то отказаться от подношений порой бывает очень трудно. Капитан одного небольшого сейнера прямо-таки насильно втиснул в мой девиаторский портфель полдюжины свежих камбал из его последнего улова. Так и вез я этих остро пахнущих иодом рыбин через весь город.

Как-то старший девиатор Серафим Петрович предложил мне и работающему вместе со мною стажеру Саше отправиться с ним на очередное судно. «Что же, — подумал я, — наверное, это какая-нибудь крупная плавбаза, Петровичу нужна помощь». Мы с Сашей немало удивились, когда Серафим Петрович

подвел нас к ошвартованному у причала небольшому буксирному катеру, который принадлежал расположенному неподалеку от города рыбокомбинату. Капитан Беленький был старым знакомым нашего предводителя, и они не без удовольствия предались каким-то общим воспоминаниям. Впрочем, разговоры — разговоры, а дело — делом. Серафим Петрович не стал выводить катер на девиационный полигон, решил «прокрутить девиацию» прямо в проливе Босфор Восточный, в районе якорных стоянок судов, ожидавших подхода к причалам, используя заветные, ему ведомые ориентиры. Сам Серафим Петрович встал к главному компасу, находящемуся на верхнем мостике, я — к путевому в рулевой рубке, а Саша записывал отсчеты и тут же вычислял таблицу девиации. По правде говоря, вся эта работа и одному старшему была бы необременительна.

Недоумение мое рассеялось, когда после окончания показательного девиаторского действия Беленький пригласил нас пообедать, извинившись, что на его буксире нет не то что кают-компании, но даже маломальской столовой команды. «Так что уж присаживайтесь на банкетки прямо на кормовой палубе, Семеновна вас угостит».

Семеновна, мощная женщина лет пятидесяти, которой очень нравилась роль гостеприимной хозяйки, без натуги поднесла двадцатилитровую алюминиевую кастрюлю, нагруженную роскошными, в оранжево-розовых панцирях ножками отборных крабов. Серафим Петрович подал пример. Вскрывая ножками панцирный покров, мы извлекали из него нежное мясо и со вкусом поглощали эту деликатесную пищу. «Кушайте, кушайте, — подбодряла Семеновна, — я еще принесу». И действительно, возле входа в камбуз уже стоял эмалированный таз, наполненный только что сваренными крабовыми лапами...

Но это, как говорится, был час потехи, время же было отдано делу. Суда, большие и маленькие, неповоротливые плавбазы и юркие сейнеры, работяги-траулеры и интеллигентные транспорты сменялись одно за другим. Иногда приходилось прямо на девиационном полигоне переходить с одного судна на другое.

Если какое-то из судов запомнилось, то разве что по какому-нибудь необычному обстоятельству. Например, на одном из транспортных рефрижераторов был установлен компас иностранной фирмы, который девиаторы между собой называли «дырочным». Чаще всего магниты, с помощью которых уничтожается девиация, закрепляются на компасах в каретках,

которые могут плавно перемещаться вверх и вниз по трубе девиационного прибора. А у «дырочного» компаса магниты вкладываются в отверстия, просверленные на вертикальных планках. Поэтому для точного уничтожения девиации приходилось вставлять магниты в отверстия и вытаскивать из них, подбирая наиболее подходящее их сочетание, причем делать это, наподобие фокусника-престидижитора, быстро, пока судно подходит к линии створа и пересекает ее.

В другом случае на транспорте, направлявшемся в рейс на Чукотку, на главном компасе настолько проржавели закрепленные под котелком компаса железные пластины, что они отвалились, едва я к ним прикоснулся. Капитан умолял пренебречь этой «мелочью» и поскорее дать ему какую-нибудь таблицу девиации. К сожалению, он не представлял себе последствия произошедшего: отсутствие этих пластин

при плавании в высокие широты грозит неконтролируемым изменением девиации, что, конечно, недопустимо. Пришлось отложить выход судна в рейс до того времени, пока не будут выполнены специальные наблюдения в навигационной камере для подбора новых пластин.

Были и иные казусы. Приступая к своей работе на одном сейнере, на борт которого я перешел с другого судна прямо на девиационном полигоне, я обнаружил, что картушка компаса... не вращается. Оказалось, что шпилька, на которой должна вращаться картушка, насквозь проткнула топку — подпятник в центре картушки, и картушка была насажена на шпильку, как утка на шомпол у барона Мюнхгаузена. По-видимому, штурман или матрос, который нес ящик с котелком компаса из ремонта в навигационной камере, по какой-то неизвестной причине уронил его, и вот теперь снова нужно отдавать котелок в ремонт.

Гурий Евстратович Жалейский был неплохим девиатором. Его высокая худощавая фигура, короткая челка седых волос, обветренное лицо с красными прожилками на щеках, детский взгляд светло-голубых глаз, как и его рассудительная доброжелательная речь, вызывали симпатию — до тех, однако, пор, пока он не садился на своего излюбленного конька и тем же ровным, даже монотонным голосом начинал поносить своих девиационных недругов. Я вначале не очень вникал в существо его филиппик, не без оснований считая, что речь идет о старых счетах с его бывшими коллегами, которые меня не очень-то интересовали. Настораживало, пожалуй, лишь то, что время от времени в его монологах проскальзывало слово «изобретение». А до меня уже доходили высказывания его бывших сослуживцев насчет того, что Гурий Евстратович где-то прослышал: если он сделает изобретение и оно будет принято, то ему в награду дадут миллион. Поэтому, дескать, он и донимал начальство просьбами рассмотреть его «изобретение». Я считал эти рассуждения ехидной шуткой и не придавал им значения. До тех пор, пока мне на отзыв не была направлена папка с предложениями Жалейского.

Я внимательно изучил содержимое папки. Большая часть писаний этого пожилого человека представляла собой личные выпады против его бывших коллег, что, конечно, не имело никакого отношения к теории девиации и тем более к изобретениям. Лишь один фрагмент выпадал из общего содержания его сочинения. Жалейский заметил, что в результате обработки наблюдений по стандартной схеме появились небольшие «остатки», в чем он усмотрел некую закономерность. Он построил фантастическую «теорию», по его мнению, объяснявшую замеченную им «нестыковку». По этой теории, магнитное поле располагалось над поверхностью Земли «слоисто» и имело на уровне главного судового компаса одни характеристики, а на уровне расположенного ниже путевого компаса — другие. Мало того, он утверждал, что обнаружил «ползучесть» магнитного поля, характеристики которого якобы быстро изменяются во времени. Виной всему этому являются магнитные бури, которые изменяют магнитное поле Земли «ползуче» и «слоисто». Жалейский не приводил никаких доказательств в обоснование своей абсурдной «теории». Что и говорить, придуманные «магнитные бури» не имели никакого отношения к реально существующим явлениям под этим названием. Со времен Арчибальда Смита было ясно, что эта мнимая «закономерность» представляет собой всего лишь определенное проявление математического представления результатов наблюдений. Но в сознании бедного девиатора математика существовала как бы сама по себе, не имея никакого отношения к явлениям действительности, а попытки разъяснить ему реальные причины замеченного им явления оказалось делом невозможным еще и потому, что он, как утверждали злые языки, воспринимал критические замечания как попытку умыкнуть у него этот самый «миллион».

Спустя лет пятнадцать в одной высокой московской инстанции мне вручили пакет и попросили дать отзыв на содержащиеся в нем предложения. В пакете оказались все те же бумаги Гурия Жалейского, даже не переписанные с той поры. Разве что добавилась жалоба на меня...

IX

Хотя магнитный компас до сих дней остается неизменной принадлежностью всякого морского судна, его значение, конечно, чрезвычайно снизилось по сравнению с временами Христофора Колумба, о которых говорили: «Компас — инструментик маленький, но благодаря ему была открыта Америка».

Я не выбирал девиацию — девиация выбрала меня, в общем-то, благодаря случайному стечению обстоятельств. Так получилось, что значительную часть своей жизни я отдал этой довольно узкой сфере деятельности. Жалеть ли мне об этом?

Память снова фокусирует на мне взгляды тысяч пар глаз, следящих за анализом уравнений Пуассона или обоснованием способа Эри. Это я передал штурману, который прокладывает на карте курс судна и исправляет его поправкой на девиацию, эстафету, идущую от Смита и Белавенца, Колонга и Рыбалтовского, Лескова и Кожухова.

Когда траулер снимался с промысла в Тихом океане, чтобы следовать в родной порт, обнаружилось, что неизвестна ни поправка гирокомпаса, ни девиация магнитного компаса, а сплошная облачность не позволяла определить их значения. Понимание закономерностей изменения девиации позволило мне предложить способ определения этих величин, который я тут же применил. Примерно через сутки погода улучшилась, удалось получить их значения по небесным светилам. Величины, рассчитанные мною ранее, в точности совпали с ними.

На транспортном рефрижераторе при качке было невозможно использовать магнитный компас, так как его картушка «ходила» вправо и влево с размахом в два десятка градусов. Ничего не удалось достичь классическими методами. Я обратился к теории девиации, проанализировав на ее основе ситуацию, выработал порядок действий, следуя которому, через пару минут «успокоил» картушку.

«Лямбда аш» — так называется в теории девиации сила, которая стремится направить компасную стрелку на север. Чем больше «лямбда аш», тем надежнее работает компас, тем лучше он противостоит воздействию вредных сил, стремящихся отклонить компас от меридиана, создающих девиацию. Действие этого постулата распространяется далеко за рамки магнитно-компасного дела.

В жизни каждого человека должен быть свой направляющий вектор, своя «лямбда аш». Чем больше его величина, тем увереннее противостояние всяким вредным воздействиям, тем меньше жизненный путь подвержен девиациям — отклонениям от правильной линии, от должного направления.

Анастасия КИНЯЕВА

* * *

Солнце скрылось — время позднее.
Тихий стук опять услышу —
Это плачет небо звёздами,
Сев верхом на гребень крыши.

И опять, звеня, срываются
Капли с кромки черепицы,
С ватной тишиной мешаются,
Растворяя небылицы.

Тихим щелканьем сандалии,
Звонким маршем по карнизам
Разольется плач усталый —
Плачет кто-то в небе сизсм.

Просто чьё-то сердце бьётся
Ясным громом над землёю.
Но никто не обернётся,
Но никто не успокоит.

На окне пишу я строки,
А ответ - читаю в лужах.
Небу тоже одиноко,
Небу тоже кто-то нужен.

* * *

Я не продам свою мечту,
Не разменяю вдохновенье —
Пьянят и манят в высоту
Игры со звуками мгновенья.

Расстаться с этим? Нет, не хочу.
Настолько мило мне и сладко это.
Возможно, я за это заплачу,
Чтоб хоть ещё часок побыть поэтом.

* * *

Я не горю, я тихо тлею,
Я таю в солнечной пыли,
Последний огонек лелею...
Зачем меня вы подожгли?

Вы не хотели ни минуты
Купаться в клочьях моего тепла,
О да, вы разожгли меня кому-то,
Но я того «кого-то» не нашла...

Я не горю, я тихо догораю,
Одно спасенье — все сжигать вокруг,
Зачем меня зажгли, не понимаю,
Зачем я не согрела чьих-то рук?..

* * *

А я и не знала, что небо бывает таким,
Таким необъятным, таким безгранично зовущим.
И я трепетала, а солнца засвеченный нимб
Запрятался не далеко, но в самую душу.

И я улыбалась, и таяла льдинка луны
В розовой луже из снега и листьев рябины,
И в сердце врывались забытые некогда сны,
Ложились в ладони колючим комком паутины.

И мне не хотелось летать, мне хотелось застыть,
Застыть, изнывая от сладко-щемящих томлений,
И, нет, не хотела я стать, мне достаточно быть,
Но только частицей рассветной сжигающей пены...

Ночному вдохновению.

Я чувствую, как ты идешь,
Ко мне садишься на кровать.
Когда такой зовущее дождь,
Я не умею засыпать.

Я робко, слов не говоря,
Пытаюсь разглядеть лицо.
В который раз ты шепчешь: «Зря,
Ну... не сейчас, в конце концов».

Твой голос мне не разобрать,
Песчаный шепот, крик — струна,
Хотя, к чему ответ искать?
Твой голос — это я сама.

Что есть во мне — тебе дарю,
Да, я в твоих руках, я знаю:
Целуешь губы — говорю,
Целуешь веки — засыпаю.

Я так боюсь тебя спугнуть,
О, собеседница души,
Ты даришь мир, ты даришь путь
Своим застенчивым «Пиши»...

* * *

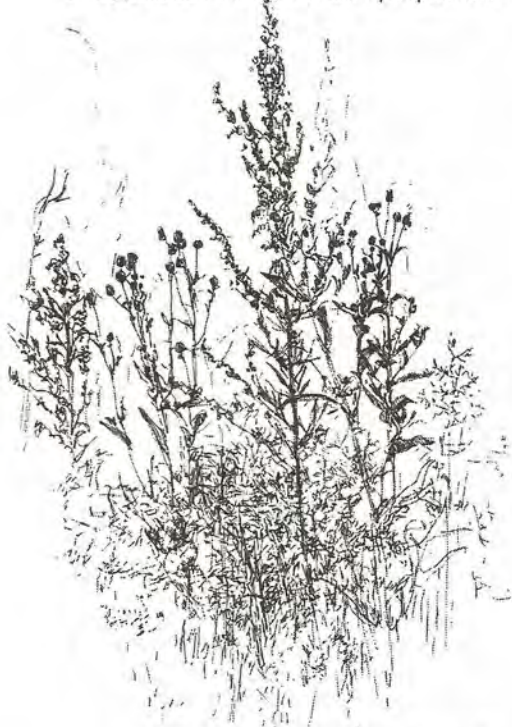
Я люблю тебя, родной город!
Как ты тихо по ночам плачешь,
Когда слышится кругом шорох.
То ли листьев, то ль твоих платьев.
Я хочу понять твои песни,
Что поются с каждым днем тише.
Меж пролетами пустых лестниц
Их не каждому дано слышать.
Я хочу заснуть в твоих соснах,
Чтобы в небе, словно снег, таять,
Чтоб ладони протянуть солнцу,
Разгоняя облаков стаи.
Я хочу быть фонарем рыжим,
Чтоб всю ночь светить твоим людям,
Чтоб смотреть, как темнота дышит,
Разводя из мутных звезд студень.
Небо стало для тебя крышей,
Смотрит прямо в глаза прохожим.
С каждым днем я становлюсь чище,
Оттого, что я твоя тоже.

Всё, что любила,
Всё что забыла —
 Бред.
Всё, что искала,
Ни много, ни мало, —
 Свет.
Всё, что имела Крошкой мела
 В пыль.
Всё, что мечтала,
Что не сказала —
 Быль.
Всё, что искала,
Всё, что теряла —
 Нить.
Всё,
Что забыла,
Всё, что любила —
 Жить.

Я — весенний звон,
Барабана стук,
Выбиваю марш,
Чтобы устоять,
Я порвала сон,
Я сломала лук,
Нету больше стрел,
Не могу стрелять.
Я — беззвучный крик,
Шепот в небесах,
Тот, что часто мы
Называем гром,
Я седой старик,
С грустью на руках,
Может быть, еще
Малость проживем.
Я иду с утра,
Будто по ножам,
Будто по ножам,
Чтоб встречать рассвет,
Села у костра,
Все сказала вам,
Но своим словам
Я не верю, нет.
Сотню горьких дней
Дарит мне весна,
Я на пики звезд
Упаду опять,
Тысяча огней
Пусть горит без сна,
Буду строить мост,
Буду убегать.
Сотня неудач
Стаей белых птиц
Проливает кровь
От твоей стрелы,
Никогда не плачь,
Не мочи ресниц,
Лето встретит вновь
Запахом смолы.

Ветер белой пеленою
Рвёт и путает ресницы,
И в глазах, и за спиною —
Бесконечные зарницы.
Мир и сердце разрывает
Крик не радости, не боли.
Небо, как дитя, рыдает
Слезами морей без соли.
В диком смехе, жгучем смехе
Тучи разевают пасти.
Здесь, в начавшейся потехе
Жизни — карты разной масти.
Дождь перебирает чётки,
Слышно даже искр скрежет.
До болезненности чётко
Свет глаза как бритва режет.
Страшно, а душа ликует,
С телом побеждая в споре —
Пусть же бешено танцует
Буря в сердце, буря в море!

Слова, как хлопья снега на губах,
Хотя и обожгут — напоят влагой,
Всей искренностью, доблестью, отвагой
Оставят мне дорожки на щеках.
Я их, нетерпеливая, ловлю,
Хоть ими, знаю, можно захлебнуться,
Но я в огне горю, мне в них бы окунуться,
Я ветер их не разметать молю,
Глотаю их по каплям, мелко, часто
Пытаюсь их попробовать на вкус,
Я вся дрожу, я к ним душою рвусь,
Я задыхаюсь в них, но как прекрасно...

Художник Ирина Овсянникова.

Будет ли золотым Золотой Камень?

Известно, что начало горнозаводской деятельности в Богословском округе положил Верхотурский купец Максим Михайлович Походяшин. При нем и его сыновьях в Богословском округе было открыто 160 медных месторождений, 40 — железных, 1 — каменноугольное и 1 — свинцовое.

Походяшиным были объявлены и месторождения цветных камней таких как: малахит, азурит, агат, яшма. Но об открытии месторождений золота почти никаких сведений нет, хотя в действительности в этом направлении им велась бурная деятельность.

В свое время этим вопросом занимался историк Н. Чулиин и в его архивах сохранилась большая подборка материалов. Обидно, что материалы, так скрупулезно собранные, остаются без внимания до настоящего времени.

В этом году исполняется 235 лет со дня открытия первого коренного месторождения золота на Северном Урале. В следующем году будет отмечаться 180-летие со дня рождения Н. Чупина. Поэтому есть повод — довести до читателей материалы подобранные Н. Чупиным. (ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 187).

Бытует мнение, что золото на Северном Урале было найдено только в начале XIX века. Оно ошибочно. Первое золото было найдено в 1768 году в верховьях реки Оленьей (у подножия горы Кумбы)*. Его нашли рудознатец Григорий Посников и верхотурский купец Петр Енталцов. После находки первого месторождения они стали вести поиски по всему Богословскому округу. В результате было найдено еще несколько золотосодержащих месторождений. Но по каким-то причинам промышленной разработки золота при Походяшине так и не произошло.

Рудознатец Григорий Посников работал у Походяшина более 13 лет (с августа 1754 г. по июнь 1768 г.). За это время он открыл 10 медных

и 7 железных приисков. От Походяшина получал довольно хорошую плату — 300 рублей в год. Но в 1768 году он тайно бросает работу у Походяшина и переключается на поиск золота. Себе в компаньоны берет верхотурского купца Петра Енталцова. И в этом же году они объявляют о находке трех месторождений золота.

С этим открытием Енталцов и Посников направляются прямо в Тобольск к енисейскому губернатору Чичерину. Вслед за ними Походяшин также посылает письмо Чичерину. В нем он сообщает, что Енталцов и Посников нашли золото недалеко от Петропавловского завода, и делают это не для того, чтобы найти разные металлы, а для того, «...чтобы тем самым сделать моему заводу помешательство».

Испытав руды в лаборатории и найдя в одном из них (с горы Кумбы) знак золота, канцелярия повелела им доставить для испытаний большее количество руды.

Походяшин, чтобы вернуть Посникова к себе и приостановить их поиски, пишет письма во все инстанции: Чичерину, в канцелярию Главного заводов правления и в другие места. Он сообщает, что Посников взял у него много товаров и не рассчитавшись с ним, ушел. Предлагает задержать Посникова и направить к нему.

Но находка золота являлась неординарным событием, и, конечно, никто не стал задерживать Посникова. Наоборот, ему выдали билет для поиска и добычи металлов.

На следующий год Посников и Енталцов снова доставили руду в лабораторию. Испытав ее, лаборатория объявила, что в образцах с горы Кумбы золота нет.

Такое заключение вызывает подозрение.

* Раньше под Кумбой понимали горный массив, который простирался до реки Сосьвы и включал в себя вершину, которую впоследствии стали называть «Золотым камнем».

Тропой поиска

Если в первый раз было представлено всего 2 фунта руды и в ней был обнаружен знак золота, то почему же в пудах руды из этого же месторождения золота не оказалось? Вызывает подозрение и следующий факт: когда на месторождение поехал П.Паллас, то проводник, предоставленный от Петропавловского завода, повел его по болоту и по труднопроходимым местам. В результате Паллас добрался до прииска лишь поздно вечером и, не обследовав его как следует, вынужден был покинуть это место.

Аналогичный случай произошел и с другим месторождением. В образцах, доставленных в канцелярию Ентальцовым и Посниковым в 1769 году, золото было найдено на месторождении, расположенном в 13 верстах от Тылайского зимовья – на Белом камне (Кваркуше). В образце оказался знак крупного золота. Для осмотра месторождения был направлен маркшейдер Стефан Вонявин. Образцы, доставленные им в лабораторию, были испытаны, и в них вновь не оказалось золота, хотя П.Паллас, побывав на нем, сразу же обнаружил в кварце драгметалл. На другой год для разработки этого месторождения были направлены люди, но вскоре они объявили, что золотоносная кварцевая жила выклинилась, и работу прекратили. Паллас был не согласен с таким заключением и считал месторождение перспективным.

Видимо, события складывались так, как этого хотел Походяшин. Оба месторождения были признаны неперспективными.

Но упорство и настойчивость Енталцова и Посникова вновь привели к находке золота на Кумбе. И в 1773 году последовали специальные указы от Берг-Коллегии на отвод рудника и от канцелярии Главного заводов правления на построение золотопромывального и плавильного завода. Отвод земель под завод и рудник про-

изводил пробирный мастер Панфил Вонявин. (ГАСО, Ф. 59. Оп. з. Д. 2010).

Место под завод было определено на речке Оленьей (при пересечении ею Чердынской дороги). Из-за продолжительности строительства плотины на Оленьей было решено временно использовать плотину на истоке Троицкого озера. Установку вашгердов и плавильных печей указано было произвести собственным коштом.

Для строительства завода нужны были приписные крестьяне, так как людей в этих местах не хватало даже для работы на заводах Походяшина. Кроме того, требовались большие деньги. Поэтому, вне зависимости от содержания золота на месторождении, его не смогли разработать.

Золото было найдено и в медном руднике у Княспинских озер: «...по течению Ваграна на правой стороне, от него около 5 верст, а от Княспинского озера в 2 верстах, поблизости болота при небольшом угоре». Этот прииск известен как Верхне-Вагранский медный рудник. В нем содержалось не только золото, но и серебро.

Енталцов и Посников оспаривали его у Походяшина, доказывая, что они нашли его раньше Походяшина, который уже после их находки «...вызвал к себе вогул и несколько дней поил их допьяна, и уговорил указать ему прииск». Сила Городков действительно подтвердил, что он указал прииск Походяшину, за что получил вознаграждение. Известно, что Городковым было объявлено в этих местах 11 медных приисков.

Рудник все-таки оставили за Походяшиным, и он сразу же стал его разрабатывать, несмотря на отдаленность от завода. На нем добыто 15000 пудов руды, но сколько содержалось в них золота и серебра – неизвестно. (Во многих случаях испытание образцов производилось только на выяв-

ление знаков золота и серебра, без определения их массы). Если исходить из содержания золота в другом, рядом расположенном медном прииске, который был открыт людьми А.С. Строганова в 1770 году, то золота в 100 пудах руды содержалось примерно 7 золотников).

Не исключено, что Походяшин добывал золото из медных руд значительно раньше.

В некоторых источниках указывается, что Максим Походяшин разбогател после находки в молодости месторождения золота, которые он продал в частные руки за большие деньги. И открыл несколько винокуренных заводов. М. Лонгинов в жизнеописании Походяшина указывает, что эти сообщения получены из достоверных источников. Отрицать такое заключение нет оснований, но и подтвердить его невозможно, так как раньше поиск золота производился частными лицами тайно от всех, и если находили, то добывали его единолично.

Например, известно, что в верховьях реки Миасс золото добывал Утямыш еще в 1734 году. (ГАСО, Ф. 24. Оп. 1. Д. 438.). Но когда об этом стало известно горному начальству и была организована комиссия, то она ничего не нашла.

То же самое повторилось и с находкой золота Ерофеем Марковым.

Словом, нельзя однозначно утверждать о золотой удаче Походяшина в молодости. Хотя можно заметить, что известие о находке золота недалеко от его завода не вызвало у него никаких эмоций. Даже было заметно какое-то равнодушие и неудовольствие. Такое отношение могло быть только у человека, который ранее сталкивался с золотом и переболел «золотой лихорадкой».

Енталцов и Посников после обследования мест к западу от Петропавловского завода пере-

местили свой поиск на восток, в пустынные места – к реке Сосьве. Интересно отметить, что они производили поиск золота по местам старинных разработок. Возможно, Енталцов считал, что здесь производились раскопки на золото и серебро. О своих размышлениях он написал в канцелярию Главного заводов правления. При этом сообщил, что «...в прошедших давних годах за реками Сосьвой, Волчанкой и около Княспинских озер еще и ныне видны знаки давних работ, но не ведомо, зачем совершенного в том заведении казенных заводов успехов тогда не произошло.» Но канцелярия проигнорировала его сообщение.

Такой отказ не остановил Енталцова и Посникова. И они в 1775 году находят на Сосьве еще два месторождения. После испытания в одном из образцов оказалось золото. Второй прииск содержал только медь. Для освидетельствования приисков и отыскивания удобного места под золотопромывальный и медеплавильный завод был направлен унтершихтмейстер Иван Кузнецов. Приехав на Петропавловский завод, он сообщил, что к компании примкнул Походяшин и имеет на это письменное согласие от Енталцова и Посникова. (ГАСО, Ф. 24. Оп. 1. Д. 2331).

Обследовав месторождения, Кузнецов сообщил, что прииски являются благонадежными и есть удобное место под завод на озерном истоке, впадающим в реку Шегультан. Располагалось оно в 12 верстах от рудников. Было дано даже название приискам и золотопромывальному заводу: прииск с золотом и медью назван «Воскресенским», с медью у реки Пуи – «Петропавловским», а завод – «Павловским».

В 1778 году компании выдается и разрешение на постройку завода. Но им вновь не были даны деньги и не приписаны крестьяне.

Хотя компания обращалась в канцелярию Главного завода правления с просьбой – приписать к заводу верхотурских и пелымских крестьян.

Деньги на строительство завода предоставили Походяшин и Енталцов – в сумме 2 тыс. и 500 рублей соответственно, хотя такой суммы не хватило бы даже на разработку рудника. Естественно, и этот завод не был построен.

Найдя четвертое месторождение золота и не получив никакой поддержки, Енталцов и Посников поняли, что им никогда не построить завода, и в 1780 году продали свои участки с приисками тайному советнику и сенатору Всеволоду Алексеичу Всеволожскому за 24 тыс. руб. Походяшин, узнав об этом, стал оспаривать такую одежду, но вынужден был уступить несколько приисков.

Так безрезультатно закончилась эпопея с добычей золота на Северном Урале, хотя для добычи имелось все: найдено несколько коренных месторождений; проведено их обследование и получены положительные заключения; отысканы удобные места для построения золотопромывальных и плавильных заводов; получены необходимые разрешения и указы.

Воскресенский золотосодержащий медный рудник был откуплен в 1787 году детьми Походяшина у Енталцова и у детей уже умершего По-

сникова. С этого времени рудник стал разрабатываться ими и считался медным. Но в 1791 году дети Походяшина продали заводы и рудники в казну, и Воскресенский рудник стал разрабатываться на золото. Руды, добываемые на нем, привозились на Богословский завод, где дробились и промывались. Золото добывали на нем до 1826 года.

Таким образом, благодаря архивным материалам Н.Чупина стало возможным представить всю картину поиска и разработки месторождений золота на Северном Урале.

Месторождения золота на Кумбе и на Белом камне так и остались не востребуемыми. Возможно, у геологов вновь появится желание провести обследование давно забытых месторождений. И не исключено, что какое-нибудь из них окажется пригодным для промышленной разработки. Особенно, если принимать во внимание, что богатые месторождения россыпного золота на Северном Урале были обнаружены рядом с описанными месторождениями: в Заозерской даче, где находился Воскресенский рудник, и у Волчанки – недалеко от Кумбы.

Так что «Золотой камень» – так названа вторая вершина Кумбы – действительно может оказаться золотым.

Фото Е. Тамплона

Игнatieвская пещера

Пещер на Урале так много, что не хватит человеческой жизни, чтобы посетить и облазить их все. Поэтому, если вы не спелеолог и не готовы лучшую часть своих дней провести во мраке и безмолвии таинственных подземных лабиринтов, то свой интерес к пещерам лучше сосредоточить на самых уникальных и загадочных. Нельзя считать, что ваша жизнь удалась, если вы, живя на Урале, не побывали в двух главных наших пещерах: Каповой и Игнatieвской. Про Капову пещеру знают многие, туда везут туристов со всего света, о ней создают книги и снимают фильмы, а вот Игнatieвскую слава и известность несправедливо обходит стороной. А ведь эта пещера не менее уникальна, чем Капова. Расположена она в обширном карстовом районе на границе Челябинской области и Башкирии, среди величественных известняковых скал, на правом берегу реки Сим. Точнее даже будет сказать, на правом берегу русла реки Сим, поскольку сам Сим пробил себе подземный коридор и исчезает с дневной поверхности в нескольких километрах выше пещеры, а выныривает ста метрами ниже, образуя мощный вклюд. У башкир пещера носила название Ямазы-Таш, что означает «каменная яма». Название это совсем не соответствует ее облику. На ямы похожи многие пещеры, но только не Игнatieвская: она начинается огромной аркой и обширным гротом. Длинный коридор ведет вглубь горы, где вы увидите Большой зал с колонной посередине, переходы

Выход из Дальнего зала.

и боковые ходы-ответвления. Свое русское название — Игнatieвская пещера получила по имени некоего старца Игнатия, обитавшего в ней еще в позапрошлом веке. Кто он был в миру, до того как стал старцем, история умалчивает. Людская молва то приписывает ему дворянское происхождение и неразделенную любовь, заставившую его покинуть солнечный мир и перебраться в мрачное подземелье, то прошлую лихую жизнь, доведшую его до греха, в надежде замолить который он и поселился здесь в тиши и уединении. Так это было или нет, сейчас сказать трудно, но во время проживания в пещере старец, безусловно, вел жизнь праведника, чем и снискал уважение местных жителей и приходивших к нему богомольцев. Не забыли люди про старца Игнатия и после его смерти. Почти сто лет, до тридцатых годов прошлого века, сюда хаживали паломники взглянуть на каменную келью старца, расположенную в самом дальнем гроте пещеры, и помолиться у образа Богородицы, который, по преданию, выгесал на кальцитовом натеке сам Игнатий, взяв в качестве прототипа женский образ, живший в его памяти о прошлой жизни. Постепенно, не без содействия местной советской власти, поток верующих к пещере иссяк, но началась новая волна паломничества, теперь уже туристов и археологов. В начале 60-х годов прошлого века в предгrotовой части пещеры неоднократно проводились археологические раскопки. В ходе полевых работ было обнаружено, что пещера в доисторические времена была обитаема на протяжении многих тысяч лет. Ученым удалось найти каменные изделия из яшмы, кремня и других прочных минералов, подвески из клыка песца и зуба бизона. Радиоуглеродный анализ угольков из древнего костровища дал возраст 14000 лет. Это означает, что во времена Ледникового периода здесь уже жили люди, они охотились на

Сколы на стенах пещеры.

крупных травоядных животных, и промысел их, вероятно, был удачен — об этом свидетельствует огромное количество фрагментов костей, которыми буквально напичкан осыпающийся склон перед входом в пещеру. На каких животных охотились обитатели Игнатьевской пещеры за несколько тысяч лет до Рождества Христова, ответили палеозоологи. Больше всего найденных костей принадлежало северному оленю, дикой лошади, бизону и сайге, но среди охотничьих трофеев встречались и шерстистый носорог, и мамонт, и даже самый грозный хищник того времени — пещерный медведь. В более поздние времена пещера тоже не оставалась без внимания, об этом свидетельствуют находки, относящиеся к эпохам бронзы и железа — металлические наконечники стрел, предметы быта и украшения. Но самое грандиозное археологическое открытие было сделано в Игнатьевской пещере в 1980 году, когда во время археологической разведки свердловские археологи В.Т.Петрин, С.Е.Чаиркин и В.Н.Широков обнаружили в Большом и Дальнем залах настенные рисунки сделанные красной охрой, сюжеты которых однозначно свидетельствовали, что сделаны они еще в Ледниковом периоде. Почему рисунки не видели предыдущие поколения исследователей, не смогли различить многочисленные паломники и туристы — ответить несложно. Чтобы понять, что на камне рукой древнего человека нанесен рисунок, стены пещеры пришлось отмывать от толстого слоя копоти, скопившейся здесь за сотни лет от факелов и костров, от керосиновых ламп и свечей, которыми пользовались все, кто посещал некогда святое место. После кропотливой работы по очистке стен перед археологами предстали изображения мамонта, шерстистого носорога, лошади и быка. Кроме изображений животных, на стенах оказалось множество знаков и символов, смысл которых современному человеку понять почти невозможно, поскольку живем мы совсем в другом мире, нежели наши далекие предки. В последующие годы каждая новая экспедиция приносила новые находки и открытия. В Дальнем зале пещеры, том самом, где обитал старец Игнатий, на стене до сих пор хорошо различим образ Богородицы, а на потолке была обнаружена целая композиция, состоящая из женской фигуры и контура мифического животного, больше всего напоминающего единорога. Рисунки были выполнены, как и изображения в Большом зале, красной охрой, но были здесь обнаружены и черные изображения. О глубоком мистическом смысле, который закладывал художник каменного века в свое творение, свидетельствуют едва различимые знаки и двадцать семь красных точек, про-

тянувшихся дорожкой от женской фигуры к «единорогу». Их количество соответствует дням лунного цикла. На боковой панели Дальнего зала черной краской были нанесены изображения мамонта, лошади, стилизованное лицо человека и треугольный знак. Кроме рисунков, исследователи обратили внимание на большое количество упорядоченных сколов на выступах стен. Сколы были обнаружены в самых дальних уголках пещеры. Зачем древним охотникам было нужно забираться в мрачное подземелье и откалывать куски известняка, который не годился для изготовления оружия и предметов быта, — остается только догадываться. Возможно, поход в глубины горы был частью ритуального обряда посвящения подростка во взрослого мужчину. Камень, отколотый в отдаленных пещерных гротах, был доказательством храбрости юноши и его готовности к суровым испытаниям и опасностям, которые сопровождали наших предков на протяжении всей их недолгой жизни.

Стена Дальнего зала с изображением Богородицы (справа).

Сейчас поход в Игнатьевскую пещеру не требует какой-либо серьезной моральной подготовки. Вход в подземный лабиринт легко доступен и единственной проблемой для туристов может быть только удаленность самой пещеры от населенных пунктов. От ближайшей деревни Серпиевки до пещеры километров 18, но при наличии автомобиля и хорошей погоды можно спокойно заехать на скалу, в недрах которой и располагаются подземные тоннели и залы. В плохую погоду сюда лучше не ездить, а идти пешком от деревни Серпиевки по руслу реки Сим. Такая прогулка очень интересна, поскольку этот район буквально пронизан пещерами и кроме Игнатьевской, здесь насчитывается еще более ста карстовых полостей, многие из которых достойны внимания серьезных исследователей.

ПОЛОСЫ ЖИЗНИ

Детство весны

Вернуться в детство захотелось весенним майским днем. Бледно-зеленые лоскутные поляны с белыми пуговками подснежников и ноздреватым снегом грелись под нежным лимонным солнышком. Талая вода, обезумевшая от счастья единения, с маленькими ручейками, огромными потоками дорожных могучих ручьев и настоящей желтой реки, — бежала свободно и вызываяще искристо.

Вода переливалась всеми цветами весны. Хотелось пускать кораблики, строить из остатков снега плотины, освобождать лужи от лишней воды, отводя из них неугомонные ручейки.

Маленький, промокший насквозь сынок радовался вольности строгих родителей: перелазил через заборы и попадал прямо в тайные озерки, прикрытые снегом.

Игольчатый запах хвои, первые удивительные листочки — счастье мгновения, которое бежит, стремится к большому миру любви и вечности. Мгновение ясного дня, рождающее весну.

Весна — это детство щедрого лета, зрелой осени и мудрой зимы. Хочется, чтобы детство продолжалось вечно.

Новая жизнь

В моде маленькие цветы в низеньких горшочках, с нежными лепестками. Цветочки стыдятся своей ненавязчивой комнатной красоты. Сиреневые еще как-то привлекают внимание, а белые совсем незаметны. Они цветут для себя и радуют только тех, кто их видит. Отцветают не все сразу, а по одному соцветию, сожалея, что кончился их цветущий миг. Но и умирая, еще какое-то время стараются сохранить красоту, продлить радость жизни. Отцветает последний бутон — и начинается внутреннее волнение, готовится проклюнуться новая жизнь — слепая и беспомощная, но несущая красоту. Нужны глаза, способные увидеть пробуждающееся буйство жизни. Все продолжается.

Полосы жизни

В полосатом свитере, купленном по случаю на студенческие гроши на барахолке, ходил он степенно по университетским коридорам. К его открытому лбу, немного вздернутому носу очень шли прямые полосы свитера.

Она — спортсменка и философ, тоже в полосатом свитере — бегала по этим же коридорам.

Но тогда они не встретились.

Прожили долгую жизнь. Каждый свою. Искали друг друга. Встретились случайно. И донашивали студенческие свитеры в деревенском доме, покрашенном в яркие полосы их молодости.

Всего за 37 рублей!

Главная бухгалтерша налоговой инспекции не пела песен лет десять. И сегодня опять не удалось.

— Зачем только сюда приперлась, — ругала она себя, вылезая на свет взъерошенной распаренной курицей из темного бара-подвала. Все было обычно на этой официальной пьянке: дым коромыслом, разомлевшие морды сослуживцев, духота, очередь в «Ж»-туалет.

Заглянула в кабинет шефа. Там густо пахло сиренью и дынным шпансом, а среди гостей сидела незнакомка — «не наша кадр», как сразу поняла бухгалтерша.

— Давайте споем, — предложила бесцеремонно и даже запев сделала: «Белым снегом».

«Белым снегом, белым снегом / Ночь метельная ту степку занесла...» — красиво запела незнакомка.

По потному телу главбуха разлилась сладкая летняя истома. Захотелось потянуться, стряхнуть с себя лет двадцать. Провалиться в глубокий снег с любимым и купаться в нем долго-долго.

«Белым снегом» только растравила желание петь. Но строгий взгляд шефа привел бухгалтершу в чувство налоговой ответственности: все-таки на работе. Выпили на посошок.

Выйдя с новой знакомой на улицу, главбух пригласила ее в соседнее кафе, где зять у нее работал охранником. Не дожидаясь согласия, распорядилась в открытую дверь:

— Быстренько накройте нам по 50.

Спели «Шумел камыш», потом «Ромашки спрятались», «Стою на полустаночке»... Стало совсем хорошо.

Сытая, довольная собой главбух встала, неожиданно потянулась с хрустом и отчетливо выговорила:

— Как хорошо я сегодня пела! И всего за 37 рублей!

А в голове начал работать счетчик: сколько будет стоить предстоящий юбилей с песнями.

Июльский град

Жара стояла три недели. Солнце устало жечь землю, люди — поливать огороды.

Развязка приближалась.

Сизо-лиловая туча показалась в пятницу к вечеру: поторопила покосников завершить ароматные теплые зароды и ушла восвояси.

Огородники пошли привычно таскать воду для полива, а на покосах, не торопясь, собирались домой.

Но коварная беременная туча, погуляв недалеко, вернулась неожиданно, заблестела сухой молнией, разрывая небо яркими полосами на геометрические фигуры, и начала мучительно рожать.

Тяжелые, сочные капли дождя застрочили пулеметной очередью, сгибая все вокруг.

В бешеной пляске закружился хоровод листьев, веток, хвои, мошек.

Внезапно дождь прекратился. Своей работой туча любовалась недолго и бурно разродилась продолговатыми яйцами града, который мгновенно накрыл белым ситцем крыши, землю, реки.

В огородах по бороздам пополз цветной кисель. От прожженной солнцем земли пошел пар, запахло изрубленной ботвой, листьями. На ставших белыми земляничных грядах красными фонарями зажглись срезанные градом спелые ягоды.

Уходя, уставшая, похудевшая, но довольная туча видела, как пострадавшие хозяева выскакивали в огороды в галошах на босу ногу и тут же возвращались обратно, проваливаясь в бурое холодное месиво.

Сваленные деревья на глиняных реках, бегущих по дорогам, создали непроходимые заторы-шатры.

От земли поднимался белыми струями пар, туман плотно застилал дома, дороги, мосты.

Утром солнце аппетитно позавтракало свежим молочным туманом, стало светло, и все увидели, что пышные огороды превратились в пустыню, а сочный зеленый лес — в прозрачный осенний.

Спрессованный в огромные лепешки град лежал под солнцем нового дня, ничуть не смущаясь от его жарких лучей. Ребяятишки, разбив лопатами белые круги, играли в снежки.

А лето продолжало жить законами июля — самого жаркого месяца: на третий день начала подниматься ботва картошки, и тут же нахальные личинки колорадских жуков облепили ее, как веснушки и продолжали торопливо доедать оставшиеся листья.

Расторопные хозяйки обработали землянику, убрали срезанную ботву, полили безжизненные плети огурцов, кабачков, тыквы. И чудо восстановления всего живого, поверженного бурей, началось. Только самые тонкие былинки, сохранившиеся, как ни в чем не бывало продолжали цвести, удивляясь трагическим переменам в своих собратях-гигантах, которые поникли при первом же ударе грома и свинцовой капле дождя.

Лето продолжалось. Жаркое солнце по-прежнему загоняло всех в речки и на покосы, а остальных на лавочки — посудачить о граде и об ожидании трудного урожая.

Ночи

Прятались ночи под пуховые, байковые, стеганные одеяла, в супружеские постели и постели любовников, к женщинам и мужчинам всех возрастов и оттенков счастья и несчастья.

Утром уходили — спокойные и беспокойные, длинные и короткие, холодные и душные; ночи разлуки и долгожданых встреч уступали место бойкому, изворотливому дню, а потом возвращались снова к каждому единственным и неповторимыми.

Рассказы в одну строчку

Хмурый вечер устало дожевывал вареный день.

В любовном винограде она была зеленым горошком, а он — перезрелым соленым огурцом.

Беременная поворотом электричка постепенно выходила на прямую.

Каждый вечер она уходила в свое трехкомнатное благоустроенное одиночество.

В доме было четыре картошки, пьяный отец и голодный мальчик.

Ласточкины гнезда

Ласточкины гнезда укрылись от людей в крутом песчаном берегу. Уютные отверстия были пробиты и высланы внутри старанием свободных птиц.

Крутой берег озера должен был обрушиться на следующий год, а ласточки вили в нем свои гнезда. Мягкие внутри и круглые снаружи, они были маленькой крепостью. Птицы радовались своему жилью и не чувствовали его близкого конца.

Свободная, раскрытая, парящая жизнь была для них естественной. Немногочисленные туристы призывали к ласточкам, а ласточки летали на ароматы костров и журчание людских разговоров. Делали круг почета над людскими временными гнездами на берегу озера и возвращались в свое птичье постоянство.

Ведение дневника в походе

Человеческая память несовершенна. Со временем забываются подробности походной жизни, названия посещенных мест, колорит рассказа повстречавшегося интересного человека. А толковый дневник, который ведется изо дня в день, все зафиксирует и станет памятью о путешествии.

Содержательный дневник — материал для пропаганды туризма. Он может приобрести и общественную значимость, если в нем хорошо отражена суть похода, запечатлено все виденное и проделанное в пути. А для самих туристов дневник сохранит разнообразные эпизоды путешествия и приключения давних дней.

Поручать ведение дневника необходимо опытному туристу, по возможности хорошо владеющему пером, чуткому к живому слову, образу и склонному к краткому изложению мысли. Интерес к ведению дневника должна проявить и группа. Тогда его содержание станет богаче, ярче, фиксируемые сведения — точнее, советы последующим группам — разнообразнее, выводы из собственных неудач — объективнее.

Дневник желательно вести в любом самостоятельном многодневном походе и, безусловно, в каждом, ставящем исследовательские цели. Даже если путешествие совершается по неоднократно пройденному другими группами маршруту, в нем для туристов всегда будет вновь увиденное, свое, неповторимое. Не только потому, что у каждой группы свой взгляд на вещи, свои впечатления,

но и потому, что жизнь не стоит на месте и новые события могут изменить местность и условия похода.

Если поход осуществляется в отдаленном районе и является в целом (или хотя бы в части маршрута) первопроходческим, дневник надо вести особенно тщательно и подробно.

Лучше всего взять для дневника 3–4 общие тетради (желательно с бумагой в клетку) в мягкой коленкоровой обложке. Хранить их рекомендуется в полиэтиленовом пакете и во время движения держать в рюкзаке или в планшете. Утеря дневника невосполнима, и его надо тщательно беречь.

Записи следует вести по дням. Тогда каждая такая запись станет как бы главой своеобразной книги о походе. Здесь к месту вспомнить, как вел путевой дневник А. П. Чехов в путешествии по Сибири, когда он ехал на Сахалин. «Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я все свои записанные впечатления разделил на главы» — писал он в дороге.

Записывать в дневник нужно на каждом привале перед ночлегом, когда увиденное и пережитое за день свежо в памяти. Тут же можно обсудить с товарищами наиболее ответственные записи, подметить примечательное в поведении спутников, сочнее обработать услышанный днем рассказ бывалого человека — ветерана, лесника, краеведа и своевременно внести дополнения.

Кроме дневника, у «летописца» под рукой всегда должен быть небольшой блокнот, тоже в клетку. В блокноте прямо на ходу делаются пометки о маршруте, фиксируются цифровые сведения, отдельные краткие мысли. Дневник, ведущийся только по памяти, неизбежно утратит многое. Блокноты помогут не упустить ничего важного.

Некоторые участники группы ведут личные дневники. Их записи дополняют или уточняют содержание группового дневника.

Как в блокнотах, так и в дневнике писать следует простым карандашом, не очень мягким и не очень твердым. Карандашный текст не расшивается, если страницы вдруг подмокнут. Мягкой резинкой можно стереть неудачное или неправиль-

ноте трудное слово и тем предупредит ошибку.

Избегайте в дневнике сокращенных записей, старайтесь фиксировать все возможные подробности, помните, что незаписанное — не наблюдалось! Исправление задним числом всегда чревато ошибками и упущениями. Особенно это касается наблюдений в пути, описаний находок, встреч. Если почемучьего не удалось полностью занести в дневник события истекшего дня (непогода, короткий привал), надо обязательно постараться наверстать

но записанное слово. Но цифры и справочные сведения лучше не стирать, а, зачеркнув одной-двумя линиями, вписать новые. При домашней проверке записей (по возвращении из похода) первоначальные сведения могут оказаться более правильными.

Писать в дневник надо разборчиво, четко, чтобы его могли прочесть и люди, незнакомые с почерком «летописца». Необходимо оставлять поля на каждой странице — для последующих пометок и дополнений.

Важно избегать ошибок в названиях населенных пунктов, рек, озер, в цифрах, именах и фамилиях. Лучше дважды переспросить, но записать абсолютно верно.

Беседа с людьми, собирая сведения об интересном человеке, не забудьте указать его фамилию, а также имя и отчество. Это не только элементарное правило уважительности к точности биографических данных. Это необходимо и для последующих уточнений, если в них возникнет надобность.

При записи трудного, непривычного имени, сложного названия предмета или географического пункта на слух полагаться нельзя: следует показать собеседнику, правильно ли записано имя, название. Ничего зазорного не будет, если он сам запишет в вашем блок-

упущенное на следующий день.

Иногда дневник ведут одновременно в двух тетрадах: в одной — по четным числам, в другой — по нечетным, что позволяет делать все записи последовательно.

В некоторых группах применяется метод коллективного дневника, в котором в качестве «летописца» выступают поочередно все члены группы. Иногда это вносит разнообразие, однако лучше все-таки поручить ведение дневника одному человеку, что вовсе не исключает сотрудничества других участников.

Вести дневник желательно уже с начала подготовки к походу, записывая все проделываемое в ее процессе, включая консультации в туристском клубе и краеведческом музее, встречи с бывальыми туристами, изучение литературы и карт, вплоть до оформления документов и окончательного ус-

тановления маршрута, который в виде простенькой схемы также заносится в дневник.

Если вам стало известно об интересном или удобном варианте пути (хотя бы самим и не пришлось по нему пройти), необходимо записать полученные сведения. Важно обновить устаревшие или оказавшиеся неточными данные, почерпнутые из литературы и консультации. Не забудьте упомянуть о погоде: и о той, при которой проходил день, и о той, какая обычно бывает в посещаемом районе.

Особо тщательно следует охарактеризовать все важные естественные препятствия, указав точно, где они находятся и как их удалось преодолеть. Если при этом был совершен промах, напишите, в чем он состоял. Посоветуйте другим, как безопаснее и удобнее пройти или обойти сложный участок. Не забудьте сделать запись о выявившихся недостатках в снаряжении, питании или обеспечении водой.

Взгляд на дорогу у туристов разный и во многом зависит от вида туризма. Водники, например, в первую очередь обращают внимание на скорость течения рек, пороги, перекаты, запруды, завалы, особенности берегов; лыжники — на рельеф местности, проходимость лесных и заболоченных участков. В маршрутной части записей важно достаточно полно и конкретно отразить условия прохождения каждого отрезка пути.

Обще описательная часть записей — рассказы о виденном за день, природе и ландшафтах, примечательных местах, жизни и быте посещенных пунктов. Здесь нужно не повторять вычитанное из книг, а делиться своими впечатлениями, тем, что показалось вам наиболее характерным и интересным, свойственным данному району.

Записывая существенные события дня, надо отразить беседы и встречи с людьми, описать приключения (без которых почти не обходится ни одно путешествие), заслуживающие внимания бытовые эпизоды из жизни группы.

Нельзя превращать дневник в справку, «голое» перечисление фактов и цифр. Надо стремиться к живому, образному описанию своих впечатлений. Но при этом следует избегать ложной красоты стиля, приукрашивания событий. Дневник путешествия — прежде всего документ, в нем недопустимы выдумки. Сказанное вовсе не исключает помещения в дневнике сце-

нок, рассказов, диалогов, стихов, навеянных походными впечатлениями.

В дневник желательно заносить и результаты наблюдений, сведения, приобретенные в пути, могущие оказаться полезными музеям, архивам, научно-исследовательским организациям, а также популярным журналам.

Необходимо интересоваться самостоятельным творчеством, отражающим нашу современную жизнь. Все это обогатит путевой дневник, углубит знания туристов о крае, духовном богатстве его жителей. И тут, думается, полезно привести строки из письма В. Г. Короленко одному из своих корреспондентов: «Если писать на народные мотивы, если Вы продолжаете жить этой жизнью и питаетесь ее впечатлениями, то старайтесь подмечать в ней то, что нарождается, что врывается в дух и мирозерцание народа, что его изменяет и преобразует».

Посоветуем не забывать и песенное творчество самих туристов.

Оживят дневник и путевые зарисовки, сделанные «летописцем» или кем-либо из группы, если они обладают соответствующими способностями.

Еще лучше, когда в группе появится своеобразный изодневник. В нем можно рисовать карандашами — обычными и типа «негро», шариковыми ручками и фломастерами. В продаже имеется набор цветных карандашей «Живопись». Сделанный ими рисунок легко размывать кистью, словно акварель. В альбоме возможно рисовать и акварелью.

Что рисовать? Все, что так или иначе заинтересует в пути: жанровые сценки из походной жизни, трудовой деятельности и быта местного населения, памятники архитектуры и истории, портреты интересных людей. Да мало ли сюжетов преподносит нам природа! Надо уметь только вовремя уловить и запечатлеть ее красоту.

Синица любит Журавля

Посвящается моей дочери Ирине.

«Новое поколение выбирает...»
(из рекламного ролика)

Глава 1

Впереди маячили спины «ломовых». И девчонки, не желая с ними встречаться, пошли медленнее. Таня осмотрелась, чтобы сориентироваться. Быстрее всего — свернуть к гаражам, пройти между ними и оказаться почти рядом с домом. Можно, конечно, вернуться обратно к школе, потом пойти на остановку троллейбуса, сделав большой круг, но на это уйдёт много времени. Лариса, ближайшая подруга Тани и самая робкая среди девчонок, показала глазами на гаражи. Все понимали, что там тоже подстерегает опасность, вполне можно нарваться на «ярых». Но эти парни проще и спокойнее, поэтому подруги свернули к гаражам, решив, что так будет не только быстрее, но и безопаснее. Было обидно, что их защитникам, как назло, пришлось застрять в школе, на зачёте по физике. А они рвались к Свете, которая разболелась так сильно, что температура держалась на 39-ти. И, конечно, она ждала подруг.

Но стоило оказаться на дороге между гаражами, как уверенность в правильности выбранного пути у школьниц исчезла. Ворота одного из капитальных гаражей были распахнуты, а из него слышались мужские голоса и хохот. Испугавшись наглых и жестоких парней с улицы Ломоносова, которых в молодёжной среде прозвали «ломовыми», девчонки поняли, что нарвались на бандитов уралмашевского головореза Вована Утюгина. То, что в одном из здешних гаражей находилась его машина, знали все в округе, а школьники — и в каком именно, но с прошлого года прошёл слух, что Вована, или Утюга, как обзывали его за глаза, посадили на большой срок, а машину конфисковали. И действительно, с тех пор никто не видел ни Утюгина, ни кого-то другого из его банды, что только подтверждало: слух недалёк от правды. Местные парни, разделившиеся на уличные группировки, сразу почувствовали себя увереннее и стали заноситься друг перед другом, борясь за лидерство. Но неприятности или «разборки» у них происходили также и на почве пьянства, наркотиков или из-за девчонок.

Парни с улицы Ярославской, которых прозвали «ярыми», не принимали наркотиков, но, к несчастью, любили выпить. А ненавистные ломовые почти все баловались наркотиками, не отказывались они и от выпивки, да к тому же с самого детства обладали отвратительными характерами. Поэто-

му, увидев их, девчонки и приняли решение уклониться от встречи. Но, избежав одну проблему, неожиданно столкнулись с другой, о которой уже давно и не вспоминали. Сознывая, что избежать нежеланной встречи уже не удастся, потому что нельзя пройти мимо уютных незамеченными, школьницы, не сговариваясь, ускорили шаг.

— Опаньки! Эй, братва, гляньте-ка, какие рыбки-то плывут! — громко возвестил один из бандитов, первым увидев четырёх девчонок, как раз ступивших на участок дороги у гаража Утюгина, выложенный цветной плиткой.

Этот плиточный прямоугольник резко выделялся на серой асфальтовой дороге и был своеобразной визитной карточкой Вована. Все молодые мужчины, ещё секунду назад изучавшие «автомобильное сердце» лэндкрузера, с интересом повернули головы. А школьницы, хоть и поспешили пройти злополучный гараж, но не побежали, понимая, что их быстро догонят. Тем более, что увидевший их бандит сразу выскочил из гаража и схватил за руку Ларису, оказавшуюся к нему ближе всех. Она попыталась вырваться, но не смогла. Тогда и остальным пришлось остановиться. Не бросать же подругу...

— Оп-п-па, да это ж ученицы! Ах, вы, мои сладкие... Наверное, полные сумки пятак тащите? Отличницы, да? — язвительно улыбался Ларисе бандит, притягивая её всё ближе к себе.

А она была так напугана, что вся сжалась и побледнела, но старалась не заплакать, понимая, что слёзы не разжалобят и не остановят бандитов. На помощь ей пришла Таня. Оглядев всех, кто был в гараже, она безошибочно отыскала среди них главного и обратилась к нему.

— Володя, отпустите нас...Пожалуйста...Нам надо к подруге...Она сильно болеет...

Вован Утюгин, высокий, широкоплечий, с массивной головой и «бычьей» шеей, вышел из гаража и, глядя прямо в глаза Тане, хмыкнул:

— Чё — страна знает своих героев?

Бандиты самодовольно оскалились и дружно выстроились у ворот гаража. Таня, не опуская глаз, снова обратилась к главарю просительным тоном.

— Да не гон это... Она, правда, большая лежит...и без лекарств...

— А микстуру вы припасли? Могу уступить...подешёвке. А?

— Мы...у неё возьмём рецепт...и в аптеку...
— А зачем аптека? У меня товар классный, проверенный. Берёте?

Таня опустила глаза, больше уже не выдержав ни издевательского тона, ни пошлого подмигивания Вована. Тогда заговорила Катя, чуть заикаясь от волнения.

— Но у нас и...и...денег на наркоту нет... Отпусти-те... Мы, п-правда, к больной подруге...

— Верю... — вытирая грязной тряпкой свои испачканные мазутом руки, Вован смерил их презрительным взглядом, — Но: деньги — товар — деньги. И тогда в разбег...

— Сколько...надо-то? — осторожно поинтересовалась Рита.

Бандиты привычно расхохотались, а главарь бросил мазутную тряпку ей в лицо. Потом не спеша достал из кармана джинсов пачку сигарет, закурил и выпустил дым колечками, ещё больше рисуясь перед школьницами. А тот, кто первым остановил их, приказал:

— Ну-ка, кильки, вытряхивайте кошельки!

Его приятели не забывали взрываться хохотом, наслаждаясь растерянными лицами девчонок и тем, как торопливо принялись они обшаривать свои сумки, нервно переталкивая там учебники и тетради. Когда все их деньги оказались в руках бандита, бросившего клич, он разочарованно присвистнул. И изрёк:

— Х-ха, да это же не бабло, а фуфло! Вы чё, отличницы, рехнулись?

— Больше денег нет! И мобильник я сегодня, как назло, дома забыла, можно было б хоть его отдать... Впрочем, больше у нас ничего нет, — отозвалась Катя и, неожиданно осмелев, забрала все деньги обратно.

— Как? А красота? — хохоча, приобнял её за плечи «сборщик налогов».

— Ну, отпустите нас...пожалуйста... Мы же несовершеннолетние... — попыталась убедить Рита, которая с самого начала поняла, что их деньги утюгам не нужны.

— Так это ж кайф! Мы обожаем малолеток! И весь мир знает, что ваше поколение выбирает — секс! Вован, какую хочешь?

— Ты бы рожу-то вымыл, Барс, а потом к чистеньким девочкам подваливал, — посоветовал дружку Утюгин, одну за другой и целенаправленно разглядывая школьниц.

— Я же для тебя стараюсь. Так какую?

— Вот эту, — указывая пальцем на Таню, выбрал главарь.

— Нет! — вдруг с ужасом выкрикнула Рита и сразу залилась румянцем, — Её... нельзя...

— Чё бы это? — возмутился Барс и легонько подтолкнул Таню к Вовану, — Пошла!

Все бандиты, кроме главаря, привычно захохотали. И дружно расступились перед Таней.

— Да нельзя её, говорю же! — опять крикнула Рита, но теперь в её голосе появились воз-

мущённые нотки.

— А чё...она...заразная? — вдруг оглянулся Утюгин.

— Да, заразная... — еле слышно отозвалась сама Таня.

— Гонишь! Тебя б тогда из школы выперли! Хо-рош выделываться-то, плати! И валите... Нам тоже некогда... — уже раздражаясь, заявил Утюгин и подтолкнул Таню вперёд.

— Ну, подождите...За что платить-то? — взмолилась подбегавшая к нему Катя.

— Борзеешь! За красоту! Если не хотите с ней расстаться...

— А...ы...м... э... — потянулась она к главарю рукой и никак не отставала, издавая только звуки.

Наконец, увидев его вздёрнутую бровь, она спросилась со своим удушливым волнением.

— Возьмите...лучше...меня, если уж...без этого...-вы нас не отпустите... — понуриив голову, уже абсолютно чётко выразила Катя своё заступничество, понимая, впрочем, что главаря это может обозлить ещё сильнее.

— Чё для меня лучше, решаю я! Поняла, маленькая? — пренебрежительно огрызнулся Вован, действительно, всё больше раздражаясь от защиты, — И чё за жертвенность-то? Я ж её не на костёр... Ещё спасибо скажет, что обласкали... Давай шагай! Чё застыла?

— Ей нельзя...она же...Журавля...любит, — еле слышно и робко, но всё же подала свой голос в защиту и Лариса.

Она смогла теперь отойти от гаража дальше всех.

И смотрела оттуда огромными пугливыми глазами, полными слёз и тревоги, а её щёки уже не были бледными, наоборот, они пылали, как ошеломляющие лесные пожары. Свой страх Лариса не скрывала, но никто не сомневался, что она ни за что не бросит подруг, как бы ей страшно ни было. И вдруг, как отблеск, в её слёзном взгляде возник протест, правда, совсем слабый. Бандиты теперь лишь ехидно ухмылялись и переглядывались, показывая друг другу на девчонок пальцем. А те присоединились к отступившей назад Ларисе и, сгрудившись в пугливую стайку, хотели только одного: чтобы всё поскорее закончилось.

— А я курочку люблю, — самодовольно хохотнул Барс, — Особенно жареную! А Вован красную рыбку уважает, а...

Но Утюгин прервал приятеля и потянул к себе... Ларису, неожиданно для всех согласившись на замену. И она, словно тюремный смертник, который надеялся на помилование, но получил отказ, со страдальческим выражением лица и глазами, полными ужаса, совершенно безропотно направилась вглубь гаража. А её подруги, размазывая по щекам слёзы, дружно отвернулись. Бандиты же, наоборот, с интересом стали разглядывать, как Лариса неуклюже ложится на заднее сиденье распахнутой машины...

* * *

Тёплая весна заканчивалась и открывала ученикам волнительную и важную пору — начало выпускных экзаменов. Учительница, понимая, что ребята мечтают о взрослой, упоительной, свободной от всяких «нудных обязательств» жизни, старалась втолковать им, как важны эти последние школьные деньки. Но парни 11-а, скучая, озирались по сторонам, ища хоть какой-нибудь предмет, способный удержать на себе их внимание. Только ничего такого не находилось. Всё в классе давно было изучено до мелочей, а вызывало лишь скуку и раздражение. Шёл урок русского языка. И девчонки разрывались между тем, чтобы слушать взволнованного важностью момента учителя, и тем, чтобы привлекать к себе внимание парней-одноклассников. Когда раздался звонок, Ирина Ивановна, молодой учитель словесности и классный руководитель 11-го «А», тяжело вздохнула. И развела руками, беспомощно посмотрев на поднявшихся парней, которые уныло, но довольно решительно стали покидать класс. Как будто на улице, где они всегда курили, их ждал приз за героизм, который они проявляли, ежедневно присутствуя на уроках. А вот девчонки не спешили уходить. К учительскому столу подошла Таня Синицына и протянула книгу.

— Что это, Таня?

— Это от нас...на память... — пояснила она очень взволнованно, оглядываясь на одноклассниц.

И те сразу сгрудились вокруг стола. Катя Куковьякина, самая низкорослая, выступила вперёд, но от волнения не смогла говорить. Тогда продолжила снова Таня:

— Это ваш любимый Маркес...Вы же хотели перечитать «100 лет одиночества»?

— Ах, да, конечно...Спасибо, девочки...Надо же, запомнили автора... А кто-нибудь прочёл?

— Я, — отозвалась Таня.

— Понравилось?

— Нет...

— Почему?

— Нудно очень. И как-то на конвейер всё смахивает. Жил был один, родил другого, похожего на себя, тот родил третьего, похожего на них... И что из этого? Целый век только и делали, что плодили себе подобных... Да ещё одиноких к тому же...

— Так в этом вся наша жизнь, Таня. Все мы живём и плодим себе подобных. И все мы, в сущности, одиноки...

— Нет, Ирина Ивановна, если это так, то и жить незачем!

— Ну, что ты, Таня, в этом наш долг, — улыбнулась учительница и оглядела удивлённые лица девчонок.

— Нет, я никому не должна, не просила, чтоб меня в эту жизнь...впихивали... — возразила Таня.

— Ну, мы все не просились... Правда, так нам только кажется. На самом же деле, умирая, людям хочется воскреснуть и прожить ещё не одну жизнь...

— Неправда. Я видела, как люди умирают! Они хотят умереть...и избавиться от боли...

Снова прозвенел звонок и в класс стали возвращаться парни. Ирина Ивановна ещё раз поблагодарила за книгу и, не теряя ни минуты, стала говорить о предстоящих экзаменационных сочинениях. Когда через класс пролетела записка, она поморщилась, но сделала вид, что не заметила. Ваня Чижов, поймавший записку, покосился на Славу Лосева и Диму Тимофеева, с чьей парты она и прилетела. Парни сначала дружно кивнули ему, а потом сделали вид, что внимательно слушают учителя.

Развернув записку, Ваня прочёл: «После уроков все идём туда». И показал её Лёне Журавлёву, соседу по парте. Но Лёня недовольно помотал головой и написал жирное «Нет!». Больше друзья не отвлеклись, но когда все уроки закончились, поспешно ринулись прочь из школы. На первом этаже, в холле, оглянулись, заметив, что Журавлёв остановился. Прислонившись к стене, он всем своим видом показывал, что действительно не пойдёт с ними.

— Ты чё, Журавль, чистеньким хочешь остаться? — возмутился Слава.

— Пошёл ты, Лось! Мне лохом быть не хочется!

— А мы чё, лохи? — всё больше сердился Слава, грозно наступая и оттесняя Лёню к самой дальней стене, за выступающую перегородку раздевалки.

— Вам лучше знать...

— Не, Журавль, ты не увиливай, а прямо говори. Ты же так любишь правду! — набросился на Лёню уже и Дима Тимофеев.

— Какую те правду, какую? Если бы не экзамены, я б первый туда пошёл! А теперь нельзя, только дебилы этого не понимают...

— Да отвалите вы от него, — попросил Ваня Чижов, пытаясь оттянуть друзей от Лёни, правда, не особенно и упорно.

А те оба только ещё настойчивее подступали к упрямому Журавлёву, хоть и вытянувшегося в струну под натиском друзей, но твердо настаивающе-му на своём.

— Ох и гад ты, Журавль, — разочарованно вздохнул Слава и вдруг отошёл от Лёни, — Ладно, пацаны, пошли без него. Пусть книги жуёт, чтоб медаль хапнуть. А потом и другая причина появится — в институт надо станет поступать. И так далее... Зачем ему светлое будущее гробить!

— И чё? Это плохо?

— Это хреново, старик, в данной ситуации... Ну, да ладно, как знаешь...

И троица друзей ринулась из школы, оставив Лёню одного в обиженной позе и в грустной задумчивости. А на улице их уже ждали девчонки, которым пришлось заносить классный журнал в учительскую. Подруги вышли из школы через запасной выход и очень удивились, что парней на улице нет. Когда наконец те появились, их лица отражали не то расстройство, не то недовольство. Таню, самую романтическую, а потому и впечатлительную, это насторожило. Она поинтересовалась, где же Лёня. Ей ответил Ваня Чижов.

— Он задержится... Ну, вперёд! Мы по-быстрому проводим вас и слиняем...

— Почему по-быстрому? — удивилась Рита Лонго, самая дотошная и рассудительная среди девчонок.

— У нас дело есть... Эй, Танчик, да не кисни ты. Прилетит твой Журавлик, никуда не денется, — вмешался в разговор Слава Лосев, видя, как погасли глаза одноклассницы.

— Какое дело-то? — настойчиво допытывалась Рита.

— Мужское, Ритуля, мужское... Только не обижайтесь, — ответил ей уже Дима Тимофеев, самый главный заступник девчонок.

Так сложилось, что он ещё в младших классах взял под свою защиту слабый пол, а уж они, конечно, оценили это по достоинству и наделили его правами не только друга, но и брата.

— И не влезайте в наши дела, ясно? — строго потребовал Лосев, самый горячий и вспыльчивый среди парней.

Девчонки кивнули и быстрым шагом направились к троллейбусной остановке. Они давно уяснили, что лучше добираться домой троллейбусом, когда их парни не в духе. Все эти ребята относились к группировке новых, потому что жили на улице Новаторов.

Глава 2

Семья Синицыных была большой и дружной. Самой младшей была Таня, и все заботились о ней очень трогательно и с любовью. Родители Тани были врачами, а работали в областной больнице. Двое старших сестёр-близнецов тоже собирались идти по их стопам, заканчивали медицинский вуз. Таня не раз бывала в больнице, помогая сестрам, проходившим там практику, но сомневалась в том,

что и её призвание в медицине. Она была красивой девчонкой и тайне мечтала о карьере киноактрисы или певицы. Правда, голос у неё был не очень сильным, хотя и приятным. И артистические способности, скорее всего, были неплохими, если верить отзывам руководительницы школьного драмкружка. Но в семье считалось по меньшей мере несерьёзным такое видение жизненных целей. Поэтому Таня колебалась между медициной и экономикой.

Любовь неожиданно и волнительно вошла в жизнь Тани Синицыной ещё прошлой весной. Всё, что до этих пор волновало и заботило, сразу отошло на дальний план. Теперь Таня не видела вокруг себя ни плохое, ни скучное — вся жизнь стала прекрасной сказкой. Перед сном она мысленно уносила в заоблачные выси, рисуя себе воображаемое счастье с любимым человеком. Но не на Земле, а на неизвестной людям далёкой и прекрасной планете «Журавль». Такое название для воображаемой планеты пришло на ум почти сразу. Ведь её любимого парня звали Лёня Журавлёв.

Семья Журавлёвых состояла из родителей, педагогов Уральского политехнического университета, и единственного сына — Леонида, который вырос крепким, здоровым, умным и послушным. Даже переходный возраст сына не доставлял родителям больших трудностей, потому что Лёня старался не грубить им. Хотя бунтарство, присущее юности, порой будоражило сознание. Родителей очень радовало серьёзное отношение сына к учёбе, а главное — к будущему. Он заверил их, что добьётся всего, чего только захочет. И, оканчивая школу, Лёня имел чёткое представление о своих дальнейших жизненных целях. Он решил стать преуспевающим адвокатом, с собственной адвокатской конторой. И у него имелись все необходимые качества для достижения любой, даже самой высокой цели. Со сверстниками он в основном ладил, а если и возникали какие-нибудь споры, чаще всего одерживал победу он, логично и точно выстраивая аргументацию. В общении со старшим поколением он всегда был почтителен и блистал способностями, умиляя их также своей серьёзностью и целеустремлённостью. В кругу друзей Лёня пользовался несомненным авторитетом, но иногда случались стычки со Славой Лосевым, самым горячим и невыдержанным в спорах. Того просто бесили «умничанье и правильность» Журавлёва. Правда, он всё равно считал Лёню хорошим пацаном. Случалось и такое, что споры переходили в кулачное выяснение истины, и тогда на защиту Лёни, не раздумывая, бросался Ваня Чижов, его близкий, преданный друг и самый сильный среди парней.

После школы все ребята любили ходить в гости к Ларисе Шимко, которая жила вдвоём с мамой — следователем. Лариса, пока росла, часто оставалась дома одна, потому что маму могли вызвать в любое время суток. И она уезжала, не дожидаясь, пока приедет её престарелый отец присмотреть за внучкой. Смелость и бойцовские качества мамы-следователя Ларисе не передались, она выросла

робкой и пугливой. Поэтому, когда одноклассники напрашивались к ней в гости, только приветствовала это. Да и мама, если даже бывала дома, не мешала им, а скорее наоборот — радовалась, что у дочери много друзей.

Забившись в комнату Ларисы, ребята смотрели видик или слушали музыку, а чаще всего — «блуждали» по Интернету. Когда Таня и Лёня ушли на кухню кипятить чай и делать для всех бутерброды — никто не удивился. Даже долгое отсутствие одноклассников никого не насторожило. Если бы Слава Лосев не почувствовал в животе голодное урчание, то и ещё какое-то время никто не пошёл бы на кухню.

Постучав, осторожная Лариса просунула в открытую дверь голову и громко закричала. Сбежались все молниеносно, но Рита Лонго властно перекрыла им путь.

— Ларка, вызывай скорую! А вы не лезте, ей воздух нужен! Дима, открывай форточку! — раздавала она приказания.

Таня лежала на полу, очень бледная и без сознания. Журавлёва в кухне не было. Как только начался шум, он с обиженным лицом вышел из ванной и с удивлением протиснулся на кухню. Но Рита и ему не дала подойти к Тане ближе чем на метр. Обмахивая полотенцем лицо подруги, Лонго твердила, как заклинание:

— Очнись, Синица, ну, очнись...

Прошло не больше двух минут, и Таня открыла глаза, но ребятам показалось, что прошла целая вечность. Когда, оглядев столпившихся друзей, Синица решила встать, ей это запретили. Дима Тимофеев подхватил её на руки и понёс на диван в комнату Ларисы.

— Нет, к маме неси, там прохладнее...

Скорая помощь приехала довольно быстро, и парни, усевшись в комнате Ларисы на пол, взволнованно ждали ответа врача. Не ждали его лишь девчонки, потому что давно поняли, в чём дело.

После ухода медиков, объяснивших, что у Тани обморок от переутомления в школе, компания приуныла и вскоре решила разойтись по домам. Таню вызвали проводить двое: Лёня и Дима. Но она разрешила пойти только Диме.

— Вы поцапались? — спросил Лёню его лучший друг Ваня Чижов, когда они тоже оказались на улице.

— Да ну её! Строит из себя Элизабет Тейлор!

— А чё, она и правда чем-то похожа...

— Артисткой хочет быть, представляешь? Я ей набросал перспективу, так она обиделась...

— А ты бы не отговаривал, пусть идёт.

— Ага, чтоб её там все имели! Мне такая не нужна...

— Да ладно тебе, Лёнчик, ты ж не сможешь без неё. Сам говорил, что запал...

— Но я должен быть уверен, что к ней никто не прикасается. Понимаешь?

— Я обалдеваю от тебя! Такое же невозможно. Не то время. Век глобального секса, старик...

— Хорош придуриваться-то! Так пусть дебилы

оправдываются! А у нормальных — всегда всё по уму.

— Лёнь, ты иногда даже меня стопоришь. Кончай умничать! Можно подумать, ты готов без секса обойтись!

— Ещё чего!

— Ну и не гони! А Синица пусть артисткой будет. Может, тоже сыграет Клеопатру!

— Тебе б только поржать...

— Да чё ты, Журавлик... Куда двинем-то? У меня новый дискач!

— Ладно, пошли к тебе...

Ваня жил в многоэтажке, «прилепившейся» к тем окраинным частным домам, которые начинали улицу Ярославскую. Уже дойдя до подъезда, друзья услышали окрик.

— Эй, новёхонькие, тормозни!

Это был Стас Липовцев, их одноклассник, живущий на Ярославской. Он не спеша подошёл, а ребята удивились его озабоченному виду. Обычно лицо Стаса украшала беспечная улыбка.

— Чё те, Липа, на бутылку занять хочешь? — поинтересовался Ваня.

— Да на фига мне ваши медяки! Тут наезды заманали, а вы прикалываетесь!

— Кто наезжает-то? Предки? Или, может, ломовые?

Между новыми и ярыми с прошлых выходных (и до конца выпускных экзаменов) было заключение перемирия. Поэтому Ваня и предположил, что неприятности у Стаса, скорее всего, с ломовыми.

— Слышали про пожар в гаражах?

— Ну.

— Так это гараж Утюга сгорел!

— А ты-то чё озаботился? Бандита жалко?

— Озаботишься тут! Наших-то трясут! Менты решили, что это мы похозяйничали! А нам такие развлечения — как козлу гитара!

— Ну, ты и остролюб, Липа! — захохотал, Чижов, — «Козе баян» говорят, понял?

— Плевать, Чиж! Лучше вникни, следом-то к вам начнут прикапываться!

— Чё, пошутил? Мы-то там вообще не ходим! Это ж ваша территория, Липа!

— Хорош орать-то, — перебил ребят Лёня, — Всю улицу соберёте...

— Если предупреждают, отражать надо... — возмутился Стас, но уже спокойнее.

— Пошёл ты, Липа, вместе со своим предупреждением! Говорю же, мы там не ходим!

— Ладно, Чижик, остынь, — снова вмешался Журавлёв, оттягивая Ваню за локоть, — Чё, подраться охота?

— Да нужен он, этот сморчок! — выкрикнул раздражённо Иван и оттолкнул Липовцева.

Тот устоял, смерил его долгим взглядом и зашагал прочь, матерясь от обиды и непонимания. Уже в доме Чижова, видя, что друг так и не успокаивается, Лёня снова заговорил о пожаре. Иван долго отнекивался, но потом не выдержал и набросился на друга, которого всегда защищал.

- Ну, чё прикопался? Шёл бы тогда с нами!
- А, понятно...
- Чё те понятно? Понятно ему... Ещё скажи прав!
- закричал Иван, да так зло и громко, что Журавлёв растерялся, — Ох и козёл же ты, Лёня...с гитарой...
- Остынь, псих. Я ж просто спросил.
- Не бывает ничего просто...
- А ну тебя, лучше домой порулю, — оскорблённым тоном сказал Журавлёв и направился к выходу.
- Рули... — сразу успокоившись, отозвался Иван,
- торяга, конечно, не для таких, как ты...

Глава 3

На улице уже начало темнеть. Со стороны частного сектора тянулся изумительный аромат цветущих яблонь, а едва заметная, прозрачная, как стекло, круглая Луна казалась вычерченной циркулем. Лёня не понимал, как они смогли поссориться. Ведь с младших классов общались как самые преданные друзья. Иван, конечно, мог вспылить и раньше, но только не с ним. Наверное, всё дело в том, что три дня назад Лёня впервые не пошел за другом. Но Журавлёв и сейчас был убеждён, что поступил правильно. Затея ребят была не только бредовой, но и опасной. Единственное, за что он винил себя, — не удержал и Ваню, не убедил остаться...

Подходя к своему дому, Журавлёв увидел Таню Синицыну. Она сидела на скамье и отрешённо смотрела вдаль. Лицо девушки опять было бледным, привычный румянец, даже если он раньше и был макияжным, отсутствовал, как и её романтичный, влюблённый взгляд, в последнее время сводивший Лёню с ума.

- Тань, ты как здесь?
- Поговорить надо, — отозвалась девушка так обиженно и горько, что Лёня окончательно расстроился.
- Ну, пошли...
- Нет, у тебя уже предки дома.
- Давай тогда здесь.
- Пошли лучше к бане...
- Но сначала пообещай, что не упадёшь там в обморок.

Таня потерянно развела руками, и жалобная гримаса повисла на её бледном лице. Они медленно зашагали в сторону частного сектора, к самой окраине, туда, где было навалено множество кирпичей, строительных материалов и брёвен. К той самой недостроенной бане, которая была без крыши и дверей, но в воспоминаниях девушки вызвала счастливый и радостный трепет.

...Прошлая весна была не такой тёплой и ранней, как нынешняя. Лёд тогда то таял, то снова сковывал всё вокруг. А ветер ничем не отличался от зимнего, так и пронизывал насквозь. Но даже такая неуверенная и прохладная весна всё равно вызвала в людских душах трепет и радость — своим доброжелательным, спящим солнцем и гвалтом множества вернувшихся птиц.

После баскетбольного матча на первенство школы ребята направились по домам очень медленно и неохотно. В ушах всё ещё стоял шум болельщиков и выкрики соперников из 10-го «Б», штурмующих корзину тогда ещё 10-го «А», как вражескую крепость. Но победа, пусть и слишком трудная, заставила ребят из 10-го «А» моментально забыть все обидные выкрики. Взмокшие и уставшие парни шли домой с гордо поднятыми головами, а раздражение вызывал лишь тот факт, что в школе опять не работал душ. Девчонки наперебой рассказывали, как волновались за друзей. И сорвали голоса, весь матч, крича о необходимой победе.

Лёня Журавлёв, как обычно, после того, как отделились все, кто жил дальше, пошёл провожать Таню и Ларису, живущих в соседнем с ним доме, до самого их подъезда. Лариса сразу убежала домой, а Таня не спешила. И они впервые остались вдвоём. Лёня давно заглядывался на Таню Синицыну, только считал, что в такой дружной компании, как у них, не стоит разбиваться на парочки. Но глаза Тани светились тогда таким восхищением и восторгом, что он предложил ей погулять с ним вечером. Она согласилась, не раздумывая. И, конечно, он посмотрел ей вслед окрылённый и взволнованный чувством удовлетворённого мужского самолюбия. А вечером, нажимая на кнопку её звонка, почувствовал невероятно сильное сердцебиение и страх, что не сможет скрыть нахлынувшие эмоции. Открыла дверь сестра Тани. И пока он соображал, кто из близнецов перед ним, появилась сама Таня.

...Исколесив весь свой двор, они, не стовариваясь, свернули к частному сектору. А там, на отшибе, увидели заброшенный долгострой. Лёня почувствовал за спиной крылья, а в сердце — сладкую волнующую истому.

- Поцеловаться бы... — мечтательно протянул он.
- Таня не ответила, только как-то неопределённо передёрнула плечами. Он расценил это как сигнал к действию и потянул её к недостроенной бане. От страстных и продолжительных поцелуев у обоих моментально закружилась голова, а ноги стали подкашиваться, как у пьяных. Лёня так призывно сжимал в объятиях доверчивое девичье тело, что Таня, оторвавшись от его жарких губ, на миг зажмурилась и прошептала, прижавшись лбом к его подбородку:

— Ты меня...хочешь?

Но ответ ей не требовался, нужно было лишь лечь, не переставая целоваться. Оба даже не заметили, как холодна весенняя земля и как шумно вспорхнули потревоженные ими голуби. Вечернее небо, накрывшее сруб и стерегущее их уединение, было тёмно-серым и каким-то уж очень озабоченным. Но в щели бревенчатой стены проникали лучи закатного розово-жёлтого света. Солнце, казалось, откладывало своё окончательное «падение», желая помочь юным влюблённым. Оно изо всех сил оттягивало темноту подступающей ночи. И вот, когда ленивая ночь, неотвратимая, неизбежная, накрыла собой последние отблески света, убежище влюблённых погрузилось в

темноту. Но их глаза быстро привыкли и стали различать очертания сруба. Потребовалось не меньше часа, чтобы они насытились близостью. И тогда, засмеявшись радостно и загадочно, они поднялись, поправили на себе одежду. Потом, взявшись за руки, в благодарность небу, подняли вверх головы, вглядываясь в высывавшие по нему звёзды...

Теперь они дошли до частного сектора быстро. Таня всё время молчала и вырывалась вперёд, а в её крепко сжатых губах и повисших руках Лёня почувствовал беду. Но ждал, ни о чём не спрашивая. Вдруг какое-то подленькое, противное озлобление подкатило к горлу, и даже захотелось дёрнуть Таню за руку, с силой развернуть к себе лицом... За то, что она приготовила ему какую-то неприятность, ненужную и нежданную. Поэтому Лёня постарался просто не смотреть ей в глаза.

Она заговорила, только войдя в помещение бани и устроившись на каком-то кривобоком ящике. Её колени были круглы. И красивы. Как и длинные стройные ноги, спрятанные в сапожки. Но эти восхитительные ноги почему-то нервно вздрагивали, как, впрочем, и руки, которые она не знала куда деть.

— Замёрзла, что ли? Не стоило сюда и тащить-ся... Поговорили б у дома...

— Не замёрзла... Мне просто очень...плохо...

— Надо было в постели лежать, а не меня у подъезда караулить...

Лёня говорил, как обычно, серьёзным, уверенным голосом, но раздражение, будто красный огонёк семафора, кричащий об опасности, так и сквозило в его больших выразительных глазах. Таня заметила это моментально, молниеносно. И не только заметила, но и почувствовала. И оскорблённое влюблённое сердце сжало ей грудь цепкой, безжалостной волной боли. Девушка даже вскрикнула от неожиданности.

— Чё, репетируешь, как артисткой станешь? — недовольно съязвил Лёня, навалившись на стену.

— Сердце вдруг кольнуло... — виновато, словно она намеренно вскрикнула, ответила Таня шёпотом.

И поняла, что дальше всё будет только хуже. Из глаз ручьём полились слёзы — слёзы обиды, боли и унижения.

...Она уже пыталась сегодня поговорить с ним о своей беде, когда они были у Ларисы на кухне, но до главного так и не дошло. Поссорились, стоило лишь спросить, женится ли он на ней. Лицо любимого вытянулось, брови удивлённо выгнулись, а глаза так опасно расширились, как будто собирались выпрыгнуть из глазниц и укатиться прочь. Чтоб уже не видеть ни Таню, ни её болезненную бледность, ни её надломленного взгляда...

— Ты прямо по классике ведёшь: «не хочу учиться, а хочу жениться!», ну, или, как там у вас... — наконец выдал он.

— Я хочу... услышать серьёзный ответ... Лёня, не надо шутить, — попросила она, подойдя вплотную, но не ожидая увидеть его насмешливое лицо.

— Мне даже говорить об этом неохота, скоро — госы!

— Я помню. Но потом... когда-нибудь... ты бы хотел, чтоб мы поженились?

— Не признаю я это «когда-нибудь»! Придёт время для создания семьи, тогда и думать буду...

— А когда придёт?

— Понятия не имею. Ты просто на глазах тупеешь, Танюша, не ожидал...

— А-а, оказывается, этим интересуются от тупости...

— Ну, нет от ума же, — рассмеялся Лёня.

И притянул девушку к себе, пытаясь поцеловать. Но она обиженно вывернулась из его объятий и отошла к окну. Тогда он чертыхнулся и выскочил из кухни. Но к одноклассникам сразу не пошёл, решил побыть в ванной, покурить и успокоиться. Если бы не шум и крики, обязательно докурил бы там сигарету и обдумал, как в дальнейшем вести себя — разорвать отношения с Таней или дать ей шанс одуматься. Но ситуация тогда вышла из-под контроля...

Сейчас Лёня видел, как медленно, но неотвратимо мрачнеет небо, и чувствовал, что и сам он раздражается всё сильнее. Из-за отстранённого и недовольного вида девушки. На одном из брёвен кто-то нацарапал пронзённое стрелой сердце, а рядом написал: «любовь». Потом, видимо, поразмыслив, зачеркнул его и написал сверху: «секс». Журавлёва это развеселило и даже немного успокоило, он проговорил с усмешкой.

— Слушай, Тань, давай без трагедий, а? Тебе по телеку мало мелодрам? Ты ж не глупая, должна понимать, в нашем возрасте надо думать только о сексе и об учёбе...

— А в каком возрасте о семье?

— Ну, я не знаю... Лет, может, в тридцать...

— Ясно...

Она опустила голову и потянулась рукой к щеке. Её ладонь дрожала мелко и нервно. Плечи опустились так низко, что казались узкими, как у малолетнего ребёнка.

— Тебе чё, не нравится секс со мной?

— Нравится, — ответила она с сарказмом, — Ещё как...

— Ну, так я твой! Можешь и дальше на меня рассчитывать. Я, кстати, в одном журике вычитал, что девушки предпочитают скрывать желания, но на самом деле в них природа так же сильна, как и в парнях... Так что не комплексуй, захочешь — и всегда пожалуйста...

— Ясно...

— Вот и поговорили! Может, сейчас насладимся природой, а?

Таня резко вскинула голову и долгим, испытующим взглядом посмотрела на развеселившегося Лёню. Он, как и раньше, стоял, навалившись на стену, и призывно оглядывал её колени.

— У тебя такие обалденные ноги, Синичка, я шизею! Помню, раньше: увижу, как ты к доске идёшь — и судороги начинаются... А ты понимала, что я застал? Догадывалась? Помню, однажды...

Всё сплелось в сознании Тани в один единственный романтичный поток жизни, когда любовь правит всем, даже дождливыми осенними ночами и углями, догорающими в маленьком дачном камине, без которого зимой не обойтись. Но ничто так не восхищало и не умиляло её на даче, как искромётная радость в глазах Лёни. Стоило им насладиться близостью, как он весело и очень артистично принимался рассказывать ей о своем детстве, о смешных историях, случавшихся с ним на даче. Таня нежно укладывала ему на плечо голову и слушала всё с замирающим сердцем. Его мимика, жесты, интонации врезались тогда не только в её мозг, но и в сердце, преобразившись там в горячую любовную волну чувств, которую она уже не забудет никогда в жизни...

Теперь, глядя в лицо Лёни, такое любимое, родное, возбуждённое, но так некстати насмешливое, она попыталась отогнать воспоминания. И вернуть их обоим на грешную землю, к проблеме, которая, сначала обрадовала её, а потом вдруг стала изводить тоской, обидой, тошнотой и головокружениями. Только, как ни старалась Таня отогнать милые сердцу картины прошлого, что -то необузданное и неуправляемое снова и снова уводило её от реальности. Возможно, так психика пыталась справиться с негативными эмоциями. Тане отчётливо представлялась сказочная планета Журавль, где они с Лёней жили очень счастливо. Никто из людей не мог помешать или навредить им, ведь на всей планете были лишь они вдвоём. Неожиданно Таню развеселило, что растительность планеты слишком похожа на её разноцветные детские рисунки из книжек-раскрасок. Но восхищал и поражал воздух. Он был музыкальным, а отзывался на все чувства прекрасной весёлой мелодией, которая даже сейчас звучала в ушах Тани: там, там, тара-рам, там, там, там, тару-ру... И совсем никакие слова не требовались, достаточно было лишь посмотреть друг на друга, чтобы устремиться навстречу, да слиться в пылком, нежном порыве чувств. Огромные, красочные и странные мотыльки, объединившие в себе бабочек и пчёл, летали над восхитительными садами, а потом отдавали влюблённым сладкий, животительный нектар цветов. Утренние росы всегда могли напоить, а полуденные тёплые дожди — смыть любую усталость. По ночам, когда, обнявшись, влюблённые закрывали глаза, высокие шёлковые травы укрывали и убаюкивали их тихим шелестом, обещая, что утром снова встанет солнце, а значит, наступит новый день любви...

Он принялся рассказывать ей сюжет из прошлогодней вечеринки, но она уже ничего не слышала, лишь смотрела, как шевелятся его губы. И вспоминала своё. Особенно ей нравилось вспоминать их поездки на дачу Журавлёвых.

Сразу после их первого свидания Лёня, окрылённый страстью, предложил ей иногда ездить на дачу, чтобы не прятаться по закоулкам, как он окрестил недостроенную баню, их первое прибежище. Она не только с радостью согласилась, но и восприняла это как серьёзную заявку на их дальнейшую семейную жизнь. И вот, оказывается, горько ошиблась. Но всегда, когда вспоминала закрытые наглухо ставни, промерзшие после зимы комнаты дачного домика, странно развешанные повсюду покрывала, прикрывающие старинную мебель, отсыревшие спички и искривлённые стеариновые свечи, Таня испытывала очень сильное и волнительное чувство светлой грусти. Такими же желанными в воспоминаниях были и жаркие летние дни, как и следующие за ними душные ночи, когда они с Лёней спали голыми, с раскрытыми настежь окнами и с распахнутой дверью.

— Ты, может, с кем-то... того... схлестнулась, а? — вдруг вклинился в нежную сказку громкий и нервный голос Лёни.

И моментально разбил планету Журавль вдребезги, на мелкие-мелкие кусочки, тут же разлетевшись по Вселенной, как астероиды...

Таня встала с ящика и пошла прочь. Оглянуться было так страшно, словно за спиной убийственная бездна или догоняющее её кровожадное чудовище.

Глава 4

Две больших серо-голубых птицы — голубь и голубка — кружили над жилищным массивом. Сверху он был похож на квадрат, очерченный улицами: Ярославской, Ломоносова, Новаторов и Бакинских комиссаров. Почти посередине квадрата была обустроена большая детская площадка. Чем она привлекла голубей, было непонятно. Помимо металлических шведских стенок, качелей, горок и песочниц там красовалась небольшая сцена со множеством длинных узких скамеек для зрителей. Но сейчас они были пусты, даже маленьких детей нигде не было видно.

Когда-то, во времена советского строя, на сцене довольно часто проводились концерты или восседали комитетчики жилфонда и ЖЭКа. Горожане довольно охотно являлись на концерты, но игнорировали собрания. Вопросы ставились важные, но «тоloch воду в ступе» никому не хотелось. Выручали всегда пенсионеры.

И теперь тоже «зрительный зал» иногда оказывался местом отдыха всё тех же пенсионеров, только совсем состарившихся. Да ещё неприятная молодёжь, любившая потянуть пиво, усаживалась порой у сцены, самостоятельно создавая себе развлечение — «прикалываясь над малолетками».

Летние каникулы, разогнав детей и подростков по оздоровительным лагерям и деревенским бабушкам, были в самом разгаре — возможно, поэтому «партер» оказался пуст. Но только до тех пор, пока четверо парней, хмурых и раздражённых, пришедших со стороны школы, не присели на одну из скамеек близ сцены. И пара голубей принялась кружить над ними, да так низко, что ребята, втянув головы в плечи, зашикали на них. Но голуби демонстрировали удивительное бесстрашие и упорство. Ваня Чижов тихо свистнул и, видя, что не помогло, решил: голуби голодные, потому наглые. Быстро пошарил в карманах брюк и бросил голубиной паре несколько жареных семечек, завалывшихся у него ещё с прошлых выходных.

— Ты это... свалил бы, Журавль... Нам посекретничать надо... — выпалил Слава Лосев, косясь на ребят.

— Офигел? — возмущённо вмешался Ваня и толкнул Славу в бок.

— Ну, Чиж, тогда и ты вали. Чтоб мы могли спокойно всё обсудить, — предложил Лосев, видя, как Ваня покраснел, — Так чё? Не скалься, ты ж его всегда прикрываешь... Вот и валите оба. Времени для промывания мозгов нет...

— Я не уйду, — прошипел Чижов, не глядя ни на кого.

— Гонишь, Лось? Я те чё, дорогу перешёл? Или вместо тебя в академию попал? — поинтересовался Журавлёв.

— Пацаны, давайте без трёпа, — вмешался уже и Дима Тимофеев, — Это ж ненормально, когда друзья грызутся.

— Не, Журавль, ты не парься, у нас и правда, дело, которое тебе не в кайф, ещё с мая месяца. Врубайся? — более спокойно пояснил Слава Лосев, отмахнувшись от Тимофеева, и заметил, как скулы Чиждова, из розовых становятся пунцовыми.

— Ты про следствие? Так оно ж закончилось, — возмутился Журавлёв и впервые подумал о мстительности Лосева.

— Угу... Только последствия остались, Журавль. Так что свали, будь человеком...

— Кончай, Лось, всё же утряслось, сколько можно психовать?

— Утряслось? — переспросил Слава возмущённо, — Но ведь не благодаря тебе!

— А я-то чё мог сделать? Меня ж не было с вами, кто б стал слушать мои доводы...

— Да? — скорчив саркастическую гримасу, выдал Слава, — А Липы тоже не было с нами, но он заверил ментов, что видел, как мы в тот день пёрли из школы по Новаторов, а не вдоль гаражей!

Слава зло сплюнул и вскочил. Нервно отбежав шага на три, вернулся и присел на корточки перед Лёней.

— И ментов эти показания убедили! А? Не слышу! Чё?

— Хорош, Славка. Проехали уже! Чё ему теперь всю жизнь извиняться? — не выдержал Ваня жалкого вида лучшего друга, — Ладно, Журавль, отражай, как всё было...

Лосев снова вскочил и вытянул вперёд руку, показывая Чиждову, что не стоит откровенничать с предателем. Но Ваня не считал Лёню предателем, он был уверен, что всему виной их, хоть и праведная, но гневная горячность, да Лёнины врождённые качества: рассудительность и осторожность.

— В общем, там получилось всё пакостно. Нет, не могу, скажи ему ты, Димон...

Ваня отвернулся от Лёни и опустил голову так низко, что, казалось, вот-вот заплачет. Дима Тимофеев похлопал его по спине, подбадривая.

— Короче, девчонки наши нарвались на утюгов, когда к Светке спешили, ну, ты это знаешь... — начал Дима, кашлянув и пугнув голубей, которые устроились прямо на скамейке, между ним и Чиждовым, — Утюг потребовал мзду... Денег у наших было мало... Тогда он заломил плату натурой...

— Слушай, Журавль, слушай, паскуда! — рявкнул Лосев и толкнул Лёню.

Дима поймал его ладонь, сжатую в кулак и снова направленную на друга, примирительно попросил:

— Не бесись, Лось, нам и правда нужно было сразу всё рассказать Журавлю...

— Ты же знаешь этого чистоплюя! Вы чё, пацаны, офигели? Нашли стрелочника! — резко отдёргивая свою руку, выкрикнул Слава, отвернулся от всех обиженно и возмущённо.

— Ну, ладно, хорош орать, — потребовал Журавлёв, услышав, что от него что-то скрыли, — Рассказывайте!

— Короче, всё было так...— продолжил опять Дима, подставив ладонь голубке, воркующей рядом.

Но она вспорхнула. Голубь последовал за ней. Оба стали кружить над сценой медленно и завораживающе.

— Вон, пацаны, голуби и те вместе, друг за друга горой... А людям сам Бог велел... — заметил Дима философски.

Страсти улеглись так же неожиданно, как и разгорелись. Слава снова сел на скамью, Ваня выпрямил спину и, посмотрев на голубей, усмехнулся. Молчание длилось не больше пяти минут, но когда Дима решил рассказывать дальше, Ваня опять залился румянцем. И в его глазах сверкнула боль, смешанная с яростью, а скулы сжались так сильно, что, казалось, ещё немного, и он заскрипит зубами. И Диме вдруг пришло в голову, что Ваня Чижов влюблён в Ларису... Как же он раньше-то не догадался? Но Журавлёв ждал объяснений, и нужно было переключиться с неожиданной догадки на совсем другую тему.

— Короче, Журавль, случился там полный отстой... Утюг выбрал твою Таню. Девчонки принялись защищать Синуцу. Все по очереди вступались! Тогда Утюг и согласился... на Ларису. Она... легла под него, зная, что ты не простишь Тане, если даже её изнасилуют, заковав в цепи... А то, что Синуца не может без тебя жить, все уяснили давно, старик... Конечно, новая тачка Утюга не такая уж и правильная цена, нужно было поквитаться с ним покруче. Но хоть так, а мы в расчёте... Но не ты, Журавль, не ты...

— Чиж, а ты-то почему решил стать громоотводом? — спросил Журавлёв хрипло и тихо.

— Знаю же твою фуфловую философию! — выкрикнул Чижов, скрипя бабами, — Да ты и не поверил бы даже, что у девчонок не было другого выхода...

— Но вы же поверили!

— Мы без заскоков о средневековой верности и целомудрии... Ведь, если мы хотим от девчонок секса, зачем обвинять их в распущенности, а?

— Просто вы ещё не полюбили никого...

— Может быть...

— Да ты debil, Журавль! Всё равно нашел предлог, чтоб порвать с Синуцей... А она-то любит тебя! — запальчиво вмешался Дима Тимофеев, видя, что Чижов, кажется, не собирается продолжать разговор.

— И я...люблю её. И чё? — еле слышно отозвался Лёня.

— Ничё... Она завтра идёт...на аборт! Ты хоть знаешь, как это опасно при первой беременности?

— Чё? Ты гонишь, Димон? ...Чижик, а? Скажи! — хватая лучшего друга за одежду, с мольбой в голосе и с надеждой во взоре, не решался поверить Лёня.

Но Иван молчал, как будто и не имел ни к чему отношения. Только в глазах у него всё ещё кипела злоба, затуманенная застарелой обидой.

— Вы, ваше сиятельство, князь Журавлёв, изволили не заметить её обморок там, у Ларисы на кухне? — язвительно вклинился Слава Лосев, прерывая напряжённую паузу.

Лёня медленно опустил голову, его скулы покрылись крупными бардовыми пятнами. И друзья поняли, что он не столько пристыжен, сколько потрясён.

Пара голубей, казалось, устала кружить над головами ребят и теперь чинно разгуливала по сцене. А ворковала так мелодично и красиво, что обратила на себя внимание даже скептически настроенного Лосева. Совсем скоро голубиная песня не назойливо, но очень твёрдо, как гипноз, вошла в сознание ребят. И все они, заслушавшись, застыли без движения. И стали походить на волевых комсомольцев, нарисованных на старом фанерном стенде, возвышавшимся над сценой алым вымпелом. Правда, лица комсомольцев почти смыло многолетними дождями и высветило жарким солнцем, тогда как новое поколение имело очень яркие, запоминающиеся лица, хотя в настоящий момент и совсем расстроенные.

Первым пришёл в себя Дима Тимофеев и обратился к Лёне Журавлёву, всё ещё вззирающему на серую щебёнку остекленевшими от шока глазами.

— Ты бы...потолковал с ней, Журавль. Нас-то она не слушает. Мы уж решили выманить её, увести к Ларисе и там закрыть. Посадить под домашний арест...

— Сходите за ней... пожалуйста, — попросил Лёня так трагически, что Ваня бросился в нужный подъезд стремительно и безоглядно.

Ждать пришлось долго. Сидели молча. Ребята хорошо знали, что Таня Синуцына, хоть и любит Лёню Журавлёва, но упрямая и очень гордая девчонка. Когда однажды Лариса, сочувствуя ей, обозвала Лёню «подлецом», Таня возмутилась и запретила так называть его, заявив «Каждый решает за себя. И она тоже самостоятельно решит свою проблему».

Когда в сотый раз открылась подъездная дверь и выпустила каких-то мужчин, Лёня, измучившийся ещё и от долгого ожидания, вскочил. Он уже был готов бежать к Тане хоть за тридевять земель. Но сто первый раз оказался счастливым. Она вышла и улыбнулась ребятам своей обычной улыбкой. Троица друзей сразу засобиралась, объясняя, что им некогда. Таня, всё понимая, не остановила их, не задержала. А оставшись вдвоём с Лёней, принялась водить по щебёнке носком туфли, видимо, желая показать, как ей всё безразлично: она уже приняла решение, и никто не заставит её передумать.

— Почему ты не объяснила мне всё толком? — спросил Лёня, пытаясь не обвинить, а лишь слегка укорить.

— Что?

— Ну, что...залетела...

— Все поняли без объяснений... А тебе что помешало?

— Да, согласен, может, это и странно, но я, правда, не догадался о беременности... Можешь считать меня дебилом. Думал, тебе просто замуж хочется...

Таня вспомнила свою бессонную ночь, когда она прибежала домой после их последней встречи в бане. В голове властвовала тогда одна единственная мысль: покончить с собой, если он не хочет быть с ней! Она даже представила себя мёртвой, под землёй, в платье и туфлях, купленных для выпускного вечера... Её холодное тело безжизненно и одиноко, а по безупречно красивым ногам, когда-то таким желанным, начинают ползать земляные черви... Б-р-р-р... Жутко, страшно... Несправедливо. Нет, она не может отдать себя на растерзание какому-то ненасытному мерзким червям! И нельзя умирать такой молодой. Она не должна! Не имеет права. И как такому подвергнуть родителей! Они-то ни в чём не виноваты. Ни в чём. И она их любит. Конечно. Это так же точно, как и то, что червей не избежать, стоит ей умереть...

И к утру в, казалось, заблокированный мозг, ещё недавно запрограммированный на неизбежную смерть, стали стучаться назойливые, но уже совсем другие, новые мысли и решения. Ей, например, пришло в голову скрыть от родителей беременность, а обратиться за помощью к подругам. Они, конечно, не откажут и соберут нужную сумму денег для оплаты аборта. Да и помогут сочинить историю для оправдания её отсутствия дома. Потом она вдруг решила ничего не скрывать от родителей. Стала разрабатывать сценарий их беседы. Но как только мама в её воображаемом разговоре начинала плакать, напомним о том, как опасно прерывать первую беременность, Таня склонялась к окончательному, как ей казалось в тот момент, и единственно правильному решению — выносить ребёнка, родить его и... оставить в роддоме.

...Лёня говорил, не глядя в глаза Тани. А она всё молчала, поэтому он выкрикнул, уже встревожившись:

— Таня, да ты же не слушаешь! Не считаешь нужным... обсуждать со мной?

— А что обсуждать? Делаю аборт! Знаешь, что это? Искромсают этот нежеланный комочек и выскребут из меня! И нет проблем!

— А вдруг... у тебя больше не будет детей? Это же опасно при первой беременности!

— Да? Ты это знаешь? Фантастика! Не понял, что беременна, когда падала в обморок, есть ничего не могла, а тут такой знаток! Молодец!

— Танечка, ну, успокойся. И поговорим разумно, да?

— Угу...

— Надо рожать...

— Ага. Рожу! И оставлю в роддоме. По статистике, сейчас многие так делают! Оказывается, даже в войну было меньше сирот, чем сейчас... Я недавно была в роддоме, там моя сестра практику проходит. Так представляешь, из десяти — двоих, как минимум, оставляют... Вот и я оставлю... До кучи! За чем одиночеству плодиться? Незачем!

— Таня, я... не сильно удивлю тебя, если потребу, родить моего ребёнка?

— Потребуешь?

— Да. И ради него я готов учиться на заочном. Найду работу. Прокормлю вас, можешь не сомневаться. Начну прямо завтра же — разгружать вагоны... А на ночь устроюсь сторожем. Выкрутимся. Голодать вам не придётся, клянусь!

— А ты... и меня собираешься... прокормить? Я так поняла?

— Да, правильно. Тебя, моего ребёнка и их.

— Кого их? — вздрогнула Таня.

— Ну, тех, кого в то время, когда ты родишь, оставят...

— Чего? Повтори-ка, я не въехала!

— Ты, мой ребёнок и ещё те двое, которых оставят, вы все — будете моей семьёй.

— Дурдом...

— Ну, почему? Не веришь, что прокормлю?

— А если больше двух оставят?

— Ну, значит, больше двух и заберём. Пока они не встанут на ножки, ты меня, конечно, будешь ненавидеть, а потом простишь... может быть...

Таня не могла больше говорить. Комок нестерпимой душевной боли и накопившихся давно слёз неимоверно жёг её изнутри. Ей хотелось заскулить, от жалости...к себе, такой неразумной и жестокой, к своему, ещё не рождённому, но теперь любимому ребёнку, да и к тем неизвестным, но тоже желанным крохам...

Она не только поверила, что всё так и будет, но и представила Лёню, измученного работой и бессонными ночами. Конечно, у него ввалятся щёки, резче выступят скулы, под глазами засинеют тёмные круги, а его ненаглядные, любимые глаза перестанут сиять радостью... Господи! Неужели она готова сотворить с ним такое? Нет, конечно, нет, ведь она до беспамьяства любит его.

— Журавлик, миленький, скажи, что ты пошутил... — всхлипнув, попросила Таня.

— Нет, Синичка, какие уж тут шутки. Такими вещами не шутят. Дети не должны быть брошенными. И наш комочек нельзя кромсать. Он же... от любви...

Художник Яна Тамплон.

ИВАНОВ

В одном городе.. но лучше не говорить, в каком городе, тем более, что жил он, по его уверениям, на таежной заимке, — так вот, жил один мальчик. Веселый, упитанный и не по летам сообразительный, по фамилии Иванов. И звали его Ефим. Потому что его родители в свое время слегка хипповали в том смысле, что наш хиппи — это не какой-нибудь там западный! — и назвали дите Ефимом.

Пришло время Ефиму в армию идти, а он не хочет. Он, как назло, поступал в какую-то консерваторию или, кажется, обсерваторию, писал стихи и смотрел фильмы Тарковского, а служить не хотел. Но, конечно, пришлось. А только он не торопился, на телефонные звонки не отвечал и двери незнакомым не открывал. Он узнал о дате отправки последнего эшелона и явился в военкомат в аккурат на следующий день.

Тулуп у него был худой, но он его маленько подзаклеил изолентой, натянул на свою большую голову прадедушкин кошачий трех (отчего тот слегка разорвался), очки свои треснувшие подмотал смоляной дратвой, накинул котомочку, шпагатом подпоясался и прибыл в кабинет. Трех стянул, рукавицами давай валенки обметать. Очки, конечно, запотели. Славные пимы у него были — высоченные, аккуратно подшитые, с галашами. Обмелся, рукавицы за пояс сунул, поклонился и говорит — так, мол, и так, дяденьки, хочу в вашу войску.

За столом сидел молоденький лейтенант и благоухал одеколоном. Услышав слова Ефима, он подскочил: да где ж ты раньше был? Призывник высморкался, утерся ладонью и рассказал, что как. Значит, живет он у деда на заимке (Кокваней деда-то звать, а только он хворый). Так, значит, вон оно как, а опять же и кобылы у них нету — околела, нечисть, о прошлом годе, а он в войску-ту собрался, да пока настоящий путь не установился — по грязищи не больно докудова дойдешь, да еще, слышь-ко, без кобылы. А и будь та кобыла, что с нее проку, пока пути настоящего нету? Это дело совсем невозможное. То же самое взять и зверя: зверь-от — он зовимья ждать не станет, он уйдет — и поминай как звали. И то сказать: ты его съешь хочешь, а он по лесу живой бегать хочет!

Лейтенант замахал руками и выбежал за военкомом. Иванов развязал котомку, достал краюху хлеба, грязную тряпочку с солью и стал кушать. Пальцами хлебушко отщипывает и кушает. Вбежал с военком, заранее багровый от бессильной злости. Произошла сцена, военком кричал благим матом, и Ефим постепенно понял, что произошло. Он пригорюнился — как же, дяденьки, а я ж вот и котомку собрал, и портянка настоящая у меня дедова — и снял валенок и действительно продемонстрировал, но не портянку, а настоящую фронтную обмотку — тряпицу длинной в несколько аршин; вторая потерялась, но там у него хорошая онуча. В общем, его выгнали с оскорблениями и угрозами.

Весной Иванов проделал этот трюк вторично, но на этот раз военком побелел и пообещал на личном «уазике» после медкомиссии доставить его на сборный пункт. У призывника обнаружилось плоскостопие и близорукость, но он долго еще упрашивал военкома все-таки доставить его в «войску». Я уже не говорю, как долго Иванов потом смеялся.

ПРО АВРЕХА

Многие интеллигентные молодые люди не желают служить своему Отечеству в его вооруженных силах, и это, конечно, с их стороны некрасиво, хотя и естественно. Вооруженные же силы, наоборот, упорно стремятся иметь этих тинейджеров в своих недрах, что, в общем, тоже понятно. Но во всем нужна, я бы сказал вслед Горацию, золотая середина, а то фигня какая-то получается. С одной стороны, эти дохловатые призывники, сверх положенных по уставу тягот и лишений воинской службы, испытывают еще неизмеримые страдания от общей грубоватой окопно-казарменной атмосферы. С другой, — и армия в их лице нередко приобретает больше невзгод, чем радостей. А вот вам и пример.

Жил себе на белом свете поживал, понимаешь, молодой поэт Жора Аврех. Писал, что характерно, стихи. Любил почитать их товарищам. Но вот грянул гром, и его призывают понятно куда. Во флот. Поскольку ростом он не вышел, а телосложение имел тоже скромное, то в военкомате сочли, что ему самое место на подводной лодке, чтобы не занимал лишнего места и своим незначительным объемом груди портил не слишком много драгоценного воздуха.

Нелегко было Жоре привыкнуть к суровой морской службе. Жестокие шторма, назойливые учебные тревоги, бесконечные вахты, сверкающее, как котовые яйца, очко гальюна. Морская болезнь и грубая матросня. Однако постепенно Жора привык и стал даже снова писать свои замечательные стихи и читать их товарищам. Зайдет, бывало, этак скромно в кают-компанию и ласковым голосом говорит: «Хотите, я вам стихи почитаю?». Все кричат: «Не хотим! Иди в пень со своими стихами!» Ну, Жора им немного почитает и уходит. Смеялись над ним, увещевали, били, но ничего не помогало — получая насмешки, увещевания и побои, он утешался тем, что ведь вот и Цветаева, когда у нее не было благодарных слушателей, читала стихи неблагоприятным, разным там молочницам и биндюжникам.

И вот однажды в дальнем походе, когда над какой-то там опять странной-изгоем велась операция по установлению мира и демократии, подводная лодка с Аврехом на борту подошла к соответствующим берегам. И размышляет: а не врезать ли торпедой по нефтеналивному танкеру, чисто так, чтобы не расслаблялись, а списать все на террористов? И вот она ложится на шельф, выключает двигатели и на связь не выходит. В это время Аврех с застенчивой улыбкой входит в кубрик и предлагает послушать новое стихотворение. Все на него страшно шикают, отчаянно мотают головами и показывают огромные татуированные кулаки. Но ему было не привыкать, и стихотворение-таки звучит. Чуткая гидроакустика наверху улавливает громкую радостную речь, ничего не понимает, но настораживается и возникает предложение на всякий случай воспользоваться глубинными бомбами. Предугадав такой поворот событий, капитан приказывает полный вперед и субмарина, взревев винтами, с успехом уходит от начавшегося было преследования. Жора получает несколько раз по морде, но не более того. Но зато возможный международный скандал предотвращен, чему, может быть, порадовались политики. Но вот за капитана я не поручусь.

ГУДОВ

Вот еще одна история, связанная с именем Гудова, ныне литературного критика, а прежде простого сержанта.

Однажды в студеную зимнюю пору он выставил своих часовых на соответствующие им посты и пошел в караулку читать уставы. И вдруг с одного поста слышатся выстрелы, затем звенит телефон, и часовой дрожащим от волнения голосом сообщает, что на пост совершено проникновение. Раздосадованный Гудов с несколькими сонными караульными бежит туда. Там трясущийся часовой говорит, что внизу бегал враг с зеленым фонариком, что он сам-де кричал, потом стрелял вверх, а когда настала пора стрелять уже в нарушителя, того и след простыл. Тут взволновался и сам Гудов, потому что... Сами понимаете. Они с караульными обыскали всю территорию, но ничего не обнаружили — ни нарушителя, ни даже следов. Делать было нечего, и они с тяжелым сердцем пошли в караулку читать уставы.

Не прошло и десяти минут, как сонную тишину караульного помещения снова взорвал тревожный звонок телефона. Часовой срывающимся на истерику голосом сообщил, что опять видел свет фонарика, но сразу же после окрика «Стой, стрелять буду!» огонек исчез за складом с сапогами. Гудов с караульными, на ходу передергивая затворы, со всех ног бросились туда, но опять ничего не обрели. Склад сапог мирно дремал, лишь со скрипом покачивались на ветру лампочки над его дверьми.

И все это повторилось и в третий раз. А потом Гудов все понял, но было уже поздно: часовой на вехи вечные обрел репутацию лгуна. Как Гудов все понял? Нетрудно сказать. Он (уже лениво, только по долгу службы) бегал из угла в угол пространства, огражденного по периметру колючей проволокой, занесенного снегом и освещенного прожекторами, когда увидел собаку. Это была основательная собака с широкой грудной клеткой и хриплым лаем. Пес был одноглаз. Свет от прожекторов, рассеянный сверкающим под лунной снегом, отражался единственным глазом пса, и издали это действительно походило на маленький зелененький фонарик.

Кстати, потом на пост и вправду было совершено проникновение. Некий подгулявший полковник решил проверить бдительность часового. Часовой как раз оказался тот же, а его бдительность, как вы уже поняли, всегда была на высоте, переходящей даже в мнительность. Солдат грозным окриком и предупредительным выстрелом моментально уложил полковника в сугроб и стал звонить в караулку. Но сколько ни зывал он к своим однополчанам, они уже не реагировали. Несчастному лжецу никто не поверил, и тщетно он кричал «Честное комсомольское!» — в телефонной трубке в ответ ему слышался один только грубый смех и шутки невысокого сорта. И в результате старший офицер целых полчаса пролежал в снегу, пока не подошло время смены караула. В конце концов, часовой за проявленную мнительность был премирован отпуском на родину, а вот начальнику караула, конечно, влетело бы, если бы не догадались быстренько испортить телефон.

(Для пушшего драматизма следовало бы добавить, что полковнику ампутировали обе кисти и ступни, и он стал побираться, и спился, и замерз где-то, но, к счастью, это ложь, хотя и нас возвышающая.)

ПОРЯДОК

Однажды на космодром Байконур намерилось прибыть одно весьма значительное лицо. С другими лицами, тоже очень значительными, но все же не до такой степени. А то, первое, лицо было значительности просто неимоверной. Достаточно сказать, что командующий округом за месяц до прибытия лица приказал немедленно приступить к наведению образцового порядка.

Все понимают, что такое авральное наведение порядка, тем более в армии. Я уж лучше не стану рассказывать о том, что творилось в казармах, столовых, банях и военных городках. Опустим это и перейдем непосредственно к ландшафту окружающей среды. Ну, понятно, все некрасивые деревья были спилены, помойки перенесены на много километров от предполагаемого маршрута лимузинов значительного лица, наиболее невзрачные строения срочно огородились бетонными заборами или, на худой конец, маскировочными сетями. Дороги тоже подремонтировали, дорожные знаки покрасили и для особого блеска регулярно смазывали соляжкой, поребрики побелили мелом. У-ф-ф!

Осталось самое плохое — поверхность земли. Сразу решили, что траву красить не будем. Потому что ее практически и не было. Ну, там верблюжья колючка, перекаати-поле. Изредка ковыль, но очень маленький, детский. Всю эту флору не особенно покрасишь: колючка колет, перекаати-поле укатывается постоянно, а ковыль вообще белый, а краска в армии, как известно, бывает только зеленая, бочковая. Так что решили: будь что будет, а траву красить не станем! Так только, немного приберемся. В смысле подберем излишний мусор вдоль дороги. Бумажки, окурки, портянки, остовы давно падших коней и ишаков, не говоря уже о собаках. Все это было приказано убрать в пределах видимости.

И вот в одном подразделении старшим над солдатами послали одного отчаянно свирепого дембеля, между прочим, сказав, что это наведение порядка в степи — важнейшее задание партии и правительства, что даже от качества выполнения будет зависеть и дата его отправки домой. Лучше бы с ним, потому что он поверил. Результат превзошел все мыслимые ожидания.

Он выстроил подопечных в степи и, расквасив пару носов в качестве предварительного устрашения, следующим образом сформулировал задачу:

1) построиться в одну шеренгу к дороге задом к пустыне передом;

2) разойтись на пятьдесят шагов;

3) двигаться в направлении пустыни, подбирая на ходу ВСЕ лишнее в пределах прямой видимости.

Это оптически безграмотное приказание было выполнено беспрекословно. Результат предугадать было нетрудно: пределы прямой видимости неуклонно увеличивались, а послушаться озверевшего дембеля было немислимо. Никто из солдат не посмел вернуться к дороге, не выполнив приказа. Наступила ночь. Глупый дембель в совершеннейшем ужасе бежит в казарму, предвкушая скорый и, в рассуждении близости значительного лица, непременно военно-полевой трибунал с соответствующим приговором. Когда, прибежав, он обнаружил всех подчиненных спокойно спящими в кроватях, он только и смог разразиться тихим счастливым смехом. На дембель он поехал в августе, санитарным эшелонном.

По реке

ПО ВИШЕРЕ

20:00, сбор под «Варежкой». Вовремя пришли, только Дэн с Аней и я (Юлия). Все остальные — как всегда...

21:00. Объявляется посадка на поезд Екатеринбург—Соликамск.

Итак, мы загружаемся в поезд, занимаем сидяче-лежачие места и вскоре приступаем к наиболее важной части «паровозного» церемониала — поеданию сухпайков. Потом (хорошо, что на сытый желудок) мы познакомимся с очаровательной крольчихой Кралей, которую (как оказалось) везли домой Окси и Маришка. А вечером у нас — сиеста! И фиеста, впрочем, тоже. В тесноте, да не в обиде, все разместились вокруг стола, вдоволь посмеялись, пообщались и повеселились.

Утро. Вся наша команда (не совсем вся), проснувшись на удивление рано — в 8 часов, Медленно сползали с полок, каждый по-своему пытался привести себя и соседа «в чувство». Саня пел, Денис молчал, кто-то там ногой качал... Юрий Владимирович все утро охотился на крольчиху, пришлось отдать ему курицу! За попытки спасти бедного, замученного, спавшего в дырявой коробке кролика все студенты были неоднократно «отчислены». В остальном все было спокойно. А вообще просто здорово. Просто здорово смотреть в окно на несущиеся совсем рядом леса, почти физически ощущая ветер странствий и вкус свободы — свободы от учёбы, работы, от «телеков» и «компьютеров». Вот так, в интригующем ожидании чего-то нового, незабываемого, волнующего, мы доехали до станции Соликамск. Прямо на вокзале нас уже ждал автобус и мы добрались до Красновишерска с ветер-

ком и музыкой. Красновишерск раскинулся на левом берегу Вишеры. Город в глухой тайге вырос вместе со строительством Вишерского целлюлозно-бумажного комбината имени В.Р. Менжинского. Комбинат славится высококачественной бумагой. На вишерской бумаге напечатано Полное собрание сочинений В.И. Ленина. Интересно и опытное поле северного растениеводства, где в суровых климатических условиях выращивают томаты, капусту, лук. Есть в городе дворец культуры, широкоэкранные театры и другие социально-бытовые учреждения. Красновишерок — центр огромного северного района. По приезду нас разместили в школьном спортзале (ни у кого из нас ещё не было такой большой спальни). Люди в городе оказались радушными и гостеприимными. Как только мы устроились, нас пригласили в гости к местному художнику. Предполагалось, конечно, что по средствам этого визита мы приблизимся к искусству, но вышло как всегда. Все с трудом сдерживались, чтобы не уснуть, потому что жизнь у художника оказалась очень и очень длинная.

На следующий день доехали до речки Мутихи, по которой выйдем в Вишеру. Девочки взялись за приготовление обеда, а сильный пол начал сборы катамаранов.

У нас два ката. На первом — Оксана, Марина, Настя, Юлия, два Лёши и старший — Юрий Владимирович.

На втором — Два Сани, Денис, Аня, Татьяна Васильевна и Павел Владимирович.

Спуск на воду прошёл благополучно. Плывём. После впадения речки Мутихи Вишера течет

прямо, перекаты чередуются с плесами...за шестикометровым плесом, в конце его, слева, вырастают домики поселка Приисковая (нежилые). Наш первый причал, все кажется невероятно интересным, таинственным и удивительным. Очень хочется рассмотреть все как можно подробнее, но нужно плыть дальше. От Приисковой Вишера круто поворачивает на юг. Затем река упирается в скалу Куб и разворачивается на юго-запад. Плыдем помаленьку, матрасничаем, слева небольшой камень Дунькин, а справа, за устьем речки Елма, тянется красивый 120-метровый Елмийский камень с остроконечными вершинами. От камня Вишера поворачивает на запад.

Слева промелькнет ряд береговых скал, а справа начнет надвигаться громада Писаного камня, который растянулся по берегу на 2 километра. Подъем на него идет сначала по крутой осыпи, затем влево отходит тропа к вершине. Поднимались мы быстро, уж очень хотелось скорее насладиться величественным видом на реку, обрамленную с одной стороны пологим берегом с подступившим к воде лесом, с другой — отвесной громадой Писаного. Наши ожидания оправдались, открывшийся пейзаж действительно оказался потрясающим. Лично у меня от восторга даже голова закружилась! Спускаться оказалось значительно проще. Около камня глубоко, течение почти не чувствуется. Здесь великолепная рыбалка на тайменя и щуку.

Ниже по течению Писаный разделяется речкой Писанкой на две неравные части (нижняя часть называется Белоусовским камнем). Камень Писаный сложен из известняка. В нем можно найти остатки окаменелостей морской фауны. Здесь есть две пещеры, одну из которых мы посетили; здесь пригодились фонарики, спички, зажигалки, словом, все, от него становиться светлей (в том числе и улыбки).

Внимательно все осмотрев, мы двинулись дальше. Камень считается одной из красивейших скал Вишеры. Свое название он получил из-за многочисленных древних рисунков и надписей, которые были

обнаружены на скалах Белоусовского камня. На вертикальной и гладкой труднодоступной скале люди конца каменного века нанесли темно-красной, смешанной с животным жиром краской рисунки, хорошо видимые с реки. Рисунки изображают лося, медведя, куницу, соболя, рыбу, человека. У основания скалы находилось жертвенное место. Здесь найдены кости жертвенных животных, кремневые орудия, обломки глиняной посуды. После Великой Отечественной войны профессор О.Н.Бадер проводил раскопки в районе камня. И выяснилось, что народы, населяющие эти места, пользовались жертвенным местом на протяжении более четырех тысячелетий.

Удалось обнаружить свыше трехсот рисунков, сделанных на разной высоте. При изучении выяснилось, что все рисунки делятся на группы, связанные между собой по смыслу. Ученые предполагают, что сохранившиеся рисунки — это часть древней карты первобытных охотников.

Рисунки до нашего времени сохранились плохо, в этом большая вина туристов, которые оставляют поверх изображений свои адреса. Мы, как туристы порядочные, адресов своих на рисунках оставлять не стали, ведь труд даже древних людей нужно уважать! Мы просто сфотографировались на их фоне (на память) и поплыли дальше.

От камня Писаного река течет на запад. Сразу за камнем начинается Писаный перекаат. Русло расширяется. Течение слабое, мы прекратили матрасничать и взялись за весла. Наконец поравнялись со вторым катом, сцепились и расслабились. Большой компанией плыть веселее! Так доплыли до очень увлекательного объекта, до горы Сыпучи, которая поднимается на 90 м. Она сложена темно-серым песчаником, разбитым на мелкие плиточки. Песчаник легко распадается от самого незначительного давления, отдельные плитки с шумом скатываются к подножию горы. Перед горой Сыпучи расположено село Сыпучи. Чуть ниже села находится остров Сыпучинский, заросший кустарником. Сейчас остров весь под водой, как и другие многочисленные острова реки Вишеры, которых мы так и не увидели.

За горой на левом берегу большой поселок Новые Сыпучи. Здесь есть магазин, столовая, почта. Мы, разумеется, — мимо. При выходе из судоходной протоки начинается Нижне-Сыпучинский перекаат. После него можно спокойно плыть по середине реки. За островом Шелюгинским, на правом берегу, нежилая деревня Потаскуево. Здесь мы и поставили лагерь на ночевку. Первый ужин в походных условиях нам приготовили завхоз Пятачок и Ю.В., получилось очень даже вкусно! Поставили палатки и позволили себе расслабиться... Темнеет, собрались у костра, чай с печеньем, гитара с песнями. Над рекой струится и колыхается туман, густой и белый, кажется, в него можно шагнуть и увязнуть, как в паутине.

Потихоньку народ у костра редет и плавное перетекает в палатку, у огня остаются самые стойкие. Как приятно после всех дневных трудов вытянуть в палатке ноги!

Утро наступило хмурое, но без дождя. Дежурная Аня, абсолютно непонятно как, заставила всех проснуться и выползти из палаток (сама не спит и другим не дает).

Все хотят есть, но не у всех получается. Саня со вчерашнего вечера ходит хмурый — его ложка, важный рабочий инструмент, без которого сам поход теряет смысл, таинственным образом исчезла (а миски и чашки у него вообще не было). Все остальные позавтракали вполне успешно. Спасибо дежурным — Денису и Ане.

После завтрака, примерно часов в 10, мы отплыли. Погода обещала быть хорошей. Солнышко поднималось все выше, мы лениво помахивали веслами... Да, жизнь прекрасна и удивительна! Через 2–2,5 км по правой стороне тянется камень Столбы. За ним, на левом берегу, возвышается камень Дыроватый, в котором есть несколько небольших пещер, мимо которого нас случайно «пронесло» (главным образом из-за того, что мы не успели вовремя схватиться за весла, лежавшие без дела). Возле камня в Вишеру впадает речка Дыроватиха. Среди леса виден 40-метровый камень Притон.

От камня Вишера поворачивает на север и подходит к камню Неточному (правый берег). Сразу за камнем принимает реку Малый Щугор. За ней Верхне-Щугорский пережат. На правом берегу видны домики деревни Щугор. С левой стороны впадает река Большой Щугор. Ниже устья поселок Большой Щугор. Здесь живут алмазодобытчики. Там около двух часов дня и причаливаем на обед. Решили готовить борщ. Пока собирали дрова, разводили костер, резали овощи, мы не заметили, как набегали облака и... зарядил дождь, да ещё какой (и именно в мое дежурство!), а суп ещё не готов! Но всем было известно: обед обязан состояться при любой погоде. Состоялся, куда ж он денется! Пообедали под тентом и, дождавшись просвета, ста-

ли собираться. Мокрые, но сытые, плывём дальше. Дождик никак не может решить, лить или не лить. А нам хочется поскорее приплыть к месту стоянки (т.е. сушилки).

За поселком левый берег Вишеры покрыт смешанным лесом, а правый — лугами. Слева в Вишеру впадает крупный приток Большой Колчим. Напротив его устья расположен поселок Вишерогорск, в котором есть магазины, почта. Здесь мы и причалили! Ненадолго наши Леши

убежали в магазин. Время 20:00. Дальше путь идет вдоль правого берега Вишеры. Справа остается камень Зеленая Береза. Мы плывем. Впереди видна высокая и отвесная скала — это камень Говорливый. Высота его 60 метров. Вид сверху должен быть впечатляющим, впрочем, с катамарана вид ничуть не хуже. Камень Говорливый получил свое название из-за четкого сильного эхо. Все проплывающие около него туристы не забывают ему крикнуть: — Кому не спится в ночь глухую? И устами эха глаголет «слово истины»... Сразу за Говорливым мы остановились на ночлег (наконец-то можно сменить мокрую одежду на сухую!!!) Приближается вечер, становится теплее, солнце ощутимо пригревает.

Опять же утро. Походно-водные процедуры, завтрак, кто-то незнакомый в зеркале... Часть группы нежится на солнышке.

На каты мы погрузились уже около полудня, плыли медленно, не напрягаясь, иногда, для вида, помахивая веслом... А не тут-то было, веселый дождик опять решил составить нам компанию. Но не надолго. Вот справа показалось село Говорливое, за ним деревня Романиха. Здесь мы и остановились на обед! Несмотря на вечер, стоит почти жара. Мы все разоблачаемся из прорезиненной амуниции, охота позагорать и просушить себя. Надо отметить, что дождик себе и нам не изменил, побрызгал на нас и здесь, но незначительно.

Несколько километров и слева за лесом возвышается высокая стена камня Ветлан, а справа вдали видна каменная громада, похожая очертаниями на пьедестал «Медного всадника» в Ленинграде. Это Полюдов камень. С Полюдом связано много легенд. Вот одна из них.

«Много лет назад жили два друга богатыря. Одного звали Полюд, другого Ветлан. Высок и строен, как лиственница, был Полюд. Обладал он силой

великой, мог с корнем вырвать любое дерево, бросал камни пудовые на сотни шагов. Хозяин леса — медведь — обходил его.

Ветлан был меньше ростом, зато широк в плечах. Походил он на могучий кедр. А вот силы и ловкости у них было поровну.

...Беда пришла неожиданно-негаданно. Повстречалась богатырям красна девица. Стройная, словно березонька. Очи черные, горят как звездочки, голос что ручей журчит.

- Откуда ты? Как зовут тебя, красавица?
- Вишера я, дочь уральских лесов и гор.
- Так живи с нами и дружи с нами. Мы тебя не

дадим в обиду. Кормить будем всегда досыта. Одевать будем в меха соболя.

Понравились ей друзья-соколы. Согласилась Вишера погостить у них, да и полюбилась им обоим.

Вот Полюд говорит:

— Будь моей женой-подругою.

И Ветлан говорит:

— Будь моей женой-хозяйюшкой...

Растерялась красавица: оба любы ей, оба по сердцу. Кто из них милей, не могла решить.

И схватились добры молодцы в рукопашном бою. Бросилась к ним Вишера, молила слезно, пламенно: «Прекратите бой! Будем вместе жить, как товарищи!»

Но не вняли ее мольбе добры молодцы. Разбежались они в разные стороны и через голову красы-девицы стали метать камни пудовые. Пять ночей и дней длился

страшный бой. Гром и стон стоял по горам и лесам. На шестой день из сил выбились бойцы, кровь пролили, искалечились. Поникли их буйные головы, перестали биться сердца горячие. Превратились молодцы в горы каменные. Да и Вишера чуть

жива стоит. Упала она между двух друзей, и свет ей стал не мил. И течет с тех пор быстрой реченькой краса-Вишера. А вода в ней так и осталась слезой чистой.

Богатыри Полюд и Ветлан стоят, как стражи, охраняя покой всего края».

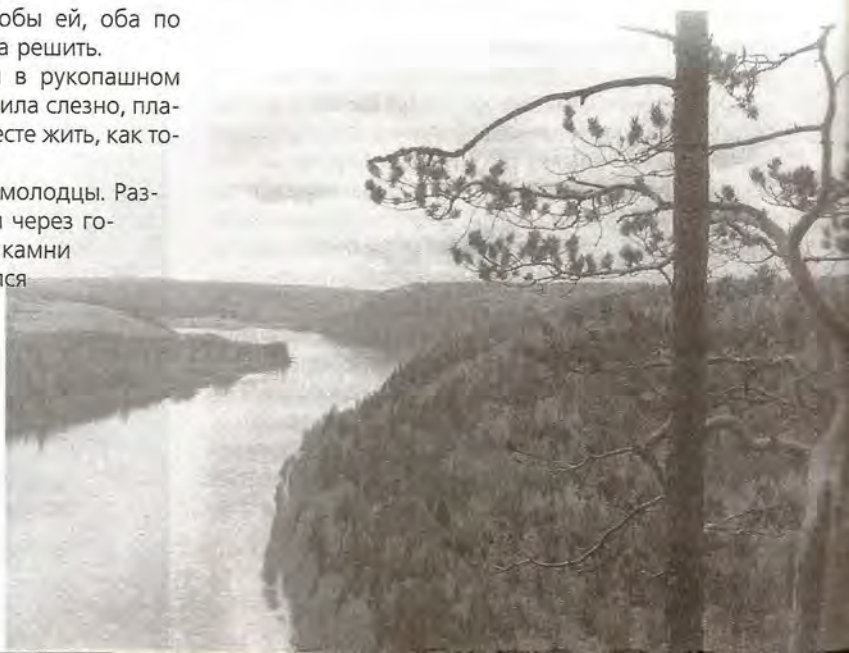
У подножья Ветлана и будет наша последняя ночь на реке, а завтра вечером — 8 км, и мы в городе Красновишерске. Поужинали согласно по-

ходной традиции — рожки с тушенкой, чай с печеньем. Дотемна сидели у костра, наслаждаясь теплом и комарами. Подробностей этой ночи описывать не буду, но мало кому в нашем лагере удалось уснуть раньше рассвета.

На следующий день все проснулись не утром, а уже около полудня. Обед был готов, поэтому мы сразу порадовали свои желудки и отправились на смотровую площадку камня Ветлан. Спасибо доброму человеку, который догадался построить там деревянные лесенки, наша задача значительно упростилась. Тем не менее, я бы не

назвала этот подъем «легкой прогулкой», без подготовки подниматься все-таки сложно. Зато наверху — есть на что посмотреть.

Все больше чувствуется приближение города. Все чаще встречаются катера, лодки. Вот и Красновишерск — конечный пункт плавания по Вишере. Пристань расположена в двух километрах ниже Красновишерска. И мы наконец добрались до уже знакомой нам школы, почти родной гигантской спальни (спортзала). Вот и близится финал нашего путешествия.

ЛЕСА УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Южная граница Приполярного Урала проходит по правому берегу реки Щугер, обходящей с севера массив Тэл-Поз-Из, северная – чуть южнее горы Грубе-Из.

Природа Приполярного Урала значительно отличается даже от близкого к нему Северного из-за приближения к Заполярью, к его суровому климату, к его безлесым тундрам.

Если учесть, что снега здесь нет только с конца июня до середины октября, то становится понятным, почему таежные леса, подступающие к склонам гор гораздо более разреженные, чем на Северном Урале.

От западных предгорий отходят низкогорные пармы и кряжи высотой всего около 200 м, покрытые разреженными ельниками, лиственничными, пихтовыми и березовыми редколесьями, хотя западный склон Приполярного Урала – самое влажное место на Урале.

От восточных, находящихся в более теплых и менее влажных погодных условиях, – лиственничные, сосновые, еловые и кедровые, уходящие намного дальше на север, чем на западном склоне.

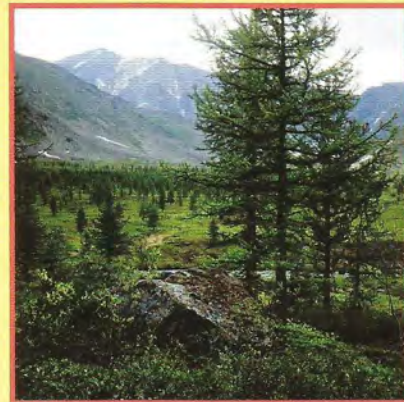
Соответственно, к вершинам гор леса подходят на менее высокие уровни – до 400-500 м. Горные тундры также менее заполнены растительностью, хотя они богаче ею, чем тундры полярных равнин. Они доходят до высоты 1200 м, выше которой идут уже горные пустыни.

Евгений Савенко. Фото автора.

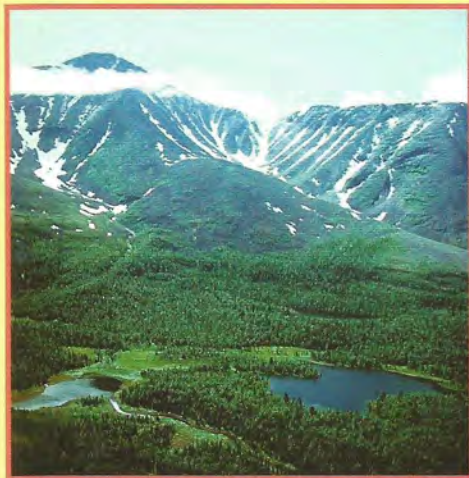
(Начало серии заметок «Леса Уральской горной страны» в № 2 за 2004 год.)

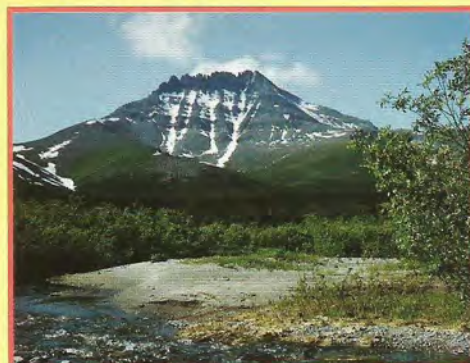
Межгорная долина

Лиственничное редколесье между Народной и Манарагой

Западные предгорья

Подгольцовая и гольцовая зоны у Манараги

Ель, береза и лиственница у Сабли

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

СМУ-9